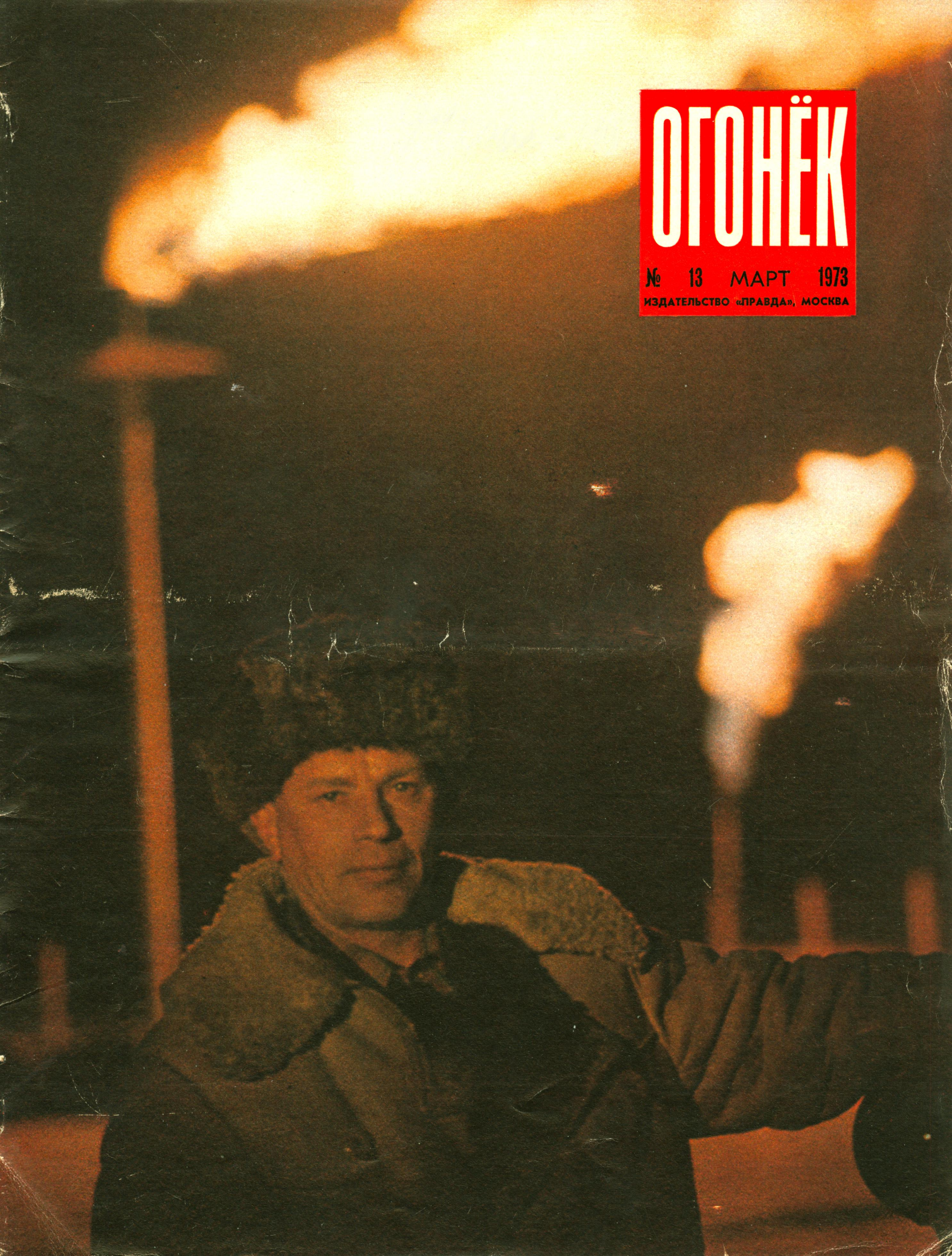
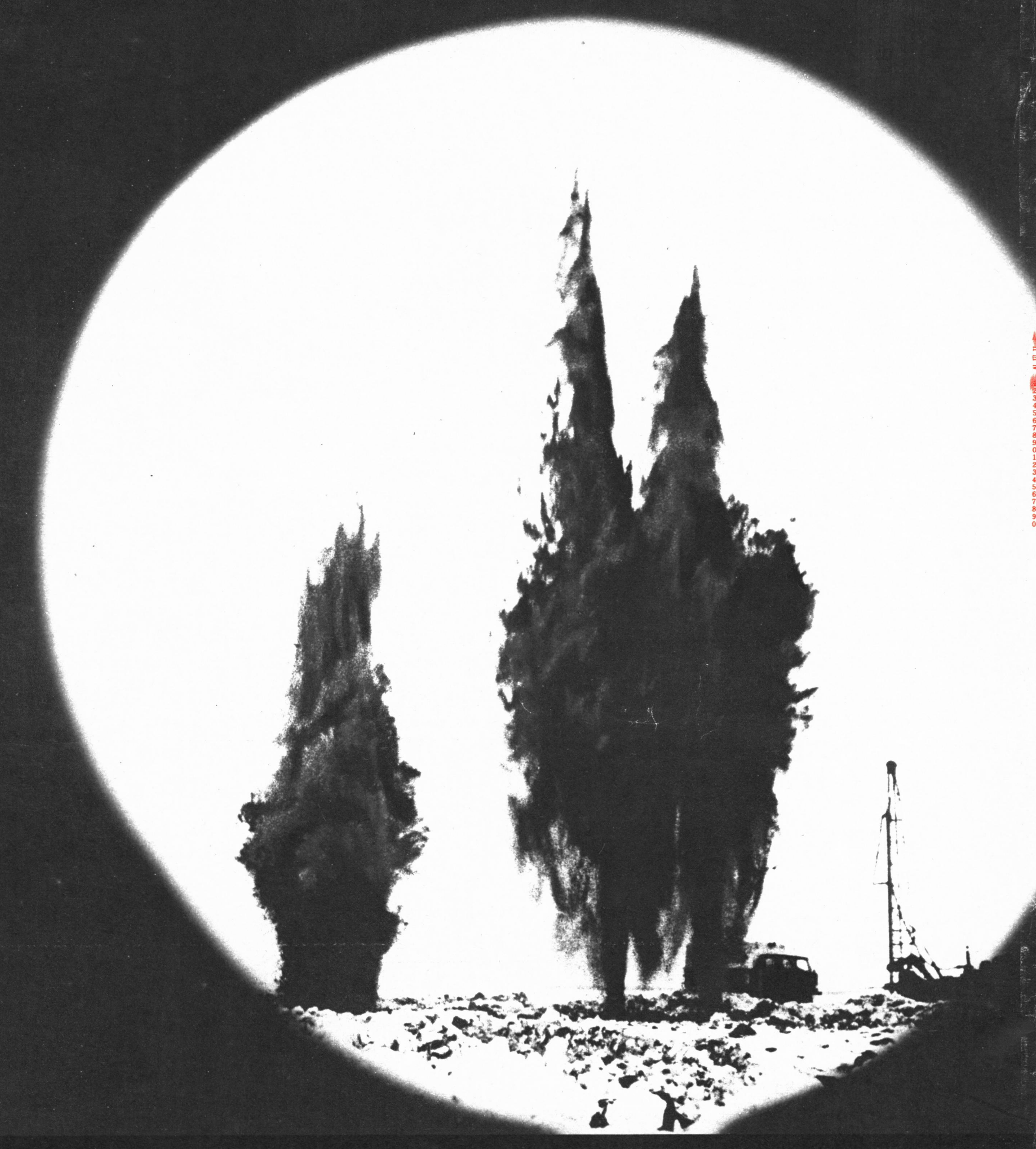

ОГОНЁК
№ 13 МАРТ 1973
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Сейсмическая разведка.

ОРЕНБУРГСКИЙ Г

Бригадир монтажников П. Белоус и Ф. Ханафин работают на строительстве газоперерабатывающего завода.

Продолжение см. на стр. 6—7.

16 марта в Исфагане состоялась официальная церемония открытия первой очереди металлургического комбината, построенного при экономическом и техническом содействии СССР. **Н а с н и м к е:** Шахиншах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви и Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и сопровождающие их лица во время осмотра комбината.

Фото В. Кошевого (ТАСС).

ВЕКОВАЯ МЕЧТА СБЫЛАСЬ

Спросите любого иранца, будь то профессор столичного университета или кочевник из южных кашкайских племен, что он может сказать об отношениях между Ираном и его северным соседом — Советским Союзом, и он непременно начнет свой ответ со слов об Исфаганском металлургическом комбинате.

О том, как много сделали специалисты из СССР для завоевания Ираном подлинной экономической независимости, здесь знает каждый. Много надежд возлагали в стране на то, что с введением в строй первенца собственной тяжелой индустрии, строящегося при содействии Советского Союза, страна получит мощный стимул для быстрого промышленного развития. Этим надеждам было суждено сбыться. Уже в ближайшие годы Ирану не придется больше затрачивать колоссальные суммы на покупку за границей чугуна, стали, проката. Металлургический комбинат, мощность которого достигнет 1,9 миллиона тонн стали в год, а затем и удвоится, сможет удовлетворить все потребности страны в металле.

Строительство огромного индустриального комплекса буквально «разбудило» древний Исфаган. Не так давно сюда приезжали только туристы, чтобы сфотографироваться на фоне старинных дворцов и мечетей, погулять по легендарному восточному базару, посмотреть на знаменитые «качающиеся минареты». Сейчас музейная неторопливость провинциального города сменилась деловыми ритмами современного промышленного центра.

Зайендеруд, или «Родящая река», много сотен лет тому назад давшая жизнь Исфагану, еще раз оправдала свое название. На ее берегу недалеко от города, в сухой и плоской, как стол, степи возникли корпуса металлургического комбината и жилые дома нового города металлургов.

Тысячи иранцев работают в цехах, на рудниках и шахтах этого предприятия. Многие из них занимаются в учебных центрах, где с помощью советских преподавателей приобретают специальность и пополняют ряды так необходимых стране квалифицированных технических кадров.

Весь Иран с нетерпением следил за ходом строительства Исфаганского комбината. 16 марта этого года состоялось официальное открытие первой очереди Исфаганского комбината. На торжественной церемонии открытия присутствовали шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви и прибывший в Иран по приглашению иранского правительства с кратким дружественным визитом Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

Шах Ирана, выступая на митинге, состоявшемся на территории комбината, сказал: «С введением в строй первой очереди завода осуществляется вековая мечта иранского народа о создании основ тяжелой промышленности — залога индустриального развития страны».

В своей речи на этом митинге А. Н. Косыгин назвал Исфаганский металлургический комбинат примером плодотворности советско-иранского сотрудничества, которое служит интересам народов обеих стран и делу укрепления мира.

М. КРУТИХИН

ТАСС. Специально для «Огонька».
Исфаган — Москва.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 13 (2386)

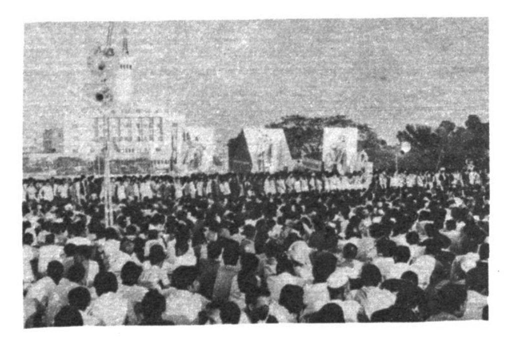
Основан 1 апреля 1923 года

24 МАРТА 1973

ПАНОРАМА МИРА ПАНОРАМА

На состоявшихся недавно парламентских выборах в Чили за кандидатов коалиции Народного единства — блока левых партий — отдали свои голоса 43,39 процента избирателей. Правительственная коалиция увеличила число своих депутатов и сенаторов в Национальном конгрессе. Планы оппозиции, рассчитанные на реставрацию в стране старых порядков, рухнули. На этой фотографии вы видите чилийских комсомольцев на митинге Народного единства в Сантьяго, проведенном в связи с успехом блока левых партий на выборах.

В Народной Республике Бангладеш состоялись первые в истории страны всеобщие выборы. Кандидаты правящей партии Народная лига получили в парламенте в общей сложности 291 депутатский мандат из 300. Решительное поражение потерпели на выборах политические группы, выступавшие с антииндийскими и антисоветскими лозунгами. Как подтвердил ход голосования, народ Бангладеш высказался за прогрессивный курс, за независимость, за дальнейшее проведение демократических и социально-экономических реформ в стране, за нормализацию обстановки в Южной Азии, за прочный мир в этом районе и во всем мире. Объектив запечатлел участников массового предвыборного митинга коммунистов Бангладеш на одной из центральных площадей Дакки.

Почти восемнадцатитысячная английская армия контролировала ход состоявшегося недавно референдума о политическом будущем Северной Ирландии. Так выглядело здание на окраине Белфаста, где «подсчитывались» результаты голосования.

Фото ТАСС.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОИНСТВО

Валерий ВОЛКОВ

Учащенно бился пульс столицы Республики Панама в те дни, когда в Законодательном дворце страны проходила выездная сессия Совета Безопасности ООН. Впервые в истории Организации Объединенных Наций обитатели нью-йоркского здания на Ист-Ривер перебрались в Латинскую Америку, чтобы обсудить наболевшие проблемы горячих точек «вулканического» континента. На панамском заседании, кроме 15 членов Совета Безопасности, присутствовали представители более 30 государств мира.

«Мы никогда не были, не являемся и никогда не станем присоединившимся государством, колонией или протекторатом. И мы не намерены добавить еще одну звезду на знамя Соединенных Штатов»,— заявил на открытии сессии Совета Безопасности глава панамского правительства генерал Омар Торрихос. Это взволнованное выступление задало своеобразный тон работе выездной сессии.

Вот уже 70 лет Соединенные Штаты хозяйничают на узком перешейке, где построен Панамский канал. Заключив неравноправный грабительский договор о канале через две недели после провозглашения независимости Панамы в ноябре 1903 года, американцы пытаются сейчас спрятаться за букву этого договора.

Хозяйничанье американского капитала в экономике страны, упорный отказ правительства США признать суверенитет Панамы над зоной канала, превращение ее в колонию и военную базу давно служат источником растущего возмущения панамских патриотов. «Договор был заключен не в результате переговоров, а навязан Панаме. Этот документ, унижающий национальное достоинство Панамы, является порождением эпохи самого разнузданного империализма»,— заявил недавно в беседе с советскими журналистами министр иностранных дел Панамы Хуан Антонио Тэк. Поставив вопрос о восстановлении полного суверенитета над зоной канала и пересмотре кабального договора, панамцы выразили самые сокровенные чаяния не только своего народа, но и многих стран Латинской Америки.

Представители латиноамериканских стран, прибывшие на сессию в качестве наблюдателей, поддерживая справедливые требования панамского народа, выразили озабоченность в связи с сохранением неравноправных межгосударственных отношений, неоколониализма и очагов напряженности на континенте. Министры иностранных дел Перу, Кубы и других стран резко осудили политику США по отношению к их южным соседям. Оказавшись, по свидетельству газеты «Нью-Йорк таймс», на «скамье подсудимых», представители госдепартамента пытались сохранить хорошую мину при плохой игре.

Незадолго до начала сессии они решили убрать в черте города ненавистную проволочную сетку, отделявшую Панама-сити от зоны. Наспех установленные пограничные ящики с цветами лишний раз напоминают о лицемерии американской дипломатии. Латиноамериканцы знают, что за безобидными шипами тропических роз стоят все те же стальные штыки американской военщины, окопавшейся в зоне канала.

Заместитель министра иностранных дел Чили Луис Орландини не случайно предложил Совету Безопасности обсудить политический и правовой характер политики изоляции революционной Кубы, проводимой США. Ибо кому, как не чилийцам, хорошо знакомо вмешательство американских монополий во внутренние дела своей страны. «Днем национального достоинства» объявили в Чили 11 июля 1971 года, когда президент страны Сальвадор Альенде после одобрения Национального конгресса подписал поправку к конституции, согласно которой природные богатства были объявлены собственностью страны.

После национализации собственности американских медных монополий «Анаконда» и «Кеннекот» правительство Народного единства почувствовало звериную хватку раненых империалистических хищников. Однако арест вкладов чилийских государственных предприятий в нью-йоркских банках, попытки наложения эмбарго на поставки чилийской меди в Европу, отказ в предоставлении кредитов и другие меры, направленные на удушение процесса социально-экономических преобразований в Чили, не принесли американским «анакондам» ожидаемых политических дивидендов. Заговор «медных королей» в тесном союзе с национальной олигархией накануне мартовских парламентских выборов этого года провалился. Мечты правой оппозиции свергнуть правительство Сальвадора Альенде оказались несбыточной иллюзией. Результаты минувших выборов, на которых блок Народное единство одержал убедительную победу, развеяли, как дым, планы и надежды чилийских «мумий» и их американских покровителей.

«Марксистское правительство Сальвадора Альенде,— писала «Нью-Йорк таймс»,— одержало на законодательных выборах важную психологическую победу и расширило свое представительство в сенате и палате депутатов». Успех левых сил Чили говорит о росте влияния политических партий Народного единства, о поддержке трудящимися народного правительства и его программы.

...Перед зданием Законодательного дворца Панамы стоит огромный, высотой в три этажа плакат, на котором на пяти языках выведен риторический вопрос: «Какая страна мира может вынести такое унижение, когда иностранный флаг пронзает ее сердце?» События последних лет говорят, что таких стран остается все меньше и меньше. Притягательный пример революционной Кубы, успех Народного единства в Чили, опыт перуанских патриотов вдохновляют на борьбу все новые страны и народы. Освободительный марш латиноамериканских народов, борющихся за национальное достоинство, набирает темп. Каждый день приносит новые победы.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

КОНКУРС

1948-1973

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИСТОРИЮ ЧССР

ОГОНЕК

Вячеслав **КВИТИНСКИЙ**

Людвик Свобода вручает награду В. Квитинскому.

В ГОРАХ СЛОВАКИИ

Автор этих воспоминаний — Герой Советского Союза Вячеслав Антонович Квитинский, бывший партизанский командир. Он возглавлял отряд, который пришел на помощь восставшим братьям-словакам. Из этой небольшой группы выросла грозная партизанская бригада, названная в дни Словацкого национального восстания именем Клемента Готвальда.

24 октября 1944 года после тяжелого двадцатидневного марша штаб нашей партизанской бригады «Готвальд» остановился в Ясенской долине, неподалеку от Брезно. Во время перехода к нам группами и поодиночке присоединялись словаки, чешские, венгерские патриоты-антифашисты.

Октябрь выдался «жарким»: группы Петра Куликовского, Владимира Дорошика, Сергея Кобелева, Дмитрия Бороздина, объединившись в одно подразделение, взорвали несколько мостов. Анатолий Олейник и Владимир Миронов со своими товарищами застопорили движение на шоссе. Под Погорелою рота Яна Даньо уничтожила тридцать фашистских солдат.

Как-то пришла в штаб Мария Юнгова, которую мы называли партизанской матерью. Наша связная и разведчица долгое время находилась в своем родном селе. С помощью односельчан снабжала партизан едой, одеждой. Как обычно, и на этот раз мы советовались с Юнговой, где раздобыть продукты.

— Приезжайте к нам в Рейдову,— предложила Юнгова.— Отогреетесь, помоетесь. Там и о продуктах подумаем. В селе давно ожидают советских партизан — поговорить хотят.

Первыми в Рейдову прибыли наши разведчики. Немного погодя — Денисов, Давыдович и я. Немного отдохнули, а потом встретились с местными подпольщиками. Разговор вели на квартире Юнговой. Кроме нас, тут были две супружеские пары — Андрей и Сусанна Шварц, Ян и Мария Татрай. Пришли также товарищи Оровец, Сладек, Певний, секретарь коммунистической партийной ячейки Томко. Вместе с ними обсудили обстановку, которая сложилась в ходе Словацкого восстания, планы дальнейшей борьбы с фашистами. Мы сказали присутствующим, что рассчитываем на их более широкую поддержку.

— Вы, друзья, задержались,— ответила Мария Татрай.— У нас уже побывали партизанские представители. С ними ушло много молодежи. Но мы и вам поможем.

— А кто же приезжал к вам? — спросил Денисов.

— Были у нас советские партизаны. И словак один — Андрей Пальша. Он вас знает, товарищ Квитинский.

Мне тоже было знакомо это имя.

Юнгова всегда была хорошо информирована, как и положено разведчице. Вот и про Пальшу рассказывает подробно.

— Словацкие фашисты приговорили Андрея к смертной казни. Повстанцы спасли его от виселицы. Еще раньше Пальша воевал в отряде товарища Ковпака.

Вскоре я получил донесение, в котором сообщалось, что группа Андрея Пальши принята в одно из наших партизанских подразделений.

Слух о партизанской бригаде «Готвальд» дошел до гитлеровских гарнизонов. Как-то попали к нам документы нескольких эсэсовцев, а также почта немецкого подразделения. В письмах домой фашистские солдаты жаловались, что больше всего они боятся визита «лесных богов». Однажды разведчики взяли в плен двух гитлеровцев. На допросе они сразу выкрикнули традиционное «Гитлер капут!», пообещали все рассказать, только бы их не выдали «лесным богам». Мы терпеливо разъясняли через переводчика, что никаких богов нет. Есть партизаны, которые сражаются не против немцев, а против фашизма.

Вдруг переводчик, говоривший с пленными, громко рассмеялся:

— Смех, да и только! Послушайте, как расшифровали гитлеровцы название нашей бригады «Готвальд»: по-немецки «гот» — это бог, а «вальд» — лес. Вот и получился «лесной бог».

Смех смехом, но все же мы, а не они оставались хозяевами положения. Гитлеровцы были очень напуганы. Собственной тени боялись. За каждым деревом виделись им партизаны. Вот откуда фанатичный страх перед хозяевами гор, «лесными богами» — партизанами.

В городах и селах наш авторитет все рос. Мы вели большую агитационную работу среди населения. Использовали наши агитаторы и боевое печатное слово. Только в октябре 1944 года напечатали более трехсот листовок. Печатал их главным образом начальник штаба Матвеев. Другой печатник, Ян Джунда, пользовался машинкой со словацким шрифтом. Он владел русским языком и очень хорошо переводил на словацкий язык, а нередко помогал комиссару писать тексты листовок. Мы мечтали раздобыть типографию и побольше бумаги.

Узнали о наших заботах разведчики и разыскали в округе бумажную фабрику. Приехав туда, мы стали разузнавать, нет ли типографии. Оказалось, что есть. Словацкие рабочие охотно согласились помочь. Нашлись и наборщики. Передали им несколько текстов на русском и словацком языках, а через два дня получили две тысячи листовок, напечатанных на хорошей бумаге. Типография в Славошовцах начала работать на нас.

В селах Средней Словакии гитлеровцы объявили мобилизацию мужчин на оборонительные сооружения. Партизаны сейчас же ответили листовкой. И вскоре мы получили известие из нескольких партизанских отрядов: прибывают словаки-добровольцы. Дорогу в горы им указали наши листовки.

Ширились ряды повстанцев, народных мстителей из Словакии. Силу и значение революционного правдивого слова в бригаде понимали все. Выезжали в села для проведения бесед и митингов, как на важное боевое задание, далеко не всегда безопасное.

Партизанский огонь не угасал на земле Словакии. Помогала нам и Большая земля. Жестокие бои шли почти каждый день.

ЕДИНСТВО ЛЮДЕЙ ДОБРОЙ ВОЛИ

Три дня в Колонном зале Дома союзов проходили плодотворные дискуссии о путях всесторонней подготовки к Всемирному конгрессу миролюбивых сил. В Международной консультативной встрече принимали участие представители 40 международных организаций и 81 национальной организации, прибывшие из 60 стран.

Встречу открыл председатель Советского комитета содействия конгрессу М. В. Зимянин, который приветствовал участников международной встречи и сообщил, что Москва готова принять делегатов мирового форума. С приветствием к собравшимся обратился Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР, председатель Парламентской группы СССР А. П. Шитиков.

Генеральный секретарь Всемирного Совета Мира Г. А. Ромеш Чандра отметил в своем выступлении, что сейчас миролюбивые силы нашей планеты могут открыть новую главу в мобилизации мирового общественного мнения на защиту мира, безопасности, национальной независимости.

Один за другим к участникам Международной консультативной встречи обращаются посланцы всех континентов планеты. Они горячо и страстно говорят о назревших проблемах, об успехах борьбы в своих странах за мир, национальную и социальную справедливость, воздают должное советской Программе мира.

Секретарь комитета защиты мира ДРВ Ле Зуй Ван подчеркнул в своем выступлении, что предстоящий Всемирный форум позволит еще больше укрепить солидарность между силами, борющимися за свободу, национальную независимость и мир. Ле Зуй Ван выразил глубокую благодарность народам социалистических стран, миролюбивым нациям всего мира, которые в течение долгих лет оказывали твердую и неуклонную поддержку борьбе вьетнамского народа.

На заседании также выступил личный представитель Курта Вальдхайма — генерального секретаря ООН И. В. Чечеткин. От имени доктора Вальдхайма он передал самые теплые приветствия участникам встречи и наилучшие пожелания в проведении Международной консультативной встречи по созыву Всемирного конгресса миролюбивых сил.

На Международной консультативной встрече приняты Воззвание за созыв Всемирного конгресса миролюбивых сил и коммюнике. Участники встречи с большим удовлетворением отметили, что на ней проявился дух взаимопонимания, общего стремления к сотрудничеству, к достижению взаимоприемлемых решений. Было внесено большое количество предложений и рекомендаций в отношении путей и методов совместной подготовки конгресса различными организациями и движениями.

Впереди Всемирный конгресс миролюбивых сил. Люди планеты начали вести активную подготовку к этому форуму доброй воли человечества.

Председатель Советского комитета содействия конгрессу М. В. Зимянин открывает заседание Международной консультативной встречи. **Фото В. Соболева (ТАСС).**

Год третий, решающий

ТАК ДЕРЖАТЬ, МАСТЕР!

В 10-м номере «Огонька» за нынешний год была напечатана информация Г. Погосова «Штурманы больших глубин». В ней рассказывалось о знатных нефтяниках Азербайджана — бригаде Салмана Нагиева. В заметке упоминалось, что коллектив этот соревнуется с сибирскими буровиками, возглавляемыми Геннадием Левиным. Вскоре в редакцию пришел своеобразный отклик на это выступление — маленький репортаж, посвященный сибирской бригаде.

Самотлор. Сегодня это далекое сибирское озеро стало одной из самых ярких точек на нефтяной карте страны. Бригада бурового мастера Героя Социалистического Труда Геннадия Левина по праву возглавляет список лучших сибирских разведчиков недр. Накануне нового года члены коллектива принимали поздравления: всем им были вручены высокие правительственные награды. Всесоюзная слава еще больше окрылила бригаду, и она обязалась пробурить в 1973 году 75 тысяч метров пород при плане 45 тысяч.

С куста № 62, где сейчас базируется бригада, в земную толщу уходят восемнадцать скважин. И каждая вахта (а всего их шесть) стремится сделать максимально весомым свой вклад в общий «метраж». В январе вахта В. Васильева сумела пройти 1 323 метра, а когда подвели итоги февраля, лидером соревнования стала вахта Г. Сабирова.

— Главным двигателем наших успехов,— говорит Геннадий Левин,— давно стало соревнование между вахтами. Мы внимательно следим за успехами коллег и на Самотлоре и в других нефтяных районах страны. Наше соревнование с азербайджанскими нефтяниками из бригады Салмана Нагиева заставляет постоянно совершенствовать организацию труда на буровых применительно к суровым сибирским условиям. Они на юге бурят сверхглубокие скважины, а мы доходим лишь до отметки 2 500 метров.

Молодым пареньком пришел двенадцать лет назад в эту бригаду Геннадий Левин. И так «притерлись» друг к другу рабочие, что все эти годы почти в неизменном составе коллектив продолжает победный путь к большой нефти. Вместе пять лет назад прибыли они на тюменский север и вскоре начнут бурить свою юбилейную, сотую скважину на Самотлоре.

В. АСТОВ
Фото автора.

Герой Социалистического Труда Г. М. Левин и бурильщик В. П. Васильев.

Макет завода — отличное пособие для будущих эксплуатационников.

Заседает штаб строительства.

ОРЕНБУРГСКИЙ ГАЗ

КОРРЕСПОНДЕНТЫ «ОГОНЬКА» ВЕДУТ РЕПОРТАЖ С ПУСКОВОЙ СТРОЙКИ ТРЕТЬЕГО, РЕШАЮЩЕГО

Начало см. на 2-й стр. обл.

**Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото Э. ЭТТИНГЕРА,
специальные корреспонденты «Огонька»**

*«Создать в Оренбургской области новый крупный район по добыче и переработке газа».
Из Директив XXIV съезда КПСС.*

Гудела степь. Дрожала земля. Далеко в стороне жались люди. А у гигантского газового факела стоял буровой мастер и никак не мог поверить в свое счастье. Еще бы не радоваться, если он, крестьянский сын, Степан Иванов, стал первооткрывателем Оренбургского газоконденсатного месторождения! Это было 7 ноября 1966 года. Где-то гремели оркестры, шли колонны празднично одетых людей, а посреди осенней степи стоял человек, счастливей которого не найти во всем свете!

— Что было, то было,— вспоминает Степан.— Тогда я, конечно, не думал, что скважина номер 13 изменит жизнь тысяч людей, заставит строить заводы и газопроводы, открывать институты и поднимать города... Для меня это была обычная скважина: немало я их пробурил и на Севере и в Сибири. А потом оказалось, что мы наткнулись на очень крупное месторождение — в Европе таких вообще нет. Если же учесть, что оно рядом с индустриальными районами Оренбургской и Куйбышевской областей, Башкирии и Татарии, вблизи магистральных газопроводов Средняя Азия — Центр и Бухара — Урал, сами понимаете, как важно было его оконтурить и установить запасы газа.

— Этим вы сейчас и заняты? — кивнул я на буровую вышку.

— Нет,— улыбнулся Степан.— Эта работа давно сделана. А теперь мы... сами себя опровергаем. Вначале геологи подсчитали, что здесь,— он топнул ногой,— полтора триллиона кубометров газа. На радостях глубже не полезли. Потом оказалось, что под первой залежью — вторая, более богатая. Так что моя задача — доказать правоту геологов.

Когда поднимали трубы и меняли головку бура, из скважины донесся едва уловимый запах сероводорода.

— Порядок,— довольно потирал руки Степан.— Газок будет! К Вяхиреву собираетесь? Очень хорошо. Скажите, чтобы готовился принимать новую скважину.

Начальника газопромыслового объединения мы нашли... в кабинете главного врача амбулатории.

— Входите, входите,— пригласил он.— И ничему не удивляйтесь. Все это фокусы строителей: ни лаборатории, ни гаража, ни административного корпуса так и не сдали. Пришлось пока разместиться в свободных помещениях амбулатории. Знаете что,— поднялся Рем Иванович,— пойдемте лучше на площадку! Там хоть карболкой не пахнет.

Невысокий, плотный, он стремительно шел по территории стройки и увлеченно рассказывал об оренбургском газе.

— Сперва немного географии,— начал он.— Наше месторождение считается крупнейшим в Европе. Это и так и не совсем так. Почти все скважины расположены на левом берегу Урала — в Азии, а газосборные пункты (мы их называем ГП) — в Европе. Газоперерабатывающий завод — тоже в Европе. Так что с точки зрения географической месторождение в Азии. Но в том-то и дело, что отправлять газ потребителям прямо с месторождения нельзя. Вот и будем очищать газ в Европе: оттуда его спокойно можно подавать на заводы и электростанции. Так что с точки зрения промышленной — начало газопровода в Европе.

Теперь другая сторона дела. Такого газа, как под Оренбургом, до сих пор в стране не добывали. Как к нему подступиться, никто толком не знает. Не знают этого и в других странах, за исключением Франции и Канады — там разрабатывают подобные месторождения, только в гораздо меньших масштабах. И беда и ценность нашего газа в том, что он насыщен сероводородом. Сначала мы пытались подавать его на Заинскую ГРЭС. От ГП-2 проложили трубопровод длиной 510 километров, и вскоре он вышел из строя: за полгода эксплуатации 70 разрывов! Если учесть, что газ идет под большим давлением, а в трещинах и порах накапливается атомарный водород, неизбежны взрывы и пожары. Пришлось скважины законсервировать и подачу газа прекратить. Я уж не говорю о том, что сжигать такой газ в топках — самое настоящее варварство. Ведь из сероводорода можно получить чистую серу, которая служит сырьем для многих отраслей химической промышленности. Очень нужен нефтехимии и конденсат — смесь жидких газов. А этилен, пропан, бутан... Словом, газ у нас «золотой». Достаточно сказать, что все затраты, связанные с освоением промысла и строительством завода, окупятся за полтора-два года.

Но «золотому» газу нужны «золотые» трубы. Тут необходим особый металл: либо, если так можно выразиться, пористый, который бы свободно пропускал водород, либо настолько плотный, который бы не давал ему «зацепиться» за малейшую трещину. Реконструируя ГП-2, мы применяем немало отечественных материалов, а оборудование для остальных газосборных пунктов поставляет французская фирма «ЭНСА». Вы, конечно, спросите: а зачем нужны все эти ГП, почему бы не подавать газ из скважины прямо на завод? Знаете, под каким давлением идет газ? Двести атмосфер! Так же рвется наружу и жидкий конденсат. Кроме того, там немало воды и механических примесей. Задача ГП — очистить и высушить газ. Казалось бы, это проще простого, а на самом деле необычайно сложная научная и техническая задача...

— Выходит, завод не сможет работать, пока не будут готовы газосборные пункты?

— Тут, знаете ли, цепочка. Пока не обустроят скважины и не проложат от них трубы, не смогут работать ГП. Пока не сдадут ГП и не протянут трубопроводы к заводу, он тоже мертв. И все же газоперерабатывающий завод — самая сложная и ответственная стройка. Ключ к оренбургскому газу лежит на заводе!

...Я всегда думал, что степь и ветер неразлучны. Поэтому не особенно тревожился, когда на строительную площадку завода опустился туман: ветер быстро разгонит эти зябко-сизые космы. Но прошел час, другой, третий, а ветра не было. Раскисший снег, земля и глина образовали такое месиво, что даже грузовики останавливались поодаль от монтажников, и шоферы кричали, что дальше не поедут даже под угрозой потери премии. Монтажники, посмеиваясь, подгоняли кран, снимали с прицепа груз, и он тут же взмывал вверх, туда, где работали верхолазы.

Работа шла легко. На площадке — ни одного лишнего человека.

— Всем стоять по местам! Краны, вира помалу!

Взвыли моторы, дрогнули стрелы, до звона натянулись тросы, и огромная конструкция из труб поплыла наверх.

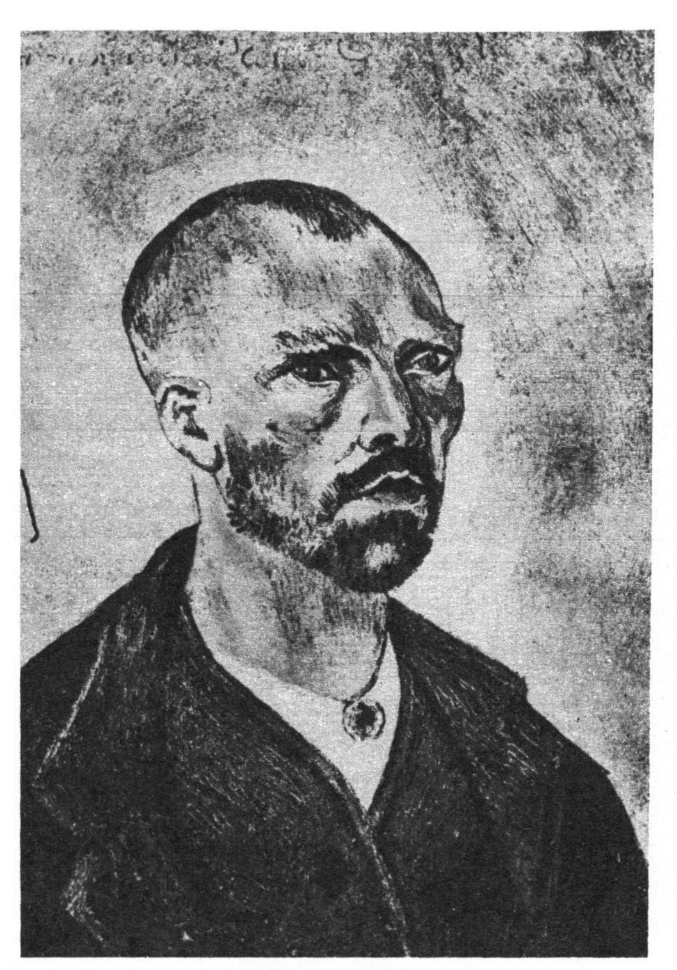
— Вот черти, а! Всегда бы так! — даже крякнул от удовольствия начальник строительства Николай Иванович Задорожный.

— А что, разве «всегда так» невозможно? — спросил я.

— И возможно и нужно! Завод сдавать в сентябре, а времени упущено немало. Хоть я энергетик, но должен сказать: слишком много времени потратило наше министерство, чтобы отбиться от этой стройки... Неурядиц у нас немало, но все равно завод будет готов вовремя. Пока я говорю о первой очереди, которая станет перерабатывать пятнадцать миллиардов кубометров газа в год, но ведь будет и вторая. Так что дело затеяно грандиозное.

Когда рассеялся туман и стали видны многочисленные колонны, эстакады и трубы, мы убедились в правоте начальника строительства: да, дело затеяно грандиозное. На сотни гектаров раскинулся завод. А ведь где-то за горизонтом газосборные пункты, а еще дальше — буровые вышки, которые пробивают все новые скважины, открывая доступ к «золотому» оренбургскому газу.

Бурение идет круглые сутки!

Автопортрет. 1888 год.

ВИНСЕНТ ВАН ГОГ

Андрей ГОНЧАРОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

При жизни Ван Гога была продана одна его картина. Через несколько лет после смерти художника были раскуплены по громадным ценам все его работы: живопись, акварель, рисунки. А через двадцать лет произведений Ван Гога не хватило на рынке искусств, и появились подделки. Началось шумное дело, вмешалась уголовная полиция.

В 1928 году в Арле дом, где жил Ван Гог, превращается в музей.

В 1930 году появляется заметка в газете «Нейе Цюрихер Цейтунг»: «В приходе Нуенен (Голландия-Брабант), где в 1883—1885 годах работал Ван Гог, был открыт памятник Ван Гогу. На открытии присутствовала престарелая сестра художника... В бывшей мастерской художника открыта выставка его памяти. Из Овера-на-Уазе, где сорок лет тому назад умер художник, пишут, что и там организовано такое же торжество».

...В первый раз я увидел картины Ван Гога в 1919 году, в одном частном собрании. Нас, учащихся художественных мастерских, познакомил с ним мой первый учитель Илья Машков. И картины эти поразили меня.

«Виноградники в Арле» с буйством мазков, где один цвет набрасывается на другой. «Портрет доктора Рея», доброго и умного, чьи глаза заглядывают в тебя.

«Ночное кафе». Я запомнил щемящее чувство одиночества, которое ощутил у этого полотна. Бильярд под лампой. Зеленое, красное, желтое... На желтом полу, освещенном желтым светом, коричневая тень. Тень вызвала удивление, остановила внимание. Импрессионисты, прекрасно владеющие цветом, написали бы, наверное, синюю тень, и это было бы более правильно, но тогда пропал бы весь трагизм, который создал в этом полотне Ван Гог.

«Прогулка заключенных», в основу которой был положен рисунок Доре, буквально поражала цветовым напряжением. Более чем скромная цветовая гамма разряжалась редкими желтыми бликами. Тюремные стены, упирающиеся в край листа, прогулка по кругу, колорит — все создавало ощущение трагизма и безнадежности.

И была в собрании еще одна картина — «После дождя». Написана она была совсем незадолго перед печальным концом Ван Гога. Но с какой радостью исполнен пейзаж! Умыта дождем природа. В ней все живет, все движется. Несется поезд, летят клубы дыма, тянется повозка, извиваются грядки, мчатся мазки. Две горизонтальные линии — поезд и дорога — делят картину. По всем законам композиции они, казалось бы, должны затормозить стремительное движение в картине, но таинственный дар художника заставляет все в ней жить, передвигаться, дышать, расти. Картина наполнена противопоставлениями — уходящие вдаль грядки упираются в дорогу, в горизонт, линии грядок, перебивая друг друга, расположились в разных направлениях, различен темп движения работающих людей, лошади с повозкой, поезда... Цвет тоже находит гармонию в споре — розовато-фиолетовые, зеленые, оранжевые краски. Их буйство укрощают два красных удара — справа и слева красные крыши домов как бы уравновешивают цветовую композицию.

Перед этими картинами мы, тогдашние студенты ВХУТЕМАСа, подолгу простаивали буквально с открытыми ртами. Нас поражало в необычных полотнах Ван Гога напряженное желание художника передать суть вещей, природы и свои чувства, вызванные тем, на что он смотрит и что изображает.

Мы увидели диапазон чувств прекрасного живописца. Говорят, что настоящее искусство то, которое достигает верха радости и верха трагизма, а не плетется посередине, плаксиво хныча и вяло улыбаясь. Может быть, это и правильно. Во всяком случае, творчество Ван Гога укладывается в это определение.

Затем долгое время я знакомился с творчеством Ван Гога, главным образом по репродукциям. Наиболее часто это были перовые рисунки. Техника их была удивительна — штрих и точка, которые сами как будто двигались по поверхности листа, создавая напряженность, даже какое-то взбудораженное состояние.

Множество, множество рисунков создал Ван Гог, и все они посвящены людям труда. Он сам всегда жил до чрезвычайности бедно, работал очень много, считал, что «...нет ничего солиднее ремесла, в буквальном смысле этого слова, работы с помощью рук. ...Живопись и все, что с ней связано, является... довольно тяжелой работой в физическом смысле. Не считая духовного напряжения, мучения головы, нужно еще значительное напряжение сил, и притом изо дня в день...».

Ему было радостнее, проще жить на рабочих окраинах и рисовать людей, которым он сочувствовал, которых уважал и понимал. Приехав во Францию, он путешествует по рабочим районам. «Горняки и ткачи — это все же отличный от других рабочих и ремесленников слой людей. Я чувствую к ним большую симпатию и почитал бы себя счастливым, если бы мне удалось в один прекрасный день их нарисовать, дабы эти, до сих пор неизвестные или почти неизвестные типы были когда-нибудь вытянуты на свет... Все больше нахожу я нечто трогательное, даже потрясающее в этих бедных, униженных тружениках, в этих, так сказать, последних и наиболее презираемых из тех, кого обычно представляют себе (вероятно, вследствие живой фантазии, но страшно несправедливо) как расу преступников и разбойников».

Ван Гога и художники интересовали главным образом те, в чьем творчестве тема труда была основной. Он очень внимательно изучает работы Милле. Этот художник всегда остается для него учителем. Ван Гог не только почитает творчество этого художника, но и его мировоззрение, его жизнь — то есть когда работа — радость, работа — потребность, когда в самое тяжелое время работа позволяет сохранить душевное равновесие. Прочитав дневник одного эстетствующего художника, который часто повторяет о своей тоске, о посещении театров и концертов, откуда возвращается еще более несчастным, Винсент Ван Гог пишет: «...Как бы талантливо ни высказывалось все это, не могу этому сочувствовать и больше уважаю семейные заботы Милле, когда он говорит: «Нужен все ж таки и суп для детей», не поминая ни про развлечения, ни про манильские сигары».

Винсент Ван Гог. 1853—1890. ПЕЙЗАЖ В ОВЕРЕ ПОСЛЕ ДОЖДЯ. 1890.

Государственный Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

В. Ван Гог. КРАСНЫЕ ВИНОГРАДНИКИ В АРЛЕ. 1888. Государственный Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Ван Гог не умеет и не хочет писать красивые картинки, которые хорошо продаются и на которые можно безбедно существовать. Таков его характер, таков его талант. Он без конца ищет форму, цвет, штрих, мазок. «Рисование у меня становится страстью». Конечно, вначале он надеется на успех, но прежде всего «до любого успеха — борьба грудь с грудью, борьба с вещами в природе»... И всю свою жизнь он слышит: «не годится для продажи», «некрасиво», «непродажно».

В Гааге, куда он возвращается после Франции, его не только не понимают, его стыдятся близкие, преследуют горожане, грозит крайними мерами пастор.

Винсент затравлен, его выживают из дома. Он оправдывается в письме к брату, надеясь, что тот замолвит за него словечко перед родственниками. «Я рисую не для того, чтобы надоедать людям, но чтобы радовать их или для того, чтобы обратить их внимание на вещи, которые заслуживают внимания и однако же известны далеко не всякому...

Неужели я для них мерзавец, потому что живу с теми людьми, которых рисую? Неужели я становлюсь подозрительным из-за того, что посещаю дома рабочих и бедняков и принимаю их в моей мастерской?»

Да, этого Винсенту не простили ни горожане, ни семья. Его выгнали из дома, где хоть и было не особенно радостно, но все-таки была крыша и еда. Можно было заниматься искусством. (Именно здесь через полстолетия откроют музей.) Окончательный разрыв с семьей произошел, когда Ван Гог привязался и женился на бедной женщине с судьбой печальной и нескладной, женился скорее из сострадания. Он подобрал ее буквально на улице, когда она была беременна, пригрел эту несчастную с ее матерью и детьми и, найдя в ответ тепло и заботу, на некоторое время, очень короткое, постарался ощутить покой и быть счастливым. «Когда проснешься утром и чувствуешь, что ты не один, и видишь в сумерках близкого тебе человека, это делает мир более привлекательным, нежели все поучительные книги и белые церковные стены, в которые влюблены попы»,— пишет Винсент брату.

Но ему не прощают этого выпада против традиций, против уклада. А он испытывает нужду в сочувствии и, не находя его, становится то раздражительным, то равнодушным. Перед этим он получил унизительный отказ у женщины, которую полюбил. Это была молодая вдова, добрая знакомая его семьи. Ему было около тридцати. Он был беден, некрасив, не умел зарабатывать, не умел соблюдать жесткие правила городского мещанства. И вся родня встала против Ван Гога. «Человек может выдержать один раз, когда его унижают и оскорбляют в любви, в делах и планах. Но это же не может повторяться! Вот я поправился или поправляюсь душой и телом... однако, если нас опять начнут, так сказать, бить по голове, это может стать роковым...» А его били, травили, унижали. Он метался. Нищета, тяжелая болезнь, презрение окружающих разрушили этот союз, который короткое время согревал Ван Гога. «Я должен превозмочь тяжелое время. Вода поднимается высоко, может быть, до самого рта, а может быть, и еще выше, как знать наперед?» И снова спасает его одержимость в работе. Он пробует разные техники — учится рисовать углем, акварелью, потом начинает заниматься живописью. И когда он повторяет слова Милле: «Искусство — битва, в искусстве надо не жалеть своей шкуры»,— то для него это не слова, это реальная действительность.

Еще раз радостная для меня встреча с творчеством Ван Гога произошла в 1958 году, когда советские архитекторы и художники, работавшие на Всемирной выставке в Брюсселе, поехали в город Монс, где была открыта экспозиция произведений Ван Гога. Здесь я увидел «Едоков картофеля», знаменитые «Башмаки», «Спальню». На этой большой выставке я отчетливо понял, как действительно разделяется его живопись. До этого я в основном знал это со слов искусствоведов. Да, в живописи Ван Гога можно видеть два периода, хотя все его искусство умещается в рамках десяти лет, а живописью он занимался еще меньше. Когда он начинает писать, живопись темная, почти черно-белая, иногда только проскальзывает желтый цвет. Но благодаря его таланту она глубокая, выразительная.

А во второй период, после того как Винсент познакомился в Париже с очень модной тогда японской цветной гравюрой, с картинами импрессионистов, живопись его стала яркой, насыщенной цветом. Палитра его залита солнцем — оранжевая, красная, желтая. У Гогена была даже карикатура — Ван Гог сидит на скале и рисует солнце. Ван Гог с очень большим интересом и вниманием изучает импрессионистов, духовно присоединяется к ним, очень много использует из того, чего они достигли. Но он отчетливо видит свой собственный путь.

Этот художник, самоучка, оборванный чудак, ни на что не нужный, ни к чему не пригодный, обладая абсолютной скромностью, всегда чувствовал и находил удивительные возможности воплощения вещей, природы, передавал их эмоциональную сущность.

Если у импрессионистов можно заимствовать их метод и использовать принцип их работы (так мне кажется, хотя я сам в живописи им не пользовался), то методом Ван Гога воспользоваться нельзя. Может быть, у него и не было обобщенного метода. Вернее, был свой, собственный метод, технический — наложения мазков. Но каждый раз, как мне представляется, его картины, даже прекрасно продуманные им заранее, были и для него неожиданностью. Я всегда у каждой его картины останавливался, как перед откровением. Если импрессионисты были созерцательными художниками, наблюдателями, то Ван Гог заложил основы экспрессионизма. Для него было важно не только содержание, ему важно было передать ощущение, которое он получал от натуры, настроение, которое она вызывает, важно было передать собственные переживания того или иного чувства. Но так как он был человеком трагической направленности, то именно это состояние можно нередко ощутить перед его картинами. Ван Гог брал цвета не так, как импрессионисты, у которых цвет окрашивал предмет, и главным образом свет, воздушную среду, в которой эти предметы находились. Он придавал цвету еще и символическое значение, для него цвет и сам по себе еще что-то значил.

Начав заниматься живописью менее десятилетия до смерти, он тщательнейшим образом изучает эффекты цвета и к каждой своей работе относится как к сложному эксперименту. «Я все больше и больше стремлюсь стать самим собой и довольно равнодушно начинаю относиться к тому, находят ли мои вещи красивыми или безобразными». Но, конечно, так он утешал себя, собирая все мужество для борьбы за жизнь, за свое искусство. Какой художник не хочет найти отклик в сердцах зрителей?! Ему же приходилось тяжко. Ни рисунки, ни картины не находили спроса. Да, кстати, на выставке произведений Ван Гога, которую мы посетили в городе Монсе, был зал, где висели работы художников, с которыми он был так или иначе по-доброму связан,— Гогена, Бернара и Бока. Последнего мне хотелось упомянуть здесь и потому, что именно сестра Бока единственная купила при жизни Ван Гога его картину.

В 1935 году издательство «Academia» предложило мне оформить впервые издававшиеся у нас письма Винсента Ван Гога к его младшему брату Теодору. Так как речь шла о великолепном колористе, то я и решил больше всего внимания в оформлении обратить на цвет. Два тома писем. Я предложил поместить их в картонный футляр и выбрал для него серовато-коричневый цвет — цвет земли, цвет почвы, которую Ван Гог так любил изображать. Он много пишет об этом: этюд, «который я считаю наиболее удавшимся, представляет собой не что иное, как кусок почвы,— белый, черный и коричневый песок после проливного дождя. Земляные глыбы при этом получают в разных местах больше света и более выразительны». «Не так-то легко рисовать глыбы земли,— рассуждает Ван Гог с художником Мов,— и притом так, чтобы в них чувствовалась глубина».

В другом письме художник рассказывает: «Вчера я был занят куском чуть поднимающейся лесной почвы, покрытой засохшей и сгнившей буковой листвой. Почва была светлого и темного коричневого цвета, особенно от теней, падавших от деревьев... Дело шло о том — и это оказалось очень трудным,— чтобы выявить глубину цвета, удивительную силу и крепость почвы, и вот только в процессе писания заметил я, сколько еще было света в темных местах. Сохранить свет и вместе с тем глубину и напряженность цвета!»

Итак, цвет для футляра был найден. На крышке был напечатан автопортрет Ван Гога. Затем каждый том имел суперобложку желтого цвета и красный переплет. Это основные краски его живописи, когда она была в расцвете.

Помню, как я взял из издательства домой рукопись — начал читать. На меня просто обрушился мир страдающего, гибнущего огромного художника. Это исповедь на тысячах страниц, исповедь человека, не умеющего приспособиться к жизни, не умеющего зарабатывать, страстно одержимого живописью, жаждущего одного: чтобы ему разрешили жить и работать так, как он хочет. Но именно это и вызвало взрыв ненависти буржуазного общества. Никакого изменения уклада. За отказ от привычного и всем понятного порядка — травля, мучения, смерть. Он хотел писать простых людей, жить их жизнью, он был полон сострадания к ним, к их бедам — эти чувства сделали его изгоем. Грандиозный труженик был нищ!

После нескольких великих художников осталось прекрасное литературное наследство: научные наблюдения Леонардо да Винчи, письма и сонеты Микеланджело, тонкие статьи Делакруа, статьи и воспоминания Репина. Но ни одну судьбу не сравнишь с судьбой Ван Гога. Загнанный в угол, оскорбленный, презираемый, отверженный не только сытым и самодовольным бюргерством, но и брошенный своими товарищами-художниками, Ван Гог всю свою личность претворяет в творчестве и все пути и открытия в изобразительном искусстве пересказывает в письмах. Пишет подробно, безостановочно, ярко. И, может быть, никто еще из художников не вывернул так нутро своего творчества, как это сделал Ван Гог.

У Винсента за всю его жизнь был один человек, который всегда все понимал, безоговорочно верил в него, прощал странности, помогал в самые тяжкие минуты. Это единственная радость, которую судьба подарила художнику. Вера и дружба эти были поистине чудесны. Из этих кровоточащих писем мы узнаем о мученической жизни Винсента, о страдающем таланте. Но для меня в этих письмах возникает и прекрасный образ того, кто сохранил нам художника, кто десять лет содержал его на свое жалованье служащего, кто, и женившись, внушил молодой жене своей любовь и уважение к загнанному, странному, душевно неуравновешенному брату. Это Теодор Ван Гог. Он сохранил все письма Винсента, это благодаря его удивительной вере, терпеливой любви, глубокому пониманию искусства мир читает горячий поток размышлений художника, видит картины, этюды, рисунки. Ничего не потерял, даже самый маленький клочок бумаги с зарисовкой Винсента сохранил Теодор. Этот скромный человек, верный хранитель мыслей, чувств, страданий своего талантливого и несчастного брата, оставил для истории культуры великие ценности.

Последнее письмо брату Винсент писал в день, когда нанес себе смертельную рану в живот. После двух суток агонии он скончался.

«Итак, мой труд принадлежит тебе. Я заплатил за него моей жизнью, и разум мой наполовину ушел на него...» Письмо обрывается.

Любовь Теодора к брату действительно была необыкновенна. После смерти Винсента Теодор организуют первую выставку произведений брата с помощью Эмиля Бернара. Когда закончена была развеска картин, украшен вход, Теодор упал, потерял сознание и был парализован. Он прожил после смерти Винсента шесть месяцев, бесполезны были старания врачей. Он не смог пережить самоубийство Винсента. Все картины с выставки были отправлены вдове Теодора, которая всегда хранила заветы мужа. Дом, где она жила с ребенком, был украшен ими.

Через некоторое время госпожа Ван Гог устроила еще одну выставку, но и она не имела никакого успеха.

Должно было пройти время...

ЧТО СКРЫВАЕТСЯ ЗА

Д. БОЛЬШОВ,
Л. НОВИКОВА

«ВСЕ ХОРОШО, ПРЕКРАСНАЯ МАРКИЗА!»

Все началось, как это бывает, со значков. С выпущенной огромным тиражом серии значков, украшенных улыбающейся рожицей. Авторы этой рожицы — художники-дизайнеры американской фирмы «Н. Г. Слатер корпорейшн». Ее директор-администратор Роберт Слатер заявил по этому поводу: «Наш смайли (так от английского to smile — «улыбаться» — была названа рожица.— **Авт.**) нейтрален. Он не принадлежит ни к правому, ни к левому крылу. Так что носить его может человек любых убеждений». Этот значок, добавил он, крупнейшее завоевание фирмы последнего десятилетия.

Улыбающаяся рожица, которую западная печать сделала символом операции «Улыбка», перекочевала на самый широкий ассортимент товаров ширпотреба. Она украсила майки и платья, брюки и грампластинки, обошла коврики и сиденья автомашин. Реклама буквально утонула в смайли. «Эта рожица должна стать членом вашей семьи» — под таким девизом смайли украшались сигаретницы, нижнее белье в больницах и даже... пожарные машины. Смайли стал героем многих выступлений американских буржуазных журналов, а капиталистическая пресса под девизом «смайли» проводила даже целые кампании. Французское телевидение выпустило в эфир несколько передач, которые так и назывались: «Выбирайте время для того, чтобы улыбаться». Многочисленные акции всей операции «Улыбка» были всемерно поддержаны официальной пропагандой западных стран и официальными учреждениями. Теми, которые, по меткому выражению французского прогрессивного журналиста Жака Варэна, «насаждают официальную психологию».

Вся эта история с улыбающейся рожицей не представляет собой чего-то необычно новаторского. Она один из многих примеров рекламно-пропагандистских кампаний, проводимых крупной буржуазией и адресованных в основном смятенной прослойке мелких и средних буржуа, массам обывателей. Хозяева пропаганды считают целесообразным периодически делать им инъекцию оптимизма.

Затея тоже не новая. Еще во времена молодости буржуазии весьма последовательный представитель ее интересов, великий ученый и философ Готфрид Лейбниц придумал «теодицею». Это — оправдание бога. Ведь наш мир, как утверждал философ, наилучший из всех возможных миров. Он самый гармоничный, самый совершенный в принципе, самый благоустроенный и самый прекрасный из всех них. Но как же в созданном богом мире может существовать зло? Ведь божественная благодать и божественное могущество должны были бы предотвратить его!

Философ «оправдывает» бога. Коль наш мир самый совершенный и он развивается, значит, он тем самым продолжает совершенствоваться, заключает он. И зло необходимо здесь хотя бы для того, чтобы путем преодоления его достигать еще более высокой ступени добра. Главное в том, что наш мир в целом прекрасен, и в этом мире «никто не должен быть несчастен, если не пожелает этого». Преодоление любого несовершенства, начиная от своего собственного,— во власти человека.

К этому благодушному оптимизму, который так и называют «лейбницевским», в течение веков обращались да и сейчас обращаются (если не как к формально-логической посылке, то как к фактору настроения) теоретики и публицисты самых разных оттенков буржуазной мысли, ставящие своей целью распространение так называемого «довольного сознания», сохранение оптимистических иллюзий.

Система доказательств сегодня, однако, меняется. Оправдывается уже не бог. Современная теодицея призвана внушить всеми имеющимися в распоряжении пропагандистского аппарата средствами, что нынешнее западное общество уже создало человеку все условия благоденствия и потенциально способно не дать ему загрустить и в будущем.

Такое усиленное внимание монополистических кругов к насаждению в массах оптимистических иллюзий является одной из характерных черт идеологического климата капиталистических стран. Причина тому — становящееся нестерпимым засилье господства монополистической верхушки во всех сферах жизни и как следствие этого проявление самого широкого недовольства. Наличие его, в том числе и в буржуазной среде, не могут отрицать сейчас даже самые последовательные в своей классовой преданности представители капитала.

Американский журнал «Ю.С. ньюс энд Уорлд рипорт» приводит, например, следующее заявление одного западногерманского банкира: «Сомнения и тревоги в отношении перспектив развития распространены сегодня в Европе шире, чем в любое другое время за последние два десятилетия». О кризисном состоянии капиталистического мира свидетельствуют уже не только отдельные его представители, но и целые коллективы ученых и политиков, в том числе и коллективы, созданные для подготовки официальных рекомендаций своим правительствам. Так, например, в отчете одной из специальных комиссий, созданных президентом США, говорилось о кризисе руководства, о кризисе «способности вдохновлять население на достижение наших целей».

Сама буржуазная пресса под напором фактов вынуждена давать немало свидетельств для подобного рода далеких от оптимизма заключений. Вот что сообщает, например, главный экономист торговой палаты Соединенных Штатов Карл Мэдден в докладе «Столкновение культур: управление в век меняющихся ценностей»: «Инфляция и рост налогов съедают любые реальные прибавки к доходам промышленных рабочих, национальных меньшинств, в то время как рост затрат на образование и медицинскую помощь сводит на нет любые приобретения семей со средним доходом... Наше богатство не помешало нам скатиться на 15-е место в мире по уровню грамотности и занять 10-е место по детской смертности».

Во Франции, по сообщению газеты «Монд», число безработных за восемь лет (1964—1971) увеличилось втрое. Западногерманский журнал «Штерн» сообщает следующие данные о росте дороговизны в ФРГ. С конца 1962 по конец 1971 года цены возросли на продукты питания на 21 процент, на одежду и обувь — на 23 процента, на электроэнергию, газ и топливо — на 34 процента. Расходы, связанные с получением образования и с проведением досуга, поднялись на 31 процент, медицинская помощь — на 51 процент, квартплата — на 74 процента. Большому бизнесу, как видно, нелегко поддерживать свой авторитет. Не случайно поэтому наиболее мощные силы социологов, экономистов, публицистов и так называемых футурологов привлекаются крупными корпорациями к проведению важнейшей для них пропагандистской кампании — созданию «приличного образа» капитализма.

В этих условиях для официальной пропаганды весьма актуальной становится разработка всякого рода приемов и способов сокрытия истинных причин недовольства. И здесь современные хранители респектабельности проявляют немало изворотливости и инициативы в разработке все новых и новых вариантов бесперспективной операции, которую демократическая пресса с насмешкой назвала словами старого шлягера: «Все хорошо, прекрасная маркиза!»

«Общество потребления», «совершенная демократия», «цивилизация досуга», «общество всеобщего благоденствия», «отношения социального партнерства» — все это новые атрибуты поклонения, изобретенные буржуазными идеологами с целью представить охваченное глобальным кризисом общество как самый прекрасный из всех миров. К ним добавляется теперь еще и маленький смайли.

Но вот что пишет прогрессивная французская журналистка Мари-Луиз Кудер о такого рода искусственном бодрячестве: «Оптимизм составляет часть вооружения, которым располагает пропаганда официального режима... Народ так хочет быть счастливым, что пропаганде этой подчас удается достичь своего. «Ведь в конце концов,— говорят люди,— дело могло бы быть и хуже!» Это верно. Но надо помнить и о том, кому мы обязаны тем, что мы имеем. И обязаны мы не политике капитала. Мы обязаны тому, кто боролся против нее. Вот о чем я думала, читая один из бестселлеров сезона, который пытается продавать оптимизм французскому народу под названием «Открытое письмо счастливым людям...».

«КАК ЭТО УЖАСНО И СТРАШНО — ЖИТЬ СЕГОДНЯ!»

С недавних пор на страницах буржуазной печати все чаще стало появляться слово «синистроз». Что же означает оно?

Синистр (лат.) переводится как несчастный, неблагоприятный, даже гибельный, роковой, зловещий. Слово «синистроз» используется для обозначения понятия, которое имеет обобщающий характер. Синистроз — это сумма настроений различных слоев общества, к тому же довольно широких, которые в силу многих и объективных причин предаются мрачным размышлениям о состоянии и перспективах жизни, а также проявляют повышенный интерес к таким формам нравственности и явлениям в области культуры и искусства, которые созвучны этим настроениям грусти и печали.

Изобретение этого термина приписывается французскому писателю, ныне выступающему также и в роли социолога, Луи Повелю. Не весьма удачливый романист, но предприимчивый издатель журнала «Планет», Луи Повель завоевал широкую популярность, по свидетельству журнала «Пари матч», после опубликования двух книг: «Утро магов» и особенно «Открытое письмо счастливым людям, которые имеют право быть таковыми». Эта последняя и есть тот бестселлер, о котором пишет Мари-Луиз Кудер. Именно в «Открытом письме» и появился впервые термин «синистроз». Свое отношение к проблеме синистроза Луи Повель пытается также раскрыть в одном из своих выступлений на страницах «Пари матч», обращенном к самому широкому читателю. Его статья так и называется: «Синистроз — болезнь нашей эпохи».

«По воскресеньям,— пишет Луи Повель,— часто звучат по радио передачи, специально предназначенные для того, чтобы способствовать знакомствам людей, желающих вступить в брак...

Я прослушал одну из таких передач в воскресенье, 10 октября. О себе рассказывала молодая девушка. Мужчины из Рубе, Тура, Лиона включались в диалог. У одного из них состоялось «знакомство» с этой девушкой. Они обменялись своими точками зрения на жизнь, рассказали о своих надеждах...

Да, этот парень был не глуп. Он нажимал на самые модные педали, чтобы эпатировать свою Дульцинею. «Принцесса, как я страдаю! Как это ужасно и страшно — жить сегодня!» С по-

ОПЕРАЦИЕЙ «УЛЫБКА»

мощью радиоволн, которые разносили в эфир настроения его сердца, этот парень пытался возвыситься, достичь самоутверждения путем обесценивания цивилизации. Он уверял девушку и всех нас одновременно, что именно он обладает совестью, заслуживающей уважения. То есть совестью отчужденной, больной и мятежной».

Но в действительности, продолжает Повель, не существует того реального зла, которое могло бы способствовать этой мятежности и отчужденности. Зло это мифическое, и мятежность такого рода «совести» — результат невроза, то есть заболевания психического. Причины же этого расстройства психики Повель усматривает в неких «манипуляциях», в предумышленном духовном отравлении. Сама же по себе действительность, по Повелю, дает всем людям все основания быть счастливыми.

Луи Повель признает, и признает с сожалением, что настроения недовольства, настроения, созвучные восклицанию «Как это ужасно и страшно — жить сегодня!», охватывают все большее и большее количество людей. Но опять-таки в этом он обвиняет некие внешние, чуждые, дескать, здоровому обществу силы, сеющие опасную моду. Ведь на самом деле миллионы «белых или голубых воротничков», каждое утро вступающих в схватку с жизнью, в конечном счете, по мнению Луи Повеля, «обнаруживают, что дела идут не так уж плохо в либеральном обществе». Но они так и «не решаются высказываться об этом. Они даже не решаются говорить об этом самим себе из-за боязни пойти против супермоды на недовольство».

Итак, слово сказано. Синистроз, по Повелю,— это всего лишь «супермода на недовольство». Он запугивает общество опасными последствиями этой моды, намекая на возможную эксплуатацию синистроза теми, кто сейчас, дескать, еще не находит благоприятной среды для реализации своих политических планов. Он говорит об угрозе со стороны «политических безработных», которые якобы только и ждут того времени, когда «неожиданный взрыв всеобщей совести поставит их в идеальные условия для развязывания всеобщей гражданской войны».

Однако какие все же проявления «больной совести», какие именно последствия их вызывают тревогу буржуазных публицистов, какую «психодраму» стремятся они нейтрализовать?

Конечно же, побудительные мотивы всей суммы настроений, называемых синистрозом, как и формы проявления его, имеют свои особенности в той или иной социальной среде. Настроения неудовлетворенности могут быть вызваны, например, сомнениями в возможности осуществления тех либерально-буржуазных идеалов, которые провозглашаются буржуазным обществом на протяжении вот уже не одного столетия. Могут быть вызваны страхом перед все большим вытеснением демократии властью монополистического капитала. Наступающее нередко после бурных вспышек бунтарской мятежности разочарование, столь характерное для мелкобуржуазной среды и сопровождающее его «сумеречное состояние души», если и не идентично, то родственно другому проявлению истощения воли и духа — попыткам уйти от этого страшного мира войн, контрастов нищеты и богатства, цинизма и либерального ханжества, мира стриптизов и «сексуальной революции». Уйти в молчание, предаться наркомании или мистике.

Для всех этих явлений может быть найден один общий знаменатель. Это своеобразная разочарованность в возможности преодоления пороков безнадежно больного общества, потеря веры в возможность установить точный диагноз болезни. Эта разочарованность гасит последние остатки былого оптимизма, в том числе и внушенного казенной пропагандой, и нередко толкает на путь бегства от общества, бегства в некий карантин антиобщественного эгоизма, где даже стихийное недовольство отступает перед пассивностью и апатией.

КОГО БЕСПОКОИТ СИНИСТРОЗ!

Почему же тогда синистроз так беспокоит официальное общество? Ведь широко известна забота официальной буржуазной пропаганды о том, чтобы всемерно способствовать распространению апатии. Эта тенденция находит свое отражение и в трудах Луи Повеля. «Общество без претензий на выдвижение высоких глобальных целей — это наиболее зрелое общество»,— замечает он и тут же подчеркивает свою симпатию к такого типа «цивилизации, которая перестала брать на вооружение цели и отправила людей к самим себе, чтобы они сами распоряжались собой».

Так почему же все-таки против синистроза затевается наступление? И ведется оно средствами максимально «популярными» — в наиболее массовых изданиях? К участию в нем привлекаются наиболее известные широкому читателю публицистические силы.

Характеристики причин и побудительных мотивов этого наступления могут быть найдены при внимательном изучении его исходных позиций.

Нельзя не заметить уже при первом наблюдении, что стрелы наступательных операций направлены отнюдь не против всей линии широкого фронта синистроза. Пессимизм такого рода, как отсутствие «претензий на выдвижение высоких целей» или явно индивидуалистическая тенденция отгородить личность от всякого интереса к общественному долгу, от социальных движений современности и «отправить людей к самим себе», не вызывает ответной концентрации сил. Тревога объявляется, однако, немедленно, как только в «размышления о перспективах жизни» вкрадываются хотя бы малейшие сомнения о благополучии западного мира. Недостаток похвал по адресу западной цивилизации и уж тем более настроения негативизма тотчас же объявляются «клевещущим идиллизмом», «фальсифицирующим морализмом», «гнилостной, зловредной пропагандой».

Не верьте тому, кто утверждает, что синистроз питается реальными пороками буржуазного общества,— таков пафос выступлений Луи Повеля против синистроза. «Синистроз прежде всего результат политического отравления. Мы находимся в состоянии войны. Войны психологической. Эта война ведется на многих фронтах, многими средствами, и направлена она против западных демократий»,— пишет он и уже совсем недвусмысленно подчеркивает, что «опасность и туман для общества процветания грядет с Востока».

Эти обвинения типичны, и к сочинительству Повеля мы обращаемся в данном случае лишь в связи с тем, что в качестве участника похода против синистроза он в наиболее четкой форме представляет характерную для пропагандистов «довольного сознания» позицию: любые формы опасного недовольства должны быть расценены как не имеющие источников и причин в реальной жизни. Затем скомпрометированы. Затем объявлены результатом неких внешних обстоятельств: то ли безответственных действий отдельных смутьянов, то ли происков неких внешних врагов, то ли просто подорванной психики.

Луи Повель буквально мечется в поисках доказательств отсутствия в буржуазном обществе органически присущих ему коренных пороков, порождающих синистрозные настроения. Он недоволен тем, что западную цивилизацию все чаще оценивают как «цивилизацию обреченности». Ведь она, по Луи Повелю, все более утверждает себя как процветающая. Он призывает представителей интеллигенции «рассказать своим современникам о реальности — не синистрозной, попытаться убедить этих современников, что благополучие возможно» и в условиях существующего порядка. Именно это, по его словам, интеллигенция должна считать долгом своей чести и оправданием своего существования. Именно такую роль отводит он интеллигенции.

Луи Повель впрямую выступает против просвещения народа: доступ к знаниям, широкая информированность — вот причины возникновения опасных заблуждений среди населения. Вот, оказывается, в чем состоит один из побудительных мотивов синистроза — в слиянии между фактором информированности и чувством соучастия. «То обстоятельство, что я информирован о том или ином несчастье в мире,— пишет Луи Повель,— вовсе не обязательно должно вызывать у меня ощущение вины-соучастия. Тем более чувство ответственности». В противном случае, дескать, возникает психоз, сопровождаемый злобой против общества, якобы не способного решить проблему.

Теперь становятся совершенно ясными опасения Повеля относительно «чувства коллективной ответственности». Зло, которое творится рядом, но не коснулось еще лично тебя, является, по его утверждению, лишь мифическим злом. На него не следует обращать внимания. Не следует доискиваться его социальных причин, заботиться о мобилизации коллективных усилий для его искоренения. Будь индивидуалистом, а если и услышишь о творящейся в мире несправедливости, то отправляйся «к самому себе», в замкнутый мирок мещанского благополучия, и тебя не коснется психодрама больной совести, ты будешь избавлен от мятежных настроений и от супермоды на недовольство. Таковы советы врачевателя болезни синистроза.

Итак, синистроз объявляется некой аномалией в условиях так называемого «общества всеобщего благоденствия», а объективные причины его — несуществующими.

Но так ли это на самом деле?

РАССТАВАНИЕ С ОПТИМИЗМОМ

Оговоримся сразу же, что понятие «синистроз» может быть принято лишь условно. Это понятие совершенно не подходит для обозначения тех форм недовольства, которые носят осознанный характер, имеют определенные политические программы. Здесь имеются в виду программы, которые по крайней мере сформулированы в виде определенных прогрессивно ориентированных платформ, хотя они еще и не обоснованы научно, на базе марксистской идеологии.

Понятие «синистроз» применимо скорее к явлениям эмоциональной сферы определенной социальной среды, не оформившимся еще в определенные идеологические концепции. Речь идет об отражении, подчас весьма извращенном, в сознании преимущественно буржуазных слоев неуверенности в стабильности существующего строя и даже угасающего доверия к этому строю. Наличие этих настроений настолько явно, что было зафиксировано даже самим президентом США Ричардом Никсоном. В одном из своих посланий конгрессу он отмечал, что «в последнее время бремя невыполненных обещаний плюс растущая сложность социальных проблем вызывают у многих американцев сомнения в эффективности нашей системы управления». Конечно же, эти сомнения далеко не всегда еще могут свидетельствовать о расставании с буржуаз-

ностью, но они все же говорят о наличии среди довольно широких слоев ранее активно преданных буржуазной общественной системе настроений расставания с оптимизмом, стремлений найти какое-либо убежище от неразумия идущего к пропасти мира, от страха перед этим миром. Эти настроения все чаще и чаще перекочевывают из чисто эмоциональной сферы в область исследований и аргументов. Приведем для подтверждения этого некоторые примеры.

Один из недавних — исследование, проведенное Технологическим институтом Массачусетса по просьбе созданного группой итальянских промышленников, интеллигентов, ученых и клерикалов клуба «Рим». Нелишним было бы отметить, что клуб этот финансируется фондом «Фольксваген». Основное занятие клуба — отмеченные духом глубокого пессимизма футурологические изыскания о тенденциях и факторах, нарушающих жизнь нашей планеты. «Провозвестники апокалипсиса» — так называют себя члены этого клуба. Доклад массачусетского института явился, по мнению западной прессы, сенсационным исследованием года. Смысл исследования сводится к тому, что прогресс, как его трактует клуб «Рим», приведет к еще большему углублению пропасти между богатыми и бедными.

В Вене недавно издана книга А. Пелинки, публициста, ассистента Института высших исследований, и М. Велана, эксперта-правоведа, профессора Высшей школы правоведения, «Демократия и конституция в Австрии». Вот что пишут авторы, принадлежность которых к классу буржуа не вызывает сомнений: «...в современной Австрии... население... является глубоко пассивным придатком политических сил, особенно политических партий и больших союзов... Общество демократизировано только на поверхности». И далее: «Австрийский парламент не может играть самостоятельной роли ни в качестве законодателя, ни в качестве контролера правительства». А вот мнение американского социолога Льюиса Мумфорда, изложенное им в книге «Миф машины». Тональность книги весьма симптоматична для настроений неудовлетворенности, подобных так называемому синистрозу. Мумфорда ужасает господство некой мегамашины, подчинившей себе все. Это чудовище, пишет он, «не ставит перед собой никакой человеческой цели», главное для него — «всепоглощающий интерес к получению максимально возможных прибылей для корпораций, эксплуатирующих эту машину». Конечно же, слово «машина» употребляется здесь условно. Речь идет у автора о государственно-монополистических образованиях, о разросшемся аппарате принуждения. Критерием успеха деятельности этого созданного силами большого бизнеса механизма эксплуатации является, как констатирует автор, увеличение прибыли, а ни в коем случае «не рациональное распределение и социальная справедливость».

Буржуазная пропаганда сейчас уже не в состоянии скрыть сам факт существования подобных настроений неудовлетворенности, сделать вид, что их вовсе не существует. Но она пытается исключить любую попытку объяснить наличие этих настроений глубокими социальными причинами.

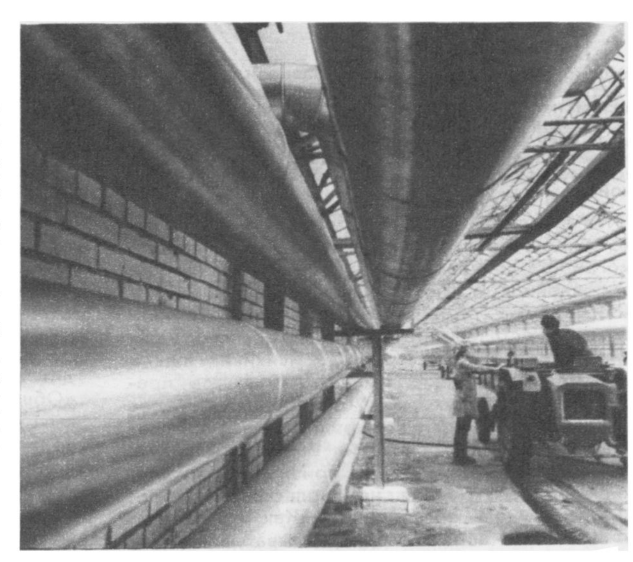
Однако, как бы ни усердствовали украшатели фасада «либерального общества», никакие улыбающиеся рожицы, заигрывания «зловредной пропагандой», изобретения новых атрибутов поклонения не помогут скрыть тот факт, что настроения недовольства, питающие так называемый синистроз, как бы ни были они еще буржуазны, на самом деле гораздо шире и глубже, чем их пытается представить буржуазная пропаганда, и свидетельствуют они о все более глубоком обострении поистине непреодолимых внутренних противоречий, подтачивающих капитализм.

Оптимизм участников похода против синистроза ложный. Он пытается поддержать иллюзию о наличии у самой буржуазной системы средств для преодоления ее пороков и, таким образом, лишь способствует маскировке неизлечимых болезней. «То, что нас объединяет в философском плане,— писал Луи Повель,— так это один и тот же оптимизм в принципе: общество и человек поддаются усовершенствованию». «В принципе» этот оптимизм можно было бы и разделить. С существенной оговоркой, однако, которую не сделал Луи Повель. Эта оговорка предполагает выяснение вопроса о том, способно ли еще буржуазное общество к самосовершенствованию или путь к прогрессу должен состоять в его коренном преодолении. Луи Повель и его коллеги такую постановку вопроса отвергают и тем самым остаются в общем русле современной буржуазной теодицеи.

ФИРМА «ЛЕТО»

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Г. Макарова.

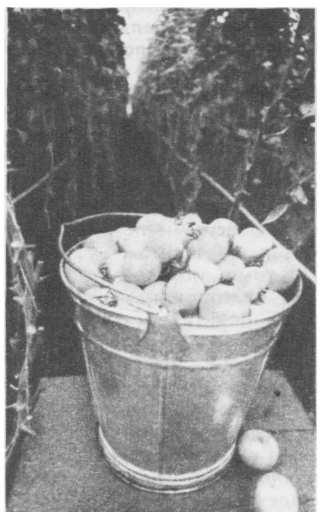
На главном «проспекте» тепличного города.

Из этого необыкновенного стеклянного городка лето, похоже, и не уходило. Девушки собирают ярко-красные помидоры, наполняют ящики зеленым луком. На темном грунте — нежные кусты салата. Климат под стеклянным небом не зависит от капризов природы. Его создают сами инженеры и технологи точно в соответствии с заказами агрономов и привычками растений.

Все это — в нескольких минутах езды от Московского проспекта, в двухстах метрах от Пулковского меридиана. Даже в пасмурную туманную погоду невозможно проехать мимо, не обратив внимания на огромный шатер из стекла, под которым раскинулись плантации совхоза «Ленинградский», одного из пяти тепличных хозяйств фирмы «Лето».

— Фирма «Лето» создана для того, чтобы быстрее добиться более равномерного поступления овощей в течение всего года. И притом в широком ассортименте,— рассказывает заместитель генерального директора фирмы Н. А. Анохин.— В последнее время магазины получают от нас овощи семнадцати наименований. Всегда в продаже зеленый лук. Втрое больше стали продавать огурцов. Теперь стремимся к тому, чтобы уже в марте дать как можно больше томатов, сельдерея, петрушки. Намечено расширить производство салата, особенно необходимого зимой, грибов шампиньонов, которые также пользуются большим спросом. Ведутся опыты по выращиванию разных сортов перца. Наша фирма может снабжать город и цветами. Гвоздики, розы, хризантемы прекрасно растут в теплицах.

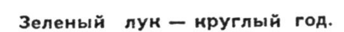
...Центральный пролет тепличного комплекса уходит вдаль, конца ему не видно. Справа и слева тянутся теплицы. Снуют малогабаритные тракторы с прицепами, машины тащат тележки с удобрениями, рассадой, спелыми плодами. Сквозь стеклянные стены видно, как люди усердно удобряют почву, высаживают рассаду, поливают молодые всходы. Обычный рабочий день фирмы «Лето».

Зимний урожай.

Зреет салат.

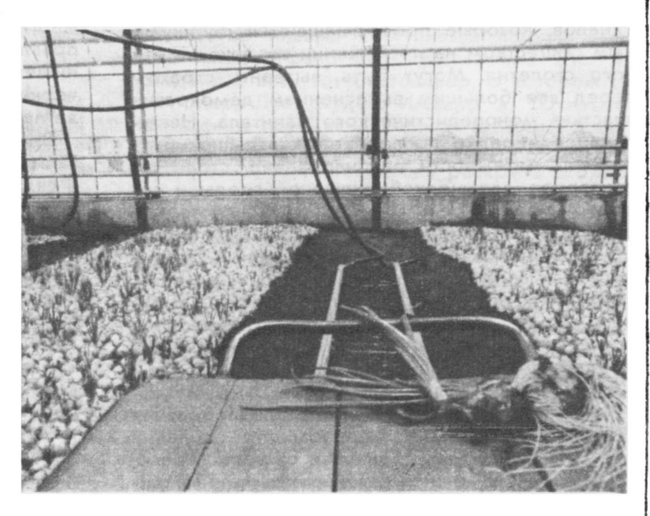
Фирма, едва возникнув, сразу же взяла курс на внутрисовхозную специализацию: мелкая зелень в одном хозяйстве, помидоры и огурцы — в другом, цветоводство и шампиньоны — в третьем. Никто никого не дублирует.

«Лето» установило прямую связь со многими крупными ленинградскими магазинами, ресторанами, столовыми.

Пришла и новая техника, производство свежих овощей получило индустриальную основу. Где теперь бочки, ведра, лейки, лопаты?.. В теплицах автоматически на заданном уровне поддерживается температура воздуха, подается вода для полива. Автоматика используется и на подкормке растений. Машины возят овощи, обрабатывают почву в теплицах. Как известно, световой день в Ленинграде короток. Чтобы ликвидировать световой голод, здесь включают сотни искусственных «солнц». Вся зимняя рассада огурцов и помидоров выращивается с помощью ртутных ламп.

Фирма «Лето» продолжает строить крупные современные тепличные комплексы. Как во всяком новом деле, много хлопот, нерешенных проблем. Но «Лету», которое под стеклом, не страшна зима!

Зеленый лук — круглый год.

РАЗДУМЬЯ ПОЛКОВОДЦА

Счастливой судьбу книги можно назвать в том случае, если читатели разыскивают ее сразу после выхода в свет, охотятся за ней, если продавцы устало дают стереотипный ответ: «Нет книги, уже прошла...» Именно такие ответы пришлось не раз слышать мне, когда разыскивал я последнюю книгу Маршала Советского Союза И. С. Конева.

Популярность новой книги мемуаров полководца легко объяснима. В ней идет речь о малоизвестных подробностях битв, равных которым не знало человечество. В 1943 году военная машина Гитлера, придавившая своими гусеницами многие народы Европы, начала буксовать на просторах России. И сколь ни была мощной эта машина, советский народ, его армия повернули ее вспять и гнали со все возрастающей скоростью. При этом, как пишет И. С. Конев, «наше наступление в конце 1943 г. и в течение 1944 г. успешно развивалось не потому, что враг ослабил силу своего сопротивления (немецко-фашистская армия все еще имела большую численность на советско-германском фронте: 5 223 тысячи солдат, 236 дивизий и 18 бригад), а потому, что мы завоевали превосходство над врагом во всех отношениях».

Войска Степного, а затем 1-го Украинского фронтов, которыми руководил автор, принимали участие во многих битвах, золотыми буквами вписанных в летопись наших Вооруженных Сил. Курская битва, борьба за Харьков, форсирование Днепра, Кировоградская операция, Корсунь-Шевченковский котел, Уманско-Ботошанская, Львовско-Сандомирская, Карпатско-Дуклинская операции — вот тот славный боевой путь, который прошли коневцы. Маршал, называя главного героя своих воспоминаний — советского солдата,— говорит о нем с большой душевностью, теплотой, уважением: «Победа далась нам нелегко. Враг был силен и коварен. Тем большей славы достоин советский солдат — чудо-богатырь... Наш солдат смело шел в атаку на врага, без колебаний вступал в смертельный бой, прокладывая путь к победе, ради жизни на земле. Он был храбр в бою, суров и великодушен».

С большим уважением рассказывает полководец и об организаторских способностях, таланте своих соратников-военачальников: генералов, старших и младших офицеров — командиров и политработников. Они личным примером поднимали людей в атаки, сутками не спали, разрабатывая ту или иную операцию, всегда находились в тех частях и подразделениях, где складывалась тяжелая обстановка.

Сам маршал Конев тоже нередко приходил в окопы, траншеи, блиндажи, на наблюдательные пункты командиров всех степеней. И те бойцы и офицеры, которым привелось говорить с командующим на поле боя, под свист пуль, разрывы мин и снарядов, теперь, много лет спустя, рассказывают об этом детям и внукам. Такое остается в памяти на всю жизнь.

Автор записок и сам не раз бывал на волосок от смерти. Вот почему столь волнующе и убедительно звучат его слова о героической борьбе солдат за жизнь и светлое будущее грядущих поколений.

Командующий фронтом поддерживал постоянную связь с Москвой, со Ставкой. Голос Ставки являлся для него голосом Родины, народа, за независимость которого сражались войска фронта.

В предисловии к книге автор подчеркивает, что ему хотелось описать сражения миллионных войсковых группировок, сокрушение и прорыв вражеской обороны при мощной поддержке артиллерии и авиации, стремительное наступление при любой погоде — в распутицу, слякоть, грязь, снег, смелое форсирование с ходу крупных водных преград и тому подобное.

Все это в полной мере удалось автору. Популярный же язык мемуаров делает их доступными и интересными не только для военного специалиста, но и для самого широкого читателя.

Майор Ю. **МАКУНИН**

Маршал Советского Союза И. С. Конев. Записки командующего фронтом. 1943—1944. Издательство «Наука», М., 1972.

ДОВЕРИЕ СОПУТСТВУЕТ СТИХАМ

Один из знакомых поэтов рассказал мне такой случай. Как-то на пригородной платформе он услышал песню, которую не очень-то умело пел слепой солдат в шинельке без погон, подыгрывая себе на гармошке. Мелодия песни была довольно проста, но трогательна. Слепой солдат пел не совсем внятно, не все слова можно было разобрать, но и они — словно бы безыскусственные и проникновенные — задевали за живое. Когда случайные слушатели разошлись, мой знакомый подсел к солдату, чтобы узнать, чью он песню пел. Слепой ответил, что ее в народе поют. Поэт попросил повторить слова народной песни, но когда дошли до второго куплета, он понял, что это авторский текст. Позже он узнал, что солдат всерьез выдавал за народную песню Николая Доризо «Помнишь, мама моя...».

Что же это — простой случай? Но в поэтической судьбе Николая Доризо довольно много таких завидных случайностей, которые красноречиво свидетельствуют о популярности его стихов и песен. Случайно ли, что бывший фронтовик, гвардии старший сержант Анатолий Солкин через многие годы после войны вспоминает слова песни «Дочурка», которую он хочет считать *солдатской*? Случайно ли космонавт Андриян Николаев берет с собой в звездные просторы книжку стихов Николая Доризо, а некая девчонка, с трудом отыскав адрес поэта, приходит к нему с настоятельной просьбой, чтобы он написал стихи, которые бы сразу возвратили ей ее любимого?

«Напишите стихи — он вернется ко мне!..» — уверенная в силе поэтического слова, говорит она.

Лучшие вещи Николая Доризо обладают одним удивительным свойством: прочитав или услышав их, проникаешься необъяснимым *доверием* к его поэзии, к самому автору. Эта завидная черта характерна и для многих стихов его новой книги — «Разные судьбы».

Думается, что и названа она так не без основания. Действительно, самые разные людские судьбы становятся близкими сердцу поэта, лирично раскрываются в его стихах. Тут снова зримо возникают перед нами и суровые фронтовые дороги, по которым шел и сам поэт, и горевая судьба солдатки, которой в недобрый час принесли похоронную:

Ахнула,
потом заголосила,
Тяжело осела на кровать.
Все его,
убитого,
просила
Пожалеть детей, не умирать...

Видимо, потому мы столь доверительно относимся к стихам поэта, что он сам умеет до глубины души проникнуться чужой болью, чужой радостью, чужой бедой, чужой любовью. В стихах они становятся как бы его собственными. В новой книге это качество еще более ощутимо, ибо с годами лучшие вещи Николая Доризо обретают философичность и умудренность. В одном из стихотворений он с полной душевной раскрытостью говорит об этом:

Есть мысль,
есть труд,
есть слово у меня,
И возраст мой на линии огня.

Если полтора десятка лет назад поэт брался за крупную вещь, то из-под его пера выходили все-таки чисто лирические поэмы («Поэма о любви», «О сыне»). Ныне мироощущение Николая Доризо стало более фундаментальным, эпическим, о чем свидетельствует его недавняя поэма «В России Ленин родился...», вошедшая в новую книгу.

Ясность выражения мыслей и чувств, лаконичность и простота языка помогли многим стихам поэта сделаться широко известными песнями. Я уже упоминал о популярности его военных и послевоенных песен. Но ныне появились не менее удачные и едва ли не общеизвестные «Песня о любви» («На тот большак, на перекресток...»), «Огней так много золотых...», которым, надо думать, уготована долгая жизнь.

Словом, новая книга стихов, поэм, песен Николая Доризо с полной очевидностью показала, что многогранный талант поэта, питаемый глубинным проникновением в очень разные судьбы людские, с годами раскрывается все шире и раскованней.

О. **ДАНЬШИН**

Николай Доризо. Разные судьбы. Воениздат, 1972.

РОМАН О МУЖЕСТВЕ

Роман Александра Бахвалова «Нежность к ревущему зверю», посвященный летчикам-испытателям наших дней,— первое большое произведение автора.

Александр Бахвалов, по профессии авиационный механик, дал читателю возможность приобщиться к сложной работе летчиков во всех ее тончайших нюансах и малейших подробностях, даже с документальной точностью.

В одной из наших песен поется: «Мы учим летать самолеты...». И это очень верно сказано. Теоретически машина рождается сначала в замыслах, потом в чертежах, в длительных спорах и предположениях, но если она не видела неба и не отрывалась от земли — это еще не самолет. Чтобы довести опытную машину до совершенства, от испытателя требуется много сил, умения, опыта и самоотверженности. Каждый полет — подвиг.

Продолжительный беспосадочный полет, осложненный непредвиденными обстоятельствами — неисправностью одной из систем подачи топлива, отказом локатора. К тому же внезапная гроза, в ночной темноте полыхают молнии. Кажется, что самолет, попавший в пучину огненных вплесков, плавится, растворяется. До аэродрома еще далеко, напряжение нервов достигает предела. И вот в этот, казалось бы, трагический момент один из героев, Костя Карауш, бросает: «Давайте, что осталось, пешком пройдем, а?»

О безграничном мужестве и выдержке говорит эта вовремя брошенная шутка. То, что в нашем понимании является подвигом, летчики-испытатели принимают за самое обычное и будничное. На сообщение Владимирова: «Сажал без двигателя, понимаешь?» — Костя Карауш, дергая застрявший замок «молнии» на летной куртке, без удивления и спокойно отвечает: «А без крыла не пробовал? Вот если бы без крыла...»

Главный герой романа Алексей Лютров страстно влюблен в свою профессию. Вся его жизнь связана с аэродромом, и, прежде чем вспомнить облик какого-нибудь города — а ему случалось бывать во многих,— он прежде всего вспоминает размер посадочной полосы. Однако круг его интересов широк. Он много читает и любит книги, вдумчиво размышляет над ними, сопоставляя прочитанное с собственным опытом. Одна из героинь произведения говорит ему: «Человек вы не суетливый, глядите спокойно, весь для людей, тихий... Значит, сильный. Не кулаками, душой».

Небо принимает людей сильных и бескорыстных, сближает их, проверяет их отношения друг к другу, и это показано А. Бахваловым.

Роман «Нежность к ревущему зверю» о людях редкой и героической профессии удался автору и достоин внимания читателей.

Евгения **КОНОВАЛОВА**

Александр Бахвалов. Нежность к ревущему зверю. Роман. Журнал «Молодая гвардия», №№ 5—7, 1972.

В СТРАНАХ СОЦИАЛИЗМА

ВЫСШИЙ Б

Н. КРЫЛОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

Центральный институт физической химии в Берлине, столице ГДР. Напротив меня в белом халате сидит доктор Хельмут Штах, руководитель одной из лабораторий этого института. Рядом на подоконнике примостился его коллега доктор Давид Гельбин с трубкой в зубах. Когда тает очередное облачко дыма, в его глазах можно прочесть лукавую усмешку: «Ну что ж, посмотрим, как коллега Штах сумеет популярно объяснить непосвященным, чем мы тут занимаемся». Именно с такой просьбой обратилась я к моим собеседникам. Оба они — члены большого коллектива ученых, чей труд был недавно отмечен высокой наградой — Государственной премией ГДР. Об этой работе и пойдет разговор.

Хозяин кабинета обрушивает на меня поток имен, перечисляя советских ученых, в тесном контакте с которыми работает институт. Одним из первых Х. Штах называет академика М. М. Дубинина.

— О, это специалист мирового масштаба,— говорит ученый.— У него мы получили теоретические обоснования для нашей работы. В лаборатории у Михаила Михайловича работает наш сотрудник Гюнтер Шен, готовит там свою диссертацию. Очень плодотворно мы сотрудничаем с профессором МГУ А. В. Киселевым, профессором С. П. Ждановым из Института химии силикатов в Ленинграде. Как раз оттуда мы получили материал для наших молекулярных сит.

В это время приносят кофе — без него тут не обходится ни одна беседа. Гостеприимные хозяева любезно придвигают мне тоненький химический стаканчик с сахаром. Здесь же, на лабораторном столе, небольшой пузырек с прозрачной водицей.

— Хоть «водица» и не для питья,— улыбается ученый,— но без нее в нашем рассказе не обойтись. И не только в рассказе, но и в жизни. Это парафин. Из него получают хорошо всем известные стиральные порошки, он служит сырьем для выработки различных пластиков. Промышленности он требуется в огромных количествах. Счет идет на миллионы тонн. Добывают парафин из нефти, что приходит к нам по нефтепроводу «Дружба». Парафин выцеживают, пропуская нефть через молекулярное сито. Вот модель одной из его ячеек.— С этими словами доктор Штах берет в руки модель молекулы.

В дырочках этого сита застревают молекулы парафина. На заводе процесс поглощения происходит в огромных башнях-колоннах в десятки метров высотой. Потом парафин отделяют от сита. Кажется, все не так уж сложно. Но одно дело — в лаборатории, а другое — на производстве, на крупном химическом заводе.

...Вам, разумеется, приходилось жарить яичницу? Из скольких яиц? Из двух-трех, из десятка? А если из шести тысяч? В принципе, конечно, тоже можно. Но только и сковородка понадобится другая и температура пламени, и времени уйдет больше. Словом, масштабы будут другие. И все же задачку не решить простым умножением. Так и в химии.

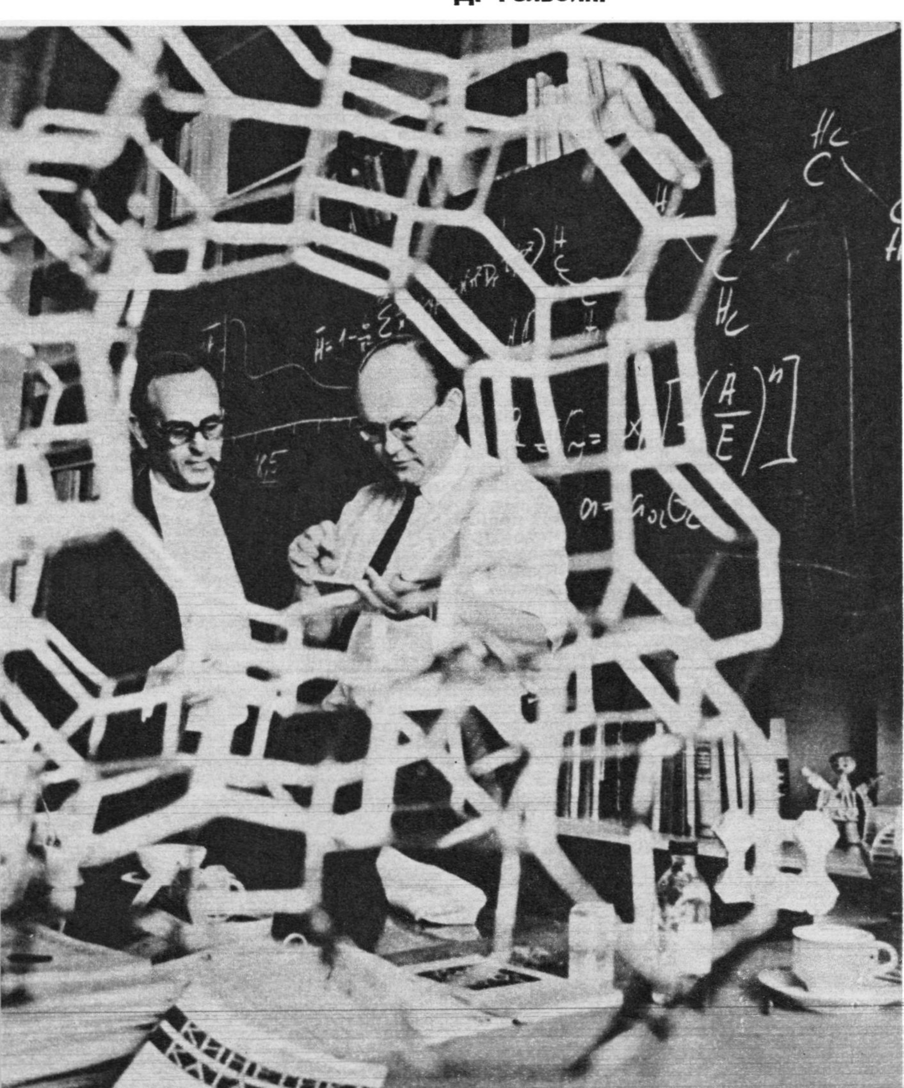
— Вот именно эта проблема — увеличение масштабности — очень волнует сегодня и ученых и производственников, — говорит Х. Штах.

Традиционный путь от лабораторной пробирки до завода такой: сначала строят небольшую опытную установку, потом — опытный цех, и только после этого — промышленный объект. Уходит уйма времени и средств. Годы уходят. Пока дело дойдет до конца, смотришь, появился новый способ. Значит, опять все сначала? А без этой ступенчатости тоже не обойтись. Как же перескочить через промежуточные этапы? Такой прыжок химикам помогла совершить математика. Здесь слово — доктору Д. Гельбину.

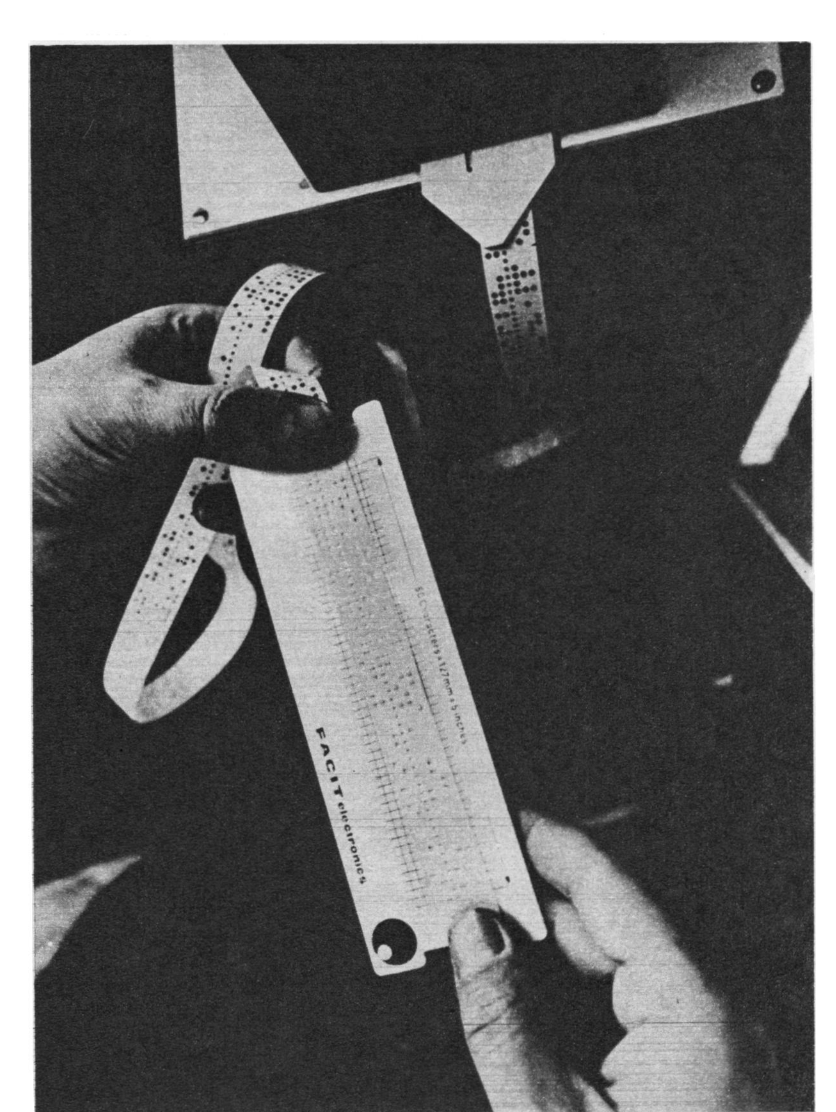
— Сначала мы, математики, выступаем как бы в роли переводчиков: результаты всех химических процессов, исследованных в лаборатории, переводятся на язык математики. На смену химическим формулам приходят математические. Составляется, как мы говорим, комплексное математическое описание всего происходящего. Вот как выглядят страницы такого описания.— И доктор Гельбин показывает несколько обычных перфокарт для счетной машины.— На них записана математическая модель химического процесса. А дальше уже вступают в дело счетные машины.

— И они дают ответ, как будет действовать не существующая еще в натуре установка?

— Совершенно верно. Причем можно запустить несколько вариантов и выбрать, какой лучше. А

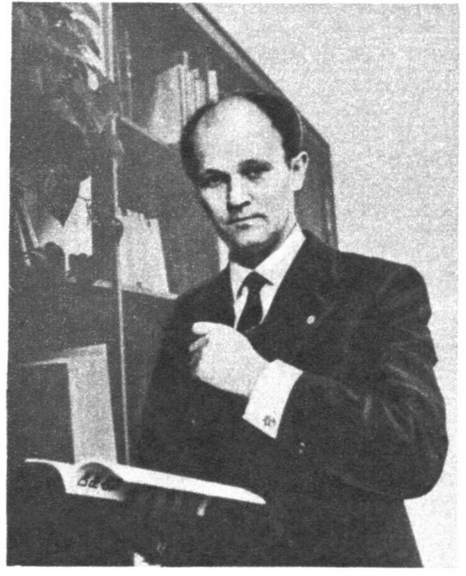
В лаборатории Института физической химии Академии наук ГДР. Доктор Х. Штах (справа) и доктор Д. Гельбин.

Так выглядит описание химического процесса на языке математики.

АЛЛ

на действующей установке этого сделать нельзя. Теперь нужно построить только одну опытную установку — как единицу масштаба,— и по ее данным счетные машины рассчитают все, что нужно для большей. Скажем, мы собираемся поставить такую установку в Болгарии. Там и климат иной и все прочие условия другие. Значит, придется внести в проект какие-то изменения, поправки. Какие

Главный ученый секретарь Академии наук ГДР профессор Клаус Гроте отвечает на вопросы «Огонька».

Фото А. Пасковиака и Х. Фибига.

именно, даст ответ опять же счетная машина. Никаких практических экспериментов делать не придется. Вот в этом и заключаются преимущества метода математического моделирования,— заключает доктор Гельбин.

В примере с яичницей мы не случайно назвали число шесть тысяч. Именно во столько раз позволил нарастить масштабы новый метод. Его применение на практике дало огромный эффект — десятки миллионов марок. Ведь нефтехимия сегодня в ГДР — одна из важнейших отраслей промышленности. Речь идет о продукции, которая выпускается миллионами тонн. Достижения ученых уже практически применяются на нефтеперерабатывающем комбинате в Шведте, на химических заводах Лойны.

Теория и практика... «Theoria cum praxi». Латинские буквы, четко вычерченные иглой гравера, окаймляют портрет человека в пышном парике, локоны которого падают на шелковый камзол. Это Лейбниц — великий немецкий ученый, основатель и первый президент Берлинской Академии наук. Его портрет и этот девиз можно увидеть на обложке книги, в которой рассказана вся история академии. Последняя глава этой летописи еще не написана. Ее пишут сегодня ученые ГДР. Теория с практикой — их девиз. За успешное претворение его в жизнь страна выставляет своим ученым высший балл, присуждает высшую награду.

Высокой награды — Государственной премии ГДР — была удостоена в 1972 году группа ученых из трех институтов — физической химии, института математики и механики и НИИ химической промышленности. Вот имена лауреатов: профессор В. Ширмер (руководитель работы), доктор К. Фидлер, доктор Х. Гаевски, доктор Д. Гельбин, инженер К. Зихардт, доктор Х. Штах.

Работу этого коллектива нам назвал главный ученый секретарь Академии наук ГДР профессор Клаус Гроте, когда мы попросили его рассказать о важнейшем достижении ученых ГДР за последнее время.

— Плодотворное сотрудничество ученых и производственников, сочетание фундаментальных и прикладных наук, самая тесная связь теории и практики — вот что выдвинуло названную работу в число тех достижений, которыми мы можем гордиться. Я хотел бы особо подчеркнуть ее исключительно большое значение для нашего народного хозяйства,— сказал профессор Гроте. — Экономика не может успешно развиваться без науки. Мы, ученые, призваны прокладывать для нее новые пути. В этом смысле огромные перспективы для нас открывает Комплексная программа социалистической экономической интеграции, потому что в ней намечены планы объединения научных потенциалов социалистических стран. О том, что дает такое объединение, можно судить хотя бы на примере Объединенного института ядерных исследований в Дубне.

Профессор Гроте по специальности физик, и его биография как ученого началась там, в Дубне.

— Моими учителями и научными руководителями были известные советские ученые. В Дубне успешно работала группа физиков ГДР под руководством профессора Кюна. Их исследования получили высокую оценку специалистов.

В каждой стране своя научная школа,— продолжает ученый,— свои научные традиции. И когда представители этих школ встречаются и трудятся под одной крышей, это всегда приносит плодотворные результаты.

Лично мне, например, работа в Дубне дала многое. Для исследователя очень важно научиться мыслить с дальним прицелом, если можно так выразиться. Научное дерзание, способность выйти из привычной колеи и заглянуть далеко вперед — именно эти качества наших советских коллег я по-настоящему оценил за годы совместной работы. Вот почему мне представляется очень важным создание объединенных научно-исследовательских центров, таких, как в Дубне, где работают ученые разных стран. Ведь все профессиональные и организационные проблемы решаются гораздо легче, когда люди знают друг друга лично.

ЧИТАЕТ СЕРГЕЙ БАЛАШОВ...

Тесно связано с жизнью народа творчество народного артиста РСФСР Сергея Балашова, и личная его судьба типична для советского человека.

Тяга к театру у Балашова, который рос в уральской рабочей семье, явилась очень рано и, может быть, потому, что в их доме всегда висели театральные афиши, искусно выполненные отцом-наборщиком.

Жизнь его складывалась так: доброволец Красной Армии, затем актер и режиссер глазовского и пермского театров, студент I Государственной художественной студии в Ленинграде... Он был артистом Большого драматического театра имени М. Горького, но его призвание, его судьба была другой: он стал эстрадным артистом-чтецом, одним из основоположников трудного жанра. С. Балашов посвятил ему все свое дарование, оказавшись превосходным автором и исполнителем литературных и литературно-музыкальных композиций. Его спектакли, богатые содержанием, проникнуты пафосом современности. Таковы «Турксиб», отмеченный в свое время С. М. Кировым, «Письмо ленинградского пролетариата», «ЧТЗ»...

Актер всегда стремится быть ближе к слушателю, теснее слиться с массами. Подготавливая программу «ЧТЗ», артист, чтобы лучше «вжиться» в материал, стал рядовым рабочим, землекопом на строительстве Челябинского тракторного, впоследствии за эту программу он был удостоен почетного звания лучшего ударника ЧТЗ.

В предвоенные годы и во время Отечественной войны Балашов читает патриотическую лирику Маяковского, Пушкина, Лермонтова, выступает на фронтах. Он был первым артистом в Сталинграде, в легендарной Шестьдесят второй армии... Слушали С. Балашова и работники тыла, крупнейших предприятий страны, его слово вдохновляло, помогало в борьбе.

Сразу после войны С. Балашов обратился к «Слову о полку Игореве», создав яркий, оригинальный спектакль. Позднее артистом подготовлены великолепные литературно-музыкальные спектакли по произведениям русской и советской классики: «Шинель» Гоголя, «Гамлет» Шекспира, «Владимир Маяковский. О времени и о себе», «Я сердцем никогда не лгу» — лирика Сергея Есенина.

Сергей Михайлович Балашов встречает свое 70-летие в расцвете творческих сил: недавно прошли его блестящие спектакли в ряде городов. В ближайших планах чтеца — создание литературно-музыкальных композиций по произведениям литературы братских социалистических стран.

А. АНИКИН

«ЭТО МНОГИХ СЛАВНЫХ ПУТЬ»...

— Нам хотелось показать тех, кто погиб во имя того, чтобы жили мы,— сказал Л. Эйдлин, автор инсценировки и постановщик спектакля по известной повести Валентина Катаева «Сын полка» в Центральном детском театре (режиссер — заслуженный артист РСФСР М. Нейман).

Очень важно, чтобы юное поколение не забывало о трудных днях отцов и дедов. Поэтому вполне понятно, почему театр вернулся к произведению, которое он уже инсценировал: необходимо было лишь «приблизить» события, героику тех лет к сегодняшнему молодому зрителю. И это удалось театру! Удалось потому, что в замысле спектакля не только суровые будни войны, но и тепло душ и сердец героев, нежность, которую отняла у них война. Оттого-то батарейцы так трогательно-заботливо относятся к сыну полка, и «пастушок» — Ваня Солнцев, «Солнышко» — так жадно тянется к ласке взрослых.

Война здесь, рядом. Ежеминутно она напоминает о себе — грозной музыкой сражения или настороженным затишьем перед боем. Нет упрощенного разговора со зрителем — война есть война! И, покидая театр, зрители запомнят Н. Оленеву в роли Вани Солнцева и его ближайших друзей, сыгранных Ю. Лученко (ефрейтор Биденко) и В. Калмыковым (капитан Енакиев).

Л. НАТОЧАННАЯ

Фото В. Петрусовой.

На снимке: Ваня Солнцев (Н. Оленева) и капитан Енакиев (В. Калмыков).

«ПЕРВАНЕ»

Эту статью я хочу начать с одной очень простой истины. Заключается она в том, что о чем бы ни писал литератор — я имею в виду художественное произведение,— каких бы высоких и сложных проблем ни касался, какие бы головоломные вопросы он ни поднимал, книга его должна читаться с интересом, она должна «привязать» к себе читателя и не отпускать до тех пор, пока не дочитает ее до конца. Жорж Сименон, известный автор многих романов и повестей, полагает, что книги его должны проглатываться читателем в один присест. Исходя из этого он делает вывод об объеме книги, о занимательности фабулы и динамике действия, которое должно держать читателя в нетерпении. В подобном высказывании Сименона есть доля преувеличения, но опять же в нем идет речь о читательском интересе к книге. Без такого интереса не может существовать настоящее художественное произведение.

К чему я это говорю?

Известный азербайджанский писатель Мирза Ибрагимов, с которым русский читатель знаком по романам «Наступит день» и «Слияние вод», написал новый роман, точнее, первую его часть — «Перване». По-видимому, за ней последует еще одна, а может, и две части. Писатель задумал широкое художественное полотно.

Название романа «Перване» — метафорическое. Это не имя и не прозвище чье-либо. Это — наименование борца за народное счастье вообще. Писатель как бы предуведомляет нас, о ком главным образом будет идти речь в романе.

Действие романа охватывает пеструю жизнь Закавказья второй половины прошлого века. Автор поднимает очень важные социальные, политические, государственные и культурные вопросы того времени. Здесь и образы феодальных хищников, таких, как Ильяс-бек, Джахан-ага, Селим и другие. Это люди кровожадные, без совести и чести, ненасытные и мстительные. Их запоминаешь надолго, и чем больше думаешь о них, тем сильнее ненавидишь породивший их строй.

К счастью, жизнь порождала не только Джахан-агу или Селима. Им несокрушимо противостояли такие самоотверженные борцы за народное счастье, как Вафадар, Хури-Ханум, Али-Мирза, Сахиб. И многие их друзья, их единомышленники. Мирза Ибрагимов с убедительной художественной силой показывает, как росли, как развивались борцы за народное счастье — «перване» — под влиянием идей революционного движения в России, под влиянием русской передовой культуры.

Я говорил, что Мирза Ибрагимов поднимает в своей книге и важные социальные и культурные проблемы. Он это делает, объемно рисуя своих героев, среди которых и реально существовавшие люди, как знаменитый Мирза Фатали Ахундов и Нариман Нариманов, соратник Ленина, выдающийся советский общественный деятель и писатель.

Мне кажется, что даже из этого краткого перечня поднятых писателем вопросов ясно, сколь широко задумал свое новое произведение Мирза Ибрагимов. Но важно еще и другое, о чем я говорил вначале: книга читается с большим интересом, потому что в ней ярко показаны людские судьбы, потому что в ней выстроен целый ряд запоминающихся образов.

Критик Георгий Ломидзе пишет: «М. Ибрагимов любит не беллетризировать, а исследовать, «копать» глубоко, основательно». И это качество писательского пера Мирзы Ибрагимова полностью выражено в его новой книге, хорошо переведенной Вит. Василевским.

Георгий ГУЛИА

М. ИБРАГИМОВ «Перване». Роман. Авторизованный перевод с азербайджанского Вит. Василевского. Издательство «Советский писатель». Москва. 1972.

Ю. ЛУШИН

...Робот не двигался, он не протягивал руку и не скрипел металлическим голосом: «Здравствуйте»... Он умел только держать штангу с грифом из проволоки и фанерными блинами.

Мне показали его конструктора. Он походил на мастерового: фартук в опилках! На меня ни малейшего внимания. Мыслит. А было конструктору... девять лет.

Я подошел к Анатолию Николаевичу Левковичу, руководителю и кумиру юных Кулибиных, спросил:

— Еще недавно, помнится, у ваших питомцев была эра подшипников?.. А сейчас дерево, дерево, стружки, опилки.

— Видите ли,—ответил он,—детям надоедает однообразие. Через месяц наступит эра оптики... Пробудить интерес, мысль, натолкнуть на самостоятельное решение — вот основная задача нашей лаборатории технического моделирования для младших школьников.

ЧТО ЕСТЬ КЮТ?

КЮТ—клуб юных техников — не отвергает самых фантастических, даже нелепых проектов. В будущем году клубу исполнится десять лет. О нем знают во всех областях Сибири и Дальнего Востока, во многих районах Средней Азии. Каждый год директор клуба Игорь Федорович Рышков выезжает на поиски одаренных ребят. Шестьдесят семиклассников ежегодно приглашаются в Академгородок, что под Новосибирском, и весь август они стажируются в КЮТе. К концу этого срока каждый из них представляет на суд авторитетной комиссии свою конструкцию и публично защищает ее проект. Защитившие образуют так называемый технический отдел физматшколы, который тесно связан с КЮТом. Три года (с восьмого по десятый класс) они учатся и живут в Академгородке.

А кто не смог защитить свой проект? Тот остается заочником КЮТа — из его поля зрения не выпадает.

Обычная школьная программа здесь несколько видоизменяется. Вводятся специальные занятия по технике, а в десятом классе читается солидный теоретический курс по механике, электротехнике, радиоэлектронике. В конце учебного года — защита новых проектов...

В прошлом году, например, из 26 выпускников технического класса двадцать пять поступили в вузы на отделения, связанные с экспериментаторской и конструкторской деятельностью... Сейчас в кружках клуба занимаются пятьсот школьников Академгородка и других районов Новосибирска, а также двести юных техников-заочников из различных мест Сибири и Дальнего Востока.

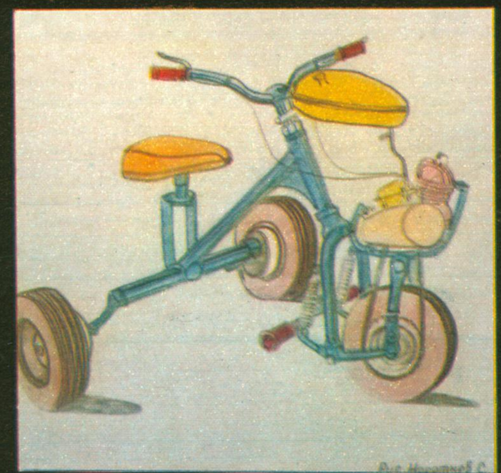
...Деревянный робот по-прежнему держал деревянную штангу, но за рабочим столом находился уже другой творец. Он уставился на абсолютно чистый лист бумаги. Мыслит. С этого и начинается КЮТ.

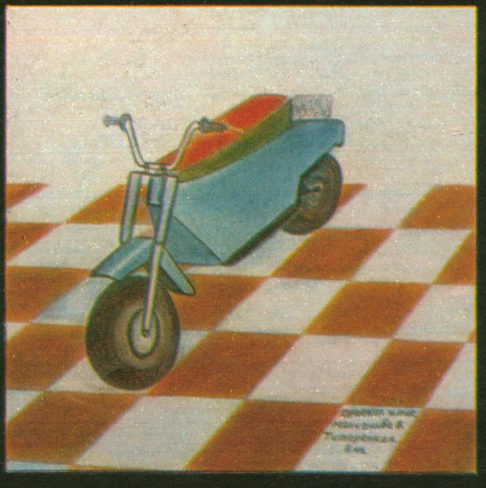
Член-корреспондент Академии наук СССР профессор Алексей Андреевич Ляпунов и семиклассник Олег Мешков.

Юные астрономы.

Фото М. САВИНА.

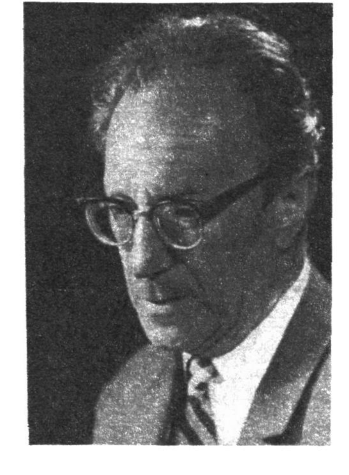

Игрушки! Нет! И луноход, и робот, и трицикл, и электропед, и амфибия — все это плоды творческой дерзости юных Ползуновых и Кулибиных.

о р ш

ВЕСЕННИЕ РАССВЕТЫ

Сергей **ОСТРОВОЙ**

ПОЛНОЧЬ

Месяц в наплывающей остуде.
Ночи убывающий мотив.
Города ведь тоже спят, как люди,
Голову на камни положив.

Шорохи становятся все резче.
Тени замирают на стене.
Это оттого всегда, что вещи
Резче проступают в тишине.

Ты к ним приглядись в ночную пору.
Дай им откричаться. Отзвучать.
В эту пору все им будто впору.
Вещая лежит на них печать.

Все, что было сутолокой смято,
Сглажено сумятицей дневной,
Вдруг тебе откроется крылато
Черточкой какой-нибудь одной.

И пойдет звучать все резче, резче
Выпуклою тенью на стене...

Это оттого всегда, что вещи
Резче проступают в тишине.

АНГЕЛИНА

Тебя зовут красиво: Ангелина.
Ты и сама, как ангелова дочь.
Не спит за тонкой стенкой мандолина,
И хриплым басом жалуется ночь.

Бежит по тундре ветер непогоды.
Бьет в стылый берег черная волна.
И падает на северные воды
Такая неутешная луна.

О чем тебе грустится, Ангелина?
Зачем тебя тревожит твой сосед?
Глядит в окошко лунная долина.
И ты одна. На миллионы лет.

И никого. И только льдин качанья.
И ледяные мамонты разлук.
И тишина, как великан молчанья.
И до чего же холодно вокруг.

Как будто ночь разматывает свиток,
И у нее в запасе на века
Так много этих длинных-длинных ниток,
Что не дано ей размотать клубка.

А время все торопится к порогу.
А молодость — она уже в бегах.
А тут бы встать. Да в песню. Да в дорогу.
Ищи-свищи потом тебя в снегах.

Зажгутся утром дальние зарницы.
Отступит ночь. Снега пойдут светать...

Есть в нашей жизни грустные страницы,
И надо их хоть изредка читать.

СЕВЕР

Легко ль земле баюкать вьюгу,
Баюкать северную мглу...
И уползали камни к югу,
И холод двигался к теплу.

Что ни валун, то чудо-юдо,
Что ни верста, то приворот.
И, может, Русь пошла отсюда,
От этих северных широт.

От этих зорь. От этой воли.
От той немереной версты.
Стоят леса вдоль снежной голи
И тянут в облако персты.

И как бы тут ни стыло льдище,
Как на ветру ни свищет снег,
А север все чего-то ищет,
Он все в пути, который век.

И над землей над всей, над тою,
Такая вызвездилась высь.
И звездной этой высотою
Во мне стихи отозвались.

И так мне радостно и ясно
У этих окающих рек.
И широта земли всевластна.
И бесконечен человек.

ГРУСТНАЯ ПЕСЕНКА

Облака на росстани
Белые, как простыни.

Вот на этой пристани
Ты мне песню выстони.

Над речной излукою
Ты стоишь с разлукою.

С горькою. С бедовою.
С этой песней вдовою.

Пусть тебе почудится,
Что тоска заблудится

За сосной высокою,
За речной осокою,

За горой-сутулицей.
За далекой улицей.

Пароход отчаленный
Дал гудок отчаянный.

Горестный. Пронзительный.
Очень выразительный.

Чайка все качается,
Что ей, чайке, чается?

Песенка кончается.
Пусть тебе скучается.

* * *

Жизнь — по главной сущности — проста.
Все в ней часа ждет определенного.
Осень ходит с красного листа.
А весна — с зеленого.

А с какой же мне пойти строки,
Чем ее возвысить в самом деле,
Чтоб на всей земле материки
Никогда не сбились с параллели.

Чтоб и сам я тоже в трудный час,
Черною захвачен крутовертью,
Шел бы вдаль, не опуская глаз
Ни перед бедой, ни перед смертью.

И когда придет однажды срок
Самого большого испытанья —
Пусть мне светит не закат с дорог,
А зарница моего светанья.

Жизнь — по главной сущности — проста.
Все в ней часа ждет определенного,
Осень ходит с красного листа,
А весна — с зеленого.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Все падал добродушный снег.
И все судачили сороки.
Весна просилась на ночлег,
Уже суля иные сроки.

А лес был в белое одет.
Еще он был мохнат. И светел.
И был пушист февральский свет,
И ломкой тенью землю метил.

Еще за лесом хоронясь,
Весна уже была в засаде.
И все рвалась сосулек вязь.
И снег рыхлел в лесном посаде.

Уже сосна меняет цвет.
На ветках набухают краски.
И я встречаю здесь рассвет,
Как лесовик из древней сказки.

В лаборатории технического моделирования Олег Пустовит и Женя Богдевич.

На своих автомобилях.

РУССКАЯ РОЖЬ

Н. ХРАБРОВА

Она прошла с нашим народом долгий путь, осталась в песнях, сказаниях, книгах. «Рожь» и «Родина» — наверное, слова от одного корня. И рядом созвучно — Россия. Может быть, родство и сходство этих слов в большом, богатом языке произошло оттого, что Россия больше, чем другие страны, выращивает ржи, больше всего любит черный хлеб? Наука объясняет иначе: дикая рожь родилась на юге, потом спустилась в русскую равнину, получила достаточно влаги и прохлады, стала плодородной и родовитой, окрепла сама и укрепила русский земледельческий род. И потому вошла в язык. Тысячу лет назад ржаной хлеб стал главным русским хлебом.

...Есть у меня в Ленинграде, во Всесоюзном научно-исследовательском институте растениеводства, в ВИРе, знакомый человек, кандидат биологических наук, специалист по ржи Владимир Дмитриевич Кобылянский. Познакомились мы с ним года два назад, и беседу о ржи он начал с цифр:

— До Великой Отечественной войны у нас засевали рожью двадцать три миллиона гектаров. Тогда это было больше половины всех мировых посевов: ведь, кроме нас, рожь в немалых количествах сеют и в Америке и в Европе. В войну — учтите, в войну! — в СССР сеяли рожь на 20 миллионах гектаров. А в 1969 году под рожью было всего 9 миллионов... Да, совершенно верно, существует и такая точка зрения, что люди стали лучше жить, предпочитают белый хлеб черному, хотя я и не вижу тут связи... Вот вы, жительница северо-запада, человек, привычный к черному хлебу, скажите-ка: когда вы в последний раз ели настоящий хороший ржаной хлеб?

В тупик поставил меня Владимир Дмитриевич этим вопросом. И впрямь — когда? В детстве, когда бабушка дома хлеб пекла? Ставила круглые хлебы на горячий, чисто выметенный сосновым помелом печной под, подложив под них широкие капустные листья. Тотчас из-под заслонки начинал струиться горячий запах ржаного хлеба. Как назвать этот запах? Не знаю... Знаю одно: это был запах дома, мира, родного тепла... В войну он часто вспоминался. А после войны в Москве и Ленинграде ржаной хлеб пекли хлебокомбинаты. Без капустных листьев, но все равно не хуже бабушкиного. Я сама возила тогда домой московский и ленинградский черный хлеб, как лакомство, как московские и ленинградские конфеты. Потом к ржаной муке стали прибавлять различные примеси, черный хлеб стал более легким для пищеварения, но — увы! — не таким вкусным, как прежде...

Еще от того давнего разговора с Владимиром Дмитриевичем вспомнилось мне, как когда-то в деревне перед севом варили густую ржаную кашу — «густяху»: чтобы урожай густой был. Пекли пресные ржаные лепешки, чтобы прошлый урожай отблагодарить и новый умилостивить. Потом эти обычаи исчезли, как и многие другие, неоправданные, ненужные. Да и хлеб в деревню стало выгоднее возить с городских хлебокомбинатов.

На смену полуязыческим обычаям пришло к хлебу новое отношение. Рядом с благоговением перед ним уживался и нигилизм: кое-кто скармливал скоту целые мешки свежего, городского, прекрасно выпеченного хлеба. Но и нигилизм этот ушел, и хлеб, пройдя категорию только продукта насущного, стал еще и сложным эмоциональным понятием. В нем слилось много сильных человеческих чувств: и чувство советского коллективного труда с его общими радостями и общими заботами и уверенность — засуха ли будет или дождь, государство не оставит народ без хлеба. И давняя привязанность наша к полевым просторам, к сырым осенним пашням, когда они оживают вдруг и покрываются изумрудной шерсткой озимей; к солнечному весеннему полю, когда рожь, подросшая раньше всех иных хлебов, словно лиловеет сверху и теплый ветер будто бы с особым пристрастием зарывается в ее колосья и колышет их вольными волнами. Именно в эти дни небо в наших широтах бывает особым: теплым и облачным, добрым ко ржи. И вот наступает цветение. Мелкие у ржи цветочки, а если разглядеть поближе, то красота их необыкновенна, как у ландыша или лилий. Нежные желтые сережки легко свисают с лиловеющего колоса, доверчиво ложатся на ладонь земледельца, и он, прикинув, сколько в колосе цветков, уже приблизительно рассчитывает урожай. Но не умиление вызывает пора цветения ржи — думаю, это называется иначе. На северо-западе, где рожью всегда засевались большие пространства, от того, как цветет она, зависит, как будет цвести жизнь...

Поэтически любят в России рожь:

Потому что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне...

Вот и я — потому что и я с севера, что ли? Конечно, и потому. Но это лишь лирическое отступление и вовсе не главное, о чем я хочу рассказать.

Мы иногда с грустью говорим о том, что кое-где на севере опустели деревни. И размышляем: почему? Находим много объективных причин. А не играет ли тут также роль и то обстоятельство, что с полей ушло такое богатство северных крестьян, как рожь? Хочется верить: она снова отвоюет свои права в наших туманных краях...

Отчего же стали убывать посевы ржи?

Причин тут много. Вот главные из них. Рожь плохо поддается комбайновой уборке и по сравнению с пшеницей дает более низкие урожаи. А закупочные цены одинаковы, поэтому пшеница с полным основанием вытесняет рожь даже с ее исконных северных полей.

Комбайновой уборке рожь плохо поддается, потому что хедер слишком низок, во время уборки он рвет, кромсает, ломает высокий ржаной стебель. Единственная слабость ржи оказалась в ее же силе, в ее высоком росте. Было ведь такое время, что соломы не только для подстилки — для прокорма скота не хватало. И селекционеры подстегивали ржаной стебель, гнали его ввысь. Здорово выгнали: некоторые сорта — «вятка», «загницкая», или, как чаще теперь называют этот старинный русский сорт, выведенный в 1884 году на территории Эстонии, «сангастэ»,— вымахивают выше двух метров. Это хорошие сорта. Морозов они не боятся, можно сеять до 64 градусов северной широты; легко переносят засуху, а если дожди случатся — знай тянутся ввысь. Но вот когда нападет на поля сильный ветер с дождем, согнется, сломается под собственной тяжестью ржаной стебель, поляжет на сырую землю, и уже не встать ему.

Вот и не хотят руководители хозяйств рисковать с высокой рожью. С пшеницей легче: короткостебельная, она, если вырастет, будет обязательно убрана комбайном. Но то-то и дело — если вырастет! Пшеница далеко не всегда хорошо чувствует себя на северо-западе: то вымерзает, то выпревает, то высыхает до такой степени, что сплошь и рядом ее озимые сорта приходится пересевать яровыми. Миллионами государственных рублей оплачиваются эти пересевы. Да к тому же, если случится холодная затяжная весна, пересеянная яровая пшеница постоянно грозит поздним созреванием и поздней, мокрой, с большими потерями уборкой.

Рассказываю я обо всем этом, чтобы еще раз подчеркнуть, сколь значима рожь для наших северо-западных полей. Но не высокая, воспетая старыми, времен ручной уборки песнями, а новая — короткостебельная и высокоурожайная. Есть ли такая? Пока нет. Или, точнее, уже есть, но о ней еще мало знают. А значение ее колоссально. Ученые говорят: если за выведение короткостебельных сортов пшеницы присваивалась Нобелевская премия, то выведение короткостебельной ржи при ее зимостойкости и засухоустойчивости станет переворотом в земледелии конца двадцатого века. В нашей стране валовой сбор ржи занимает второе место после пшеницы. Легко представить, как важно вывести короткостебельную высокоурожайную рожь для того, чтобы выполнить решение XXIV съезда КПСС добиться ежегодного валового сбора зерна не менее чем 195 миллионов тонн.

Вот с такой проблемой и столкнулся Владимир Дмитриевич Кобылянский после сельскохозяйственного института, после аспирантуры при ВИРе, когда оказался в том же ВИРе в отделе серых хлебов, или, как он сам хорошо говорит, «оказавшись во ржи».

В отделе серых хлебов занимались селекцией неполегающих сортов. Во главе с Владимиром Дмитриевичем здесь разработали математическую формулу для определения прочности стебля. Помог прибор, изготовленный Ленинградским агрофизическим институ-

том, — он точно устанавливал прочность стебля на излом. Пользуясь этим прибором, ученые сумели в лаконичной формуле учесть главные особенности развития стебля: устойчивость второго снизу междоузлия, высоту соломины в сантиметрах, вес одного зерна в граммах. Такой формулой можно во всех случаях проверить все недостатки и достоинства стебля.

Зарубежные институты активно заинтересовались исследованиями советских ученых. Казалось, достигнуто многое, мера тому — годы напряженной работы. И вдруг случилось нечто превзошедшее все ожидания.

Однажды, скрестив отечественный сорт ржи «вятка-2» и шведский «кунгс-2», Владимир Дмитриевич получил «малыша».

— Вернее, не я получил, а природа мне его выдала,— уточняет Кобылянский.— «Малыш» — мутант, уродец. Каким-то образом у него нарушился обмен веществ. Обычно таких нетипичных отбрасывают. Но меня заинтересовал его короткий прочный стебель и продуктивный колос. И я решил оставить его — понаблюдать.

Вот и все, что рассказал Владимир Дмитриевич о появлении в истории русской ржи «малыша», тщательно подчеркнув «дар случайный» — дар ее величества природы.

Пусть так, пусть случайно. Не станем умалять чудес и милостей природы. Но запомним правило селекции: все нетипичное, все непохожее, не обладающее запрограммированными для исследования качествами отбрасывается, выпалывается, чтобы не затрачивать лишнего труда. Владимира Дмитриевича заинтересовал низкий прочный стебель и продуктивный колос этого незапрограммированного, незаконнорожденного отпрыска «вятки-2» и «кунгс-2». Он его оставил и, нисколько не пугаясь лишнего труда и отступлений от основной линии, стал за ним наблюдать. И увидел необычайное: у «малыша» шло несвойственное ржи замедленное деление клеток стебля у основания листьев. Ну и что? А вот что: благодаря этому соломина не вытягивалась. Благодаря этому стебель оставался низкорослым. У высоких, ломких родителей появился на свет кряжистый, крепкий ребенок. Вировцы на радостях назвали его подкидышем, найденышем, малышом. В первый год своей жизни, осенью 1967 года, он был потрясающ — стебель вместо двух метров длиной всего в 70 сантиметров и 80 зерен в колосе! Для сравнения: самые высокоурожайные сорта имеют в колосе 70—76 зерен... Владимир Дмитриевич не афишировал «малыша» — он пока еще не верил в то, что нашел. И отчаянно волновался, молча, втайне от других. Ведь селекционера всегда поджидает одна и та же беда: как только найден новый признак, встают вопросы: передается ли он по наследству, как его можно использовать в селекции, не сопровождается ли он какими-либо отрицательными признаками?

Начались годы анализирующих скрещиваний. Для ускорения работы с помощью искусственной яровизации получали по два урожая в год. Анализу подвергали от 74 до 100 стеблей. Признак короткостебельности доминировал. Он доминировал при скрещиваниях 1969-го, 70-го, 71-го, 72-го годов. При этом продуктивность колоса не уменьшалась. Появился на свет новый сорт ржи, который нам так нужен сейчас,— удобный для уборки комбайном и высокоурожайный благодаря многозерности колоса.

— А знаете, что такое многозерность? — продолжает объяснять Владимир Дмитриевич. — Если каждому колосу прибавить хоть одно-единственное зерно, одно оно даст почти плюс один — в центнерах. Вот что такое одно зернышко, добавленное учеными к природным свойствам колоса. Вот что такое селекция — величайшая из наук и притом пока еще такая несовершенная, такая уязвимая... Отбор... Метод проб и ошибок... Никуда от него не денешься. Ни двух весен, ни двух осеней в году не бывает. А на примере одной только ржи ясно, как иногда селекционерам нужно спешить.

Это так — очень нужно спешить, очень нужно быть дотошно внимательным, иначе многое можно упустить. А в работе селекционера, и, верно, слишком медленны обороты.

...Летом минувшего года, помнится, 15 июня, я какой уже раз ездила в ВИР. Жара плыла над страной. Душно было в поезде. Вечер был по-ленинградски светлым, вот-вот готовым перейти в белую ночь. Но перехода не вышло. Уже над пригородами заволокло небо, запылыхали молнии, от земли взмыл ветер, кинул в облака мусор и пыль. Рухнул на землю поток воды. В метеорологии это называется — ливневый дождь с сильными порывами ветра.

А наутро все сияло и сверкало в солнечной тишине. Владимир Дмитриевич встретил меня на Пушкинском вокзале крайне взволнованный:

— Вы представить не можете, что натворил вчерашний ветер на наших делянках! Все поломано, перекручено, лежит. Насмарку весь труд.

Я оцепенела от страха, потому что уже успела жгуче полюбить «малыша». Владимир Дмитриевич понял и пояснил:

— Мы ведь не только с «малышом» работаем. А «малыш» стоит. Один он и стоит среди полного бурелома остальных сортов ржи.

На делянках дело обстояло скверно. Лаборантки и практикантки поднимали высокую мокрую сломанную рожь и пытались укладывать ее на протянутые веревки. Общий баловень «малыш» на сей раз был обойден вниманием, потому что совершенно в нем не нуждался. Низкорослый и крепкий, он пряменько стоял среди разрухи и, казалось, удивленно размышлял: что же это такое случилось с братьями, упавшими от ветерка?

...И вот поздняя осень, еще одна встреча в ВИРе.

— Ну, Владимир Дмитриевич, как «малыш»?

— В этом году получили первые шесть килограммов чистого нерасщепляющегося материала, восемьсот квадратных метров засеяли этим зерном у себя в Пушкине и столько же на Кубани. Осенью 1973 года получим минимум 400, максимум 800 килограммов зерна. В материале этого года встречались и такие формы, которые давали по 100 зерен в колосе. Ну, о многозерности я вам уже говорил, повторяться не будем. И о том, какая будет идти в этом направлении работа, пока тоже рассказывать рано. А чтобы быстрее и широким фронтом создать короткостебельный сорт, семена «малыша» мы разослали всем селекционерам страны.

— Какие же перспективы у «малыша»?

— Главное — возможность комбайновой уборки и высокая урожайность. Селекционеру негоже заглядывать в будущее и давать гарантии, но я попробую ответить на ваш вопрос с точки зрения нормального, логического хода развития. Как вы знаете, для районирования нового сорта требуется не меньше пяти лет. Думаю, что через пять лет районированный «малыш» будет давать по пятьдесят центнеров с гектара. А в будущем возможны и восемьдесят центнеров. Значит, рожь на северо-западе станет реальным конкурентом пшеницы по признаку урожайности. А по признакам зимостойкости, относительного бесстрашия перед засухой не только реальным, но, я бы сказал, и опасным конкурентом. Есть еще одно обстоятельство: озимую рожь сеют осенью, когда основные работы закончены, сеют в сравнительно спокойный для земледельца сезон — это облегчит его труд в горячую пору весеннего сева. Севооборот нормализуется. И вот еще почему нужна нам рожь: ведь это действительно превосходный хлеб!

В разговоре о преимуществах черного хлеба принял участие весь отдел серых хлебов. Ленинградцы, пережившие блокаду, и с научной и просто с насущной точки зрения очень легко и просто доказали, что главной едой человека был, есть и будет хлеб, вспомнили войну, когда без всего было можно обойтись, только не без хлеба. Хлеб хорошо насыщает, он не приедается никогда, он дешев, его легко хранить. Он один из самых главных, самых доступных источников белка для нашего организма. Ржаной хлеб в два раза больше, чем пшеничный, содержит в своих белках такие аминокислоты, как лизин, которым богаты лишь продукты животного происхождения: мясо, молоко, яйца. А 40—45 процентов углеводов, содержащихся в ржаном хлебе и превращающихся в организме в глюкозу и сахар? А витамины, минеральные вещества и хорошо усваивающееся железо, которое ежедневно поставляет нам ржаной хлеб? Это говорят ученые.

Что же касается меня, то, не имея в своем арсенале сугубо научных доказательств, я высказала бы субъективный и, возможно, дерзкий взгляд: ничто, когда-либо вышедшее из печи, не может сравниться по вкусу с неповторимым ржаным хлебом. И у меня нашлись единомышленники. Синтез сведений, как научных, так и потребительских, был для меня неожиданным, радостным и дающим право на самую безудержную гордость: оказывается, ржаной хлеб нынче стал главным хлебом космонавтов.

Вот и пришла весна — трудная весна после трудной, непогожей зимы. Такую мокрую, бесснежную, такую после мокряди внезапно морозную зиму в состоянии выдержать только русская рожь. Вера в нее согревает, ожидание ее первой густой и свежей зелени волнует и радует.

Надо думать, «малыш» не единственная возможность возрождения русской ржи, не панацея. Но все же поторапливайся, «малыш»! Поля ждут.

Владимир Дмитриевич Кобылянский. **Фото Н. Ананьева.**

ЧЕРЕЗ ЛЬДЫ АРКТИКИ

Ледяной аврал на теплоходе «Пушлахта».

Навигация минувшего года в Арктике была завершена на два месяца позже обычного. Последний рейс выполнили ледоколы и четыре транспортных судна. Полярной ночью они прошли из Дудинки в Мурманск, преодолев льды и морозы. В связи с этим корреспондент «Огонька» А. Голиков задал несколько вопросов начальнику администрации Северного морского пути капитану дальнего плавания Кириллу Николаевичу Чубакову.

Фото Б. КРЫЛОВА.

ВОПРОС. С какой целью был предпринят столь трудный переход?

ОТВЕТ. Дело в том, что продукция Норильского горно-металлургического комбината в основном вывозится по Енисею, от Дудинки до Красноярска. Теперь комбинат значительно увеличил свою производительность и часть своей продукции стал вывозить Северным морским путем. Продление навигации в Арктике имеет большое практическое значение.

ВОПРОС. Как удалось пробиться сквозь льды?

ОТВЕТ. Это было сложное плавание судов в условиях интенсивного льдообразования, низких температур, пурги и наступившей полярной ночи. Уже в ноябре температура упала ниже 40 градусов, лед достигал полутораметровой толщины, торосы поднимались высотой до пяти метров.

Через такой ледовый заслон на различных участках трассы караван судов проводили ледоколы «Ленин» (капитан Б. Соколов), «Мурманск» (капитан Е. Фартусов), «Киев» (капитан В. Голохвастов), «Капитан Мелехов» (капитан Г. Энтин), «Капитан Воронин» (капитан В. Смолягин).

Различные обстоятельства то и дело меняли ситуацию на пути движения. Большое значение имели сила и направление ветра. Иногда канал, пробитый ледоколом, держался меньше минуты.

На тяжелых участках трассы летчики ледовой разведки А. Маргунов и В. Мазуров с гидрологами В. Лосевым, К. Кумачевым и В. Булавкиным на борту непрерывно барражировали над караваном, указывали путь.

ВОПРОС. Какой был самый трудный участок трассы?

ОТВЕТ. Нелегким оказался речной участок трассы от Дудинки и ниже на 147 миль. В районе острова Белый караван испытал большое сжатие льдов. В проливе Югорский Шар ледоколы пробивали в ледяном припае канал для каравана своими мощными корпусами. Одним словом, на разных этапах пути возникали свои сложности. Они были преодолены, и караван пришел в Мурманск.

В Енисейском заливе.

БРАТСТВО П

Александр КРИВИЦКИЙ

Та большая война до сих пор не оставляет нас в покое. Еще и сейчас она врывается в сердце обрывком сновидения, старой, выцветшей фотографией, полузабытым письмом в домашнем архиве.

Советский народ вышел из Отечественной войны таким закаленным, что ему не страшны теперь любые испытания. В этом навязанном ему столкновении он еще и еще раз осознал свое место в истории и развитии человечества, проверил все основы своей духовной силы. Одно из главных слагаемых этой силы — высший тип интернациональных отношений, сложившийся в нашей стране.

В прошлом году исполнилось пятьдесят лет со дня образования Союза Советских Социалистических Республик. И тем, кто еще и сегодня сомневается в прочности этого Союза, мы говорим: вы хотите знать, что такое дружба наших народов в бою? Посмотрите на подвиг двадцати восьми гвардейцев-панфиловцев. Среди них были русские, украинцы, казахи, киргизы, мордвин. Их кровь и мужество слились на полях Подмосковья, явив миру сплав, из которого куется советская нация.

Осенью сорок первого года группа бойцов 8-й гвардейской дивизии генерала Ивана Панфилова оказалась у железнодорожного разъезда Дубосеково, по которому пришелся отчаянный удар танкового клина — пятидесяти бронированных машин, наступавших двумя эшелонами. Неравный бой, неслыханная схватка. Василий Клочков — вожак горстки гвардейцев — сказал тогда в окопе: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва». Большинство из двадцати восьми гвардейцев погибло, но они задержали танки противника более чем на четыре часа. В те дни это был неоценимый выигрыш во времени. Часы складывались в дни. Дни в недели, а недели в месяцы. Так и потерпел крушение гитлеровский план «молниеносной войны» на Востоке. История боя двадцати восьми гвардейцев-панфиловцев облетела весь мир. В нашей стране ее знают стар и млад. Кто эти люди — бойцы из дивизии Панфилова, которая формировалась в далеком Казахстане и так доблестно защищала Москву?

Вот штрихи облика нескольких из двадцати восьми героев.

Петр Дутов. Русский. Комсомолец. Его отец и мать в далеком прошлом — безземельные крестьяне. Тот, кто жил в старой деревне, знает, как это называлось: батраки. Гонимые нуждой, они еще до революции покинули родные места и очутились в пестром, незнакомом Казахстане. Ходил слух: «Там земли больше». Но дело ведь не в том, сколько земли, а в том, кто ею владеет. Только за рубежом Октябрьского переворота узнала семья Дутовых человеческую жизнь. Перед войной Петр, его братья и их родители трудились в колхозе. Дом их стал полной чашей. Будущий панфиловец вел учет в колхозной бригаде. Уходя на фронт, он сказал: «Не плачь, мама, не плачь, сестра, живите, работайте. Выхода нет — я там фашистам налажу учет. Дело знакомое. Буду считать их только мертвых». Мать улыбнулась сквозь слезы, ответила: «Видно, надо, иди, сынок».

Иван Шадрин. Русский. Работал на сахарном заводе имени Сергея Кирова. Товарищи Ивана рассказывают, как он, глядя на горы белейшего рафинада, любил приговаривать: «Это сколько ж чаю с ним можно выпить! Сладость-то какая, на всю Россию!» А уже под Москвой, однажды после боя, сказал Ивану Васильевичу Панфилову, зная его страсть чаевника: «Мы сегодня, товарищ генерал, дали немцу пить панфиловского чайку — и вприкуску и внакладку, а все больше по зубам».

Николай Трофимов. Русский. Сибиряк. Работал на золотом прииске. Как-то в серой породе блеснуло желтое, будто тусклый солнечный луч ударил в глаза — нашел Николай полукилограммовый самородок. В рассказах Джека Лондона, списанных с реальной жизни американского Клондайка, такой случай был редким шансом разбогатеть, стать на ноги, оставить других позади себя. Трофимов отнес золото в контору, сказал: «Принимайте, товарищи! Детский сад или что и побольше на этот кругляш можно построить». Трофимов получил премию, а когда грянула война, пошел защищать все, что построила страна волею таких золотых сердец, какое было у него самого.

Иван Москаленко. Украинец, родился в селе Георгиевка, в Казахстане. Учился, окончил школу, курсы, стал бухгалтером, жил скромно и весело. Любил протяжные украинские песни, какие низким грудным голосом певала мать, приехавшая в те края с берегов Днепра, звучно декламировал стихи великого украинского поэта Шевченко:

Реве та й стогне Днипр широкый,
Сердытый витер завыва...

После начала войны несколько раз приходил в районный военкомат: «Когда призовете?» «Что тебе так не терпится?» — спрашивали его. «Так ведь немец уже на Украине, чего же ждать, надо идти». А когда после призыва попал он в 4-ю роту, где служил политруком Клочков, сказал: «Учите воевать, очень я злой на них».

Нарсутбай Есибулатов. Казах, работал в колхозе. Отец его, слывший в ауле мудрецом, увидел железную дорогу только на склоне лет, а сын оседлал дышащий маслянистым жаром трактор и стал лучшим механиком в округе. «Почему я не родился позже,— говорил ему старый отец, с лицом морщинистым и желтым, как старые свитки корана,— я бы тоже управлял трактором, и не так, как ты, а лучше». И сын почтительно отвечал: «Конечно, мой досточтимый отец, я не смог бы с тобой сравниться». Нарсутбай обожал технику, просился в танкисты, но стал пехотинцем Панфилова и там, в дивизии, научился уничтожать технику — танки врага.

Душанкул Шапоков. Киргиз, кандидат в члены партии. В селе Джелушан он работал кладовщиком колхоза. Прадед его на низкорослом лохматом коне, щуря узкие глаза и крутя камчу над головой, проскакал к Емельяну Пугачеву, громил с ним царские гарнизоны, жег помещичьи усадьбы. А потомок стерег колхозное добро и мечтал служить в Красной Армии конником. Но кавалерийских формирований на полях Отечественной войны было немного, и Душанкул оказался в пехоте — стойким панфиловским бойцом.

Я рассказал только о шести из двадцати восьми. В жизненном пути остальных — такие же схожие черточки. Эти люди были молоды и, когда заполняли военкоматские анкеты, умещали всю свою биографию в несколько строчек.

Дети разных народов, они обороняли свою советскую столицу — Москву. После войны мне случилось читать письма родных бойцам-панфиловцам на фронт — мужьям, братьям, отцам, сыновьям, тем, кто уцелел, вернулся с войны и привез эти письма домой. Удивительное чувство охватило душу. Как будто на миллионном собрании договорились люди, били в одну точку, твердили одно и то же, одно и то же: «Защитите Москву!». А ведь немногим более полувека назад царская Россия была «тюрьмой народов», и многие нации, ее населявшие, вовсе не призывались на военную службу. Монархия боялась вручить им оружие.

На придворном балу с высоты своего огромного роста император Николай I лениво и назидательно объяснял заезжему французу маркизу де Кюстину:

— Общая покорность дает вам повод считать, что все у нас однообразно. Вы ошибаетесь... Вы видите здесь вблизи нас группу офицеров: из них только двое первых — русские, трое следующих — примирившиеся с нами поляки, часть остальных — немцы. Даже ханы привозят мне своих сыновей, чтобы я их воспитывал среди моих кадетов.

Николай I имел, разумеется, в виду отпрысков знатных фамилий, пошедших на царскую службу,— остзейских баронов, польских феодалов и упомянутых им же ханов. Ему и в голову, конечно, не приходило рассматривать национальный состав своего офицерского корпуса применительно к выходцам из простого люда — о какой бы народности окраин его империи ни шла речь. Сама мысль об этом подверглась бы экзекуции.

Так, собственно, за малыми исключениями, и обстояло дело вплоть до конца последнего царствования. Как далеко ушло то время!..

Из Казахстана, из Киргизии, из Узбекистана шли к Москве поезда в дни Московской битвы. Они везли гвардейцам дары республик: ветчину и сладости, полушубки и сапоги, вино и стихи. Столетний поэт Джамбул пропел своим молодым друзьям:

В части гвардейцев частью восьмой
Входит и собственный воин мой;
Входит мой родич, входит мой внук,
Входит, на шлеме своем храня
Прикосновенье старческих рук,
Им унесенное от меня.
Сын Казахстана мечом сверкнул,
Ветер гвардейский стяг натянул —
Поступь победы слышит Джамбул.

Сердца всех советских республик были с Москвой. И в этой простой аллегории за-

О ОРУЖИЮ

ключена постоянно действующая, обладающая материальной силой наша интернациональная философия, зеленеющая и обновляемая, как вечное древо жизни.

Однажды с фронта я привез тетрадь в твердом синем переплете. Мне дал ее на время старший лейтенант Момыш-Улы, тогда командир одного из батальонов Панфиловской дивизии. На первой странице этой тетради записаны различные адреса. Мелькают названия улиц, номера домов, и почти все эти адреса, словно незримые нити любви и дружбы, ведут к одному городу — Алма-Ате. Родственники, знакомые, друзья владельца тетради живут в Казахстане. Там и он сам родился и вырос. Туда он писал письма, слал приветы.

Но ведь и вся дивизия, как мы знаем, формировалась в этих краях, а добрая часть ее бойцов — соплеменники Момыш-Улы. Нет ли в этой синей тетради чего-то, что может нам по-своему объяснить природу их воинского характера? Драгоценно все, что лежит в нравственной основе подвига двадцати восьми. Автор этой тетради одно время был заместителем командира полка. Какого? Того, каким командовал полковник Капров. Того, где служили будущие герои Дубосекова.

Мы перелистываем синюю тетрадь и читаем фразы, чеканные и ясные, будто выбитые из меди: «Без отважных народа не бывает, без героев родины не бывает». «За Москву лезь в огонь — не обожжешься. За жизнь до смерти дерись». Эти чистые слова — как бы девиз на фамильном гербе полковника Бауржана Момыш-Улы.

В синей тетради можно было несколько раз встретить имя казахского героя, легендарного батыра гражданской войны, большевика-военкома Амангельды Иманова. «Его подвиги должны стать живой традицией современных джигитов»,— записывает Момыш-Улы, размышляя о своем соотечественнике, и это замечание подвело меня тогда, во время войны, к пониманию облика автора записей. А в синей тетради в какой-то степени можно было усмотреть продолжение известного документа, связанного с именем Амангельды.

В начале 1914 года Амангельды Иманову довелось побывать в Петербурге. Бродя по улицам шумной столицы, наблюдая и размышляя, он многое понял и решил занести свои мысли и впечатления в особую тетрадь. Она дошла к нам под названием «Петербургский дневник». В ней Амангельды раскрывает свою душу. Он думал в то время о демонизме самодержавия, о бесправии и нищете казахов, томившихся в «тюрьме народов», о справедливой борьбе русского рабочего класса.

Горечью и болью, но и решимостью пропитаны строки «Петербургского дневника». С той поры прошло немало лет. И подобно тому, как из этого дневника возникает образ великого казаха — борца за счастье своего народа, так и в военных дневниках Бауржана Момыш-Улы мы увидели внутренний мир одного из духовных сыновей Амангельды — советского офицера. Даже беглого сопоставления этих двух документов достаточно, чтобы понять, как возмужали потомки Амангельды на преображенной свободной земле Казахстана, сколько в них идейной силы, военной зрелости и ничем не омраченного национального, советского достоинства.

Впервые мы встретились с Бауржаном Момыш-Улы осенью 1941 года. В холодную прокуренную избу, где разместился штаб полка, вошел высокий человек. Его строгое, словно окаменевшее лицо было, как серебряным забралом, покрыто крохотными хлопьями льдистого снега. Мы сидели в углу, возле стола, на некрашеных самодельных стульях. О многом шел у нас тогда разговор. И среди того, что сказал тогда Момыш-Улы, мне хорошо запомнилось:

— Мы еще покажем этой дряни, немецким расистам, что такое советский казах.

До войны Момыш-Улы работал в Алма-Ате инструктором военного комиссариата. Он познакомился с Панфиловым в пору формирования дивизии. Панфилов открыл молодому офицеру простые тайны обучения и воспитания солдат. Момыш-Улы перенял у своего генерала легкую и свободную «воинскую походку», тот офицерский стиль поведения, который вначале дается тяжелым трудом, но потом, с течением времени, становится уже органическим свойством человека.

Момыш-Улы, сосредоточенный, почти угрюмый, внутренне замирал, когда Панфилов, прощаясь с ним, пожимал двумя руками, по-казахски, его руку. И, выслушав приказ генерала, Момыш-Улы, нарушая уставную форму ответа, тихо и почтительно говорил: «Будет исполнено, аксакал».

В точном переводе «аксакал» значит «седая борода». Так называют казахи старшего в роду, главу семьи.

— Иван Васильевич Панфилов — мой военный отец,— убежденно и твердо сказал мне тогда Момыш-Улы.— С ним, с мертвым, я и сейчас советуюсь перед боем, думаю, как бы он поступил на моем месте.

Русская советская военная школа вобрала в себя опыт прошлого, учение Ленина о войне и армии, научные работы Фрунзе, курсы, читанные в военных академиях. Эта школа через знания и опыт Ивана Панфилова проникла в сознание и сердце офицера-казаха, чей отец был кочевником. Она скрестилась в душе Момыш-Улы с качествами жителя степей, служивших некогда театром гигантских сражений.

Дивизия генерала Панфилова — сколок со всей нашей армии, ее характера, ее принципов. Подвиг 28 героев — людей разных национальностей — стал не просто одним из нетленных символов героизма, но и убедительным выражением мощи новой в истории общности людей — советской.

Начало этой общности положено давно, еще в классовых боях трудящихся против помещичье-капиталистического деспотизма. А в 1919 году, когда судьба Октябрьской революции решалась на фронтах гражданской войны, В. И. Ленин разработал проект директивы ЦК о военном единстве. Тогда еще не было единого, союзного советского государства. Но война против общего врага требовала концентрации всех сил и ресурсов. Ленинская идея создания военно-политического союза для ведения революционной битвы встретила полную поддержку советских республик. Они слили свои национальные усилия во имя интернациональной идеи и образовали единый военный лагерь, с единым командованием.

Военная реформа 1924—1925 годов предусматривала в то время создание национальных соединений армии. Их формирование развернулось после образования Советского Союза на основе решения XII съезда РКП(б) по национальному вопросу. Эти войсковые части стали отличной школой подготовки грамотных, политически зрелых кадров, в которых так нуждались ранее отсталые, окраинные республики.

Необычайно красноречив тот факт, что комиссар полка, где выросли 28 героев, закаленный коммунист Ахмеджан Мухомедьяров, и сейчас еще ведущий большую военно-патриотическую работу в Челябинске, где он живет после выхода в отставку, служил когда-то в одном из таких формирований, был военкомом Таджикского кавалерийского полка. Те, кому царская Россия боялась вручить оружие, с гордостью встали на защиту социалистического Отечества, мужественно дрались рядом со своими русскими братьями и в дни конфликта на КВЖД, и у озера Хасан, и при Халхин-Голе.

Шли годы. Грянула Отечественная война. На ее фронтах в общем строю Советских Вооруженных Сил сражались сыны и дочери всех национальностей нашей Родины. За подвиги в этой войне орденами и медалями было награждено более 7 миллионов человек. 11 603 воина удостоены звания Героя Советского Союза.

В подвиге 28 героев-панфиловцев, наших дорогих ребят — светлоглазых и курносых, смуглых и плосколицых, темноглазых и раскосых,— отразился общий, единый нравственный дух Советской Армии.

Русскую военную силу ленинская национальная политика умножила могучим союзом всех народов нашей страны.

Есть многонациональные государства и в собственническом мире, но их раздирают социальные и расовые противоречия. Рабское положение негров в США хорошо известно. Но мало кто знает тот факт, что на вьетнамской войне в самые «гиблые места» американское командование бросало по преимуществу черных солдат. И по американской же статистике потери среди «цветных» в процентном соотношении значительно выше, чем в рядах белых военнослужащих. Преследование людей с черной кожей стало в Южно-Африканской Республике государственной доктриной. А ведь небелые этой страны — это и есть ее коренное население. В Северной Ирландии ни на минуту не утихает борьба за национальную независимость: в городах идут уличные бои.

Сама природа капитализма разжигает на земле национальную рознь и вражду. Как неотразимо прекрасна на этом фоне ленинская национальная политика с ее сочетанием патриотизма и интернационализма. «Бережем глаза, чтобы видеть солнечный мир, бережем дружбу народов, чтобы видеть солнце коммунизма»,— сказал поэт.

Мы коснулись на этих страницах большой темы. И каждый советский человек мог бы участвовать в этом разговоре чем-то своим, тем, что видел сам, пережил, ощутил в крови.

Я рассказал о самом близком мне, о чем много думал и не раз писал. Высший тип интернациональных отношений, олицетворенный образом Советского государства, утвердил себя на века в самоотверженном воинском деле у разъезда Дубосеково, под Москвой.

ШВЕДСКИЕ ОСТАНОВКИ

Владимир ЧИВИЛИХИН,

специальный корреспондент «Огонька»

4. ЕСЛИ ЛУЧ ПРАВДЫ...

Человек и природа... Многоплановая, с бескрайними горизонтами тема, и в своих заметках из Швеции я касаюсь некоторых ее аспектов потому, что нам интересен опыт других стран и народов в этой области, поучительны подробности взаимоотношений любого общества с окружающей средой.

В глубь времен уходят традиции доброго отношения шведов к природе. Интересно так называемое «право всех» — любой человек может в любое время пользоваться любой природной средой, если он не вредит ей. Миллионам шведов общение с природой приносит радость, отдохновение, создает плодотворный контраст со средой рабочего места. Вот высказывания трех кирунских рабочих, взятые мной из публикации, которую я цитировал ранее.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ: «Самая ценная вещь в моей коллекции — это сосновая шишка. Специалисты говорят, что она лежала в земле 75 000 лет. Я нашел ее на глубине двадцати метров. Она черная, местами серая, на вид совсем невзрачная. Но я смотрю на нее каждый день. Когда держишь в руке такую шишку, невольно останавливаешься и задумываешься».

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ: «Прежде, когда я был молодым, я становился как чумной, когда открывалась охота на лося. Увидишь лося, ну как его не убить. А убьешь, так потом всю зиму чувствуешь себя настоящим мужчиной. Но както я лося ранил, а не убил. Подошел, он смотрит на меня, прямо в глаза... И я подумал, что человек жесток, раз он убивает невинное животное. А лоси такие красивые.

И я решил: больше я не охочусь.

У меня на участке живет много птиц и белок».

ТРЕТИЙ РАБОЧИЙ: «Когда у меня есть время, я ловлю рыбу. Это самое лучшее из всего, что я знаю. Трудно описать, что человек видит и чувствует во время рыбной ловли. С этим не сравнишь никакую церковь и никакие книги. На озере становишься новым человеком. И тогда хочется жить».

Но в Швеции, как и всюду, становится тесней и многолюдней, а самые «дикие» места — близкими и доступными. Жаркие дискуссии в прессе, активные выступления общественности заставили регламентировать правилами когдато повсеместно вольную рыбалку и охоту, пользование берегами, лесами, принять законы об охране природы (1963 год) и окружающей среды (1969 год), создать государственные органы по контролю за выполнением этих законов.

С начала шестидесятых годов проблемы охраны среды приобрели в стране особую значимость. Как рассказал мне господин Уве Хённингер, заместитель генерального директора Управления по охране окружающей среды, все началось взрывом, сразу и подошло с неожиданной стороны. Несмотря на внешнее благополучие с заповедниками, национальными парками, резерватами, с охраной редких животных, птиц и растений, шведы вдруг обнаружили, что в стране совершенно исчезли фазаны, совсем недавно во множестве заполнявшие кустарники и перелески. На хищных птиц грешить было нельзя, потому что число орлов, сов, ястребов тоже катастрофически уменьшалось. И вот в организмах пернатых хищников была обнаружена ртуть. Взялись за крестьян, которые обрабатывали зерно и уничтожали сорняки ядовитыми протравами, однако оказалось, что доля их вины незначительна. Ртуть была обнаружена не только в трупах зерноядных и хищных птиц, но и у мышей, крыс, рыб.

Основным виновником беды была промышленность — при выделке бумаги, воронении, хромировании, оцинковании металлов, при других производственных процессах бесконтрольно выпускались вредные для живых организмов соединения, в том числе ртутные. Обратная, черная сторона технического прогресса для Швеции представляла особую опасность. В стране не было государственных законов, регламентирующих промышленную застройку, не существовало предельных норм концентрации вредных веществ в индустриальных отходах. Потребовались срочные и решительные меры, исключающие опасность. Тем более что в мировой прессе появились достоверные сообщения о многочисленных жертвах ртутного отравления в Японии.

— Нет, — говорит господин Хённингер. — В Швеции эта трагедия была предотвращена. Умер, правда, один человек, в организме которого врачи обнаружили необыкновенно высокую концентрацию ртути. Это был бедный препаратор. Сделав чучело птицы, он съедал тушку...

Сейчас ртутная опасность вроде бы миновала, но фазанов в Швеции пока еще не развелось. И не везде разрешен коммерческий отлов рыбы, и уцелевшие хищные птицы никак не могут оздороветь. На всю страну осталось меньше пятидесяти пар орланов-белохвостов, большая часть их последние годы не гнездится, не дает потомства или снижает плодовитость. В 1969 году, скажем, в десяти гнездах было выращено всего одиннадцать орлят...

На каждом шагу в Швеции сталкиваешься с проблемами окружающей среды, неизвестными у нас, в социалистическом обществе. Случайно я увидел новую газету «Мильё-фрамтид», которая специально занимается проблемами окружающей среды. Она мне показалась интересной, захотелось познакомиться с ее редактором.

Еду в Упсалу, небольшой город в семидесяти километрах от Стокгольма, сыгравший большую роль в истории шведской культуры и науки. Здесь расположен знаменитый Упсальский университет, который в 1977 году будет отмечать свое пятисотлетие.

Бьёрн Гильберг — молодой генетик и философ, работает в одной из научных лабораторий Высшей сельскохозяйственной школы при университете. Живет на окраине Упсалы. Живет скромно; мебель чуть ли не самодельная, а хозяйка квартиры Марианна смущенно извиняется, что одеты они по-домашнему. Три маленькие дочки, две свои и одна приемная, трехлетняя кореянка Леночка.

Ежемесячная шестнадцатиполосная «Мильёфрамтид», созданная при общественной поддержке, достигла тиража в сорок тысяч экземпляров, что для Швеции немало. Редакционное правление функционирует в Гётеборге. Главные проблемы — использование шведских почв, лесов, вод, энергетических ресурсов, состояние воздушного бассейна, флоры, фауны, вопросы среды рабочего места. Бьёрн Гильберг считает, что улучшение во взаимоотношениях общества с окружающей средой наступит только тогда, когда общественность будет правильно информирована о наиболее важных вопросах этой проблемы и когда весь народ будет участвовать в их разрешении.

И есть одна, особая тема, волнующая главного редактора. Он ее поднял в Швеции, пробудил к ней интерес в Норвегии, ФРГ, Дании и других странах. Речь идет о так называемой «пищевой косметике». Любая хозяйка, покупая, скажем, клубнику, выбирает самую спелую и аппетитную с виду. И вот торговцы стали подкрашивать этот скоропортящийся импортный продукт чем-то вроде жидкого крема, делающего клубнику очень привлекательной. Когда об этом стало известно, то люди прежде всего возмутились: почему нас обманывают? И следом возникли другие вопросы: кто это разрешает, контролируется ли состав и дозы красителей, не вредят ли они здоровью потребителя и, в частности, как косметические добавки влияют на формирующийся детский организм?

Шведы пьют много кофе. И вот появились широко разрекламированные заменители кофейных сливок. Гильберг проверил в лаборатории эти сливки и на глазах у тысяч телезри-

Окончание. См. «Огонек» №№ 10, 11, 12.

В. Ван Гог. ИТАЛЬЯНКА. 1887.

Париж. Лувр.

В. Ван Гог. ПОРТРЕТ ДОКТОРА РЕЯ. 1889.

Государственный Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

телей... выстирал ими рубашку. Продажа заменителя сразу же упала на шестьдесят процентов в Швеции, на тридцать—в Дании и Норвегии. Это было началом. На прилавках шведских магазинов в прозрачных целлофановых пакетах всегда лежит очень свежее, чрезвычайно красивое на вид мясо. По нашим меркам оно дороговато, но дело не в этом. Гильберг обратил внимание общественности на то, что в мясо добавляются вещества, которые хорошо сохраняют внешний вид продукта, но быстро разрушают в нем красные кровяные тельца. Завязалась острая полемика, в которую были вовлечены Институт общественного здоровья и Коммерческий совет Швеции. Гильбергу возражали: добавки не только сохраняют внешний вид мяса, но и консервируют его. Гильберг по-прежнему настаивал на своей точке зрения. Выступил по норвежскому телевидению. Там было принято решение постепенно отказаться от химических добавок в мясо. В Швеции же предложен метод, снижающий их дозу в мясе, а недавно все материалы по этому вопросу были переданы во Всемирную организацию здравоохранения, которая подробно рассмотрит проблему.

Большой резонанс был вызван «делом о детском картофеле». В школы и детские сады начали поставлять чищеный картофель, а чтобы полуфабрикат не чернел, не терял вида при транспортировке, его стали обрабатывать бисульфатами. Гильберг снова предупредил о канцерогенной опасности, связанной с потреблением в пищу этих химикатов. Дети перестали есть картофель. Предприятия, оказавшиеся на грани разорения, снизили дозу бисульфатов с восьмисот миллиграммов на килограмм продукта до четырехсот для начала, а потом до двухсот миллиграммов, взялись обрабатывать продукт аскорбинкой, что давно им рекомендовалось, но обходилось дороже...

— Погоня за прибылью, за наживой,— говорит мне Бьёрн Гильберг,— вот источник пищевого загрязнения. Сотни не проверенных строгой наукой добавок потребляем мы с пищей, сами становясь подопытной, страдательной средой. И постоянно появляются новые — то в вишневом напитке, то в колбасе, то в очередном пищевом заменителе. И это тоже насилие над природой! Необходимо запрещать любые добавки, если влияние их неизвестно или тем более обнаруживается их вред на подопытных животных...

А об «оптическом эффекте» у вас в странах что-нибудь известно?

— Нет, не слыхал,— говорю я, поражаясь неистощимой энергии и въедливости этого молодого — ему еще нет тридцати — человека, сидящего передо мной.

— Понимаете, в мире сейчас развита громадная индустрия отбеливающих веществ. Нет-нет, не стиральные порошки, а отбеливатели. Я установил, что они не моют, а лишь отбеливают, маскируя грязь. В Швецию ввозится в год на десять миллионов крон отбеливателей, и применяются они всюду, вплоть до прачечных, стирающих детские пеленки. Следы этих веществ были найдены в районах текстильной промышленности и даже на рыбных промыслах. Я опубликовал свое исследование, в котором доказывал, что отбеливатели вызывают у людей аллергические явления и могут даже нарушить генетический аппарат наследственности. Фирмы всполошились, опасаясь за судьбу своих миллионов, прислали ко мне представителей из ФРГ и США, предложили сотрудничество, приглашали к себе, чтоб за их счет пожить в самом дорогом отеле и подискутировать. Они тут узнали,— Бьёрн обвел веселыми глазами комнату, смущенно взъерошил белесые волосы,— что я средний швед и живу, значит, средне. Никуда я не поехал. Спросил: «Вы можете предложить эти вещества пищевой промышленности, чтоб, например, сделать рис или сахар белее белого?» «Нет»,— отвечают. Я показываю им их же материалы. «Видите ли,— смутились они,— мы имели в виду нецивилизованные страны». Я попросил их удалиться...

— Трудновато одному? — спросил я.

— Из жалоб ничего позитивного не извлечешь, хотя, правду сказать, я огорчился, когда узнал, что меня лишили в университете пособия на научные исследования. Но я не один. Есть у нас газета, есть «Мельё-центр», который положил начало сотрудничеству всех ученых по проблемам окружающей среды. Создано более ста групп, состоящих в основном из молодых людей.

— Чем они занимаются?

— Локальными вопросами. Вы слышали о том, как приостановилось незаконное строительство бумажного комбината на побережье в Ляхолмсбуктен?

— Знаю.

— Это они... Иногда их методы спорны, скандальны.

— Например?

Бьёрн рассказал, как собрали они однажды по придорожным кустам и кюветам мусор и выложили его на обочины дорог, чтоб шведы увидели, какая у них грязная страна. Необычно, конечно, и полиция изъявляла недовольство, только начинать с чего-то надо было, чтоб поднять народ и «почистить Швецию». В дни работы конференции ООН по окружающей среде в одной из стокгольмских витрин лежала «мадам Швеция», утопая в отбросах — бумажном мусоре, жестяных банках из-под пива, пластмассовых и стеклянных бутылках.

Проблема использованных бутылок, кстати, становится в Швеции и некоторых других странах очень острой. В Америке, например, за двадцать лет производство таких бутылок на душу населения возросло в пять раз, шведы выбрасывают за год шестьсот миллионов пустых бутылок, и Бьёрн Гильберг говорит, что если по этому показателю Швецию догонит, скажем, Индия, то там будет выбрасываться почти пятьдесят миллиардов бутылок в год! Так вот, «полевые биологи», как называют себя эти молодежные группы, чтобы обратить внимание на проблему бытовых отходов, договорились весной провести по всей Швеции своего рода субботник. За один день 15 апреля они собрали десятки тысяч бутылок и доставили их почтовыми отправлениями в четыре адреса — правительству, главному производителю, министерству сельского хозяйства, управлению по охране среды. Курс акций компаний, производящих бутылки, понизился, а владельцы предприятий заявили, что если они, прекрасно понимая проблему и страсти молодежи, прекратят выпускать эти бутылки, их начнут выпускать другие. А Генеральный директор Управления по охране среды Вальфрид Паульсон отметил, что это была великолепно организованная работа, только не следовало посылать почтой столь негигиеничные вещи, лучше б на свалку...

— Это верно,— говорит Б. Гильберг,— что большая часть нашей молодежи лишена идеалов и заражена мещанским мировосприятием. А во время нашей работы мне радостно было наблюдать, как в самых равнодушных и, казалось, бесполезных для общества парнях пробуждается интерес к большим вопросам жизни, экономики, как они начинают на фактах познавать пороки нашего социального устройства, практически бороться с эгоистичностью компаний, бюрократической закостенелостью учреждений, как они становятся политически зрелее и нравственно крепче...

Молодой ученый показывает мне свои книги: «Цепочка наследственности под угрозой» и «Среда — экономика — политика». Не знаю, что писано в этих книгах, но говорит Бьёрн Гильберг интересные вещи:

— Каждый ученый, если он честен и его заботят людские нужды, придет через свою науку к социальным, политическим проблемам. Это касается и тех, кто изучит, как мы используем нашу природную среду, сырье, как мы отравляем живое и как отравляют нас. Я лично сделал вывод, что единственный выход — в социализации средств и способа производства, в плановой экономике...

Мы попрощались.

«...При настоящих обстоятельствах спокойное буржуазное существование для честно мыслящего человека возможно лишь в том случае, если он намеренно закроет на все глаза и, отказываясь от всякого общения с людьми, посвятит себя отвлеченным, чисто научным интересам. Но тогда нужно тщательно избегать всякого соприкосновения с действительностью, иначе возмущение несправедливостью, которую можно видеть везде и всюду, будет так велико, что все интересы будут забыты в сравнении с интересами происходящей на наших глазах великой экономической борьбы и искушение самому войти в ряды борцов окажется слишком сильным...»

Эти слова написаны давным-давно одним замечательным русским ученым, прожившим последние годы своей трудной и прекрасной жизни в Швеции и похороненным здесь же, на Северном кладбище Стокгольма. Прошу прощения за невольную грамматическую неувязку — речь в действительности идет не об ученом, а об ученой.

Софья Ковалевская, математик... Я снова вынужден считаться с условностью нашего мышления, закрепленной в языке,— мы можем сказать «трактористка» или «крановщица», но научные звания и должности представительниц так неверно называемого слабого пола обозначаем словами мужского рода: женщина — философ, доцент, механик, петрограф, профессор, кибернетик, академик. Всю свою ослепительную жизнь Софья Васильевна Ковалевская отдала героической борьбе за право служить науке, за равное положение с мужчинами в обществе. Она стала первой русской женщиной-ученой, добившейся своим блестящим талантом и фанатичным трудом мирового признания. К этому человеку редкой духовной и физической красоты, многогранному, яркому, с широкими общественными интересами, тянулись знаменитые ее современники, и она сама стремилась узнать как можно больше крупных талантов и сильных характеров. На своем жизненном пути она повстречала известную английскую писательницу Джордж Элиот, философа Герберта Спенсера, норвежского полярного путешественника Фритьофа Нансена, была знакома с гениальным русским писателем Федором Достоевским и революционером Петром Лавровым, с участниками Парижской коммуны...

Кафедры научных заведений тогдашней России да и многих других стран были закрыты для женщины-ученой, и шведский профессор Г. Миттаг-Леффлер пригласил Софью Ковалевскую, по общеевропейской молве «нигилистку», в Стокгольмский университет, где она проработала семь лет, до самой своей кончины в 1891 году. На погребение пришли русские и шведы. Общие чувства выразил шведский поэт Фриц Леффлер, написавший стихи «На смерть С. Ковалевской»:

Душа из пламени и дум!
Пристал ли твой корабль воздушный
К стране, куда парил твой ум,
Призыву истины послушный?
. . . .

Профессор Стокгольмского университета Софья Ковалевская прожила на свете всего сорок один год... На кладбищенском холме Линдхаген, под высокой старой сосной,— массивный православный крест черного полированного мрамора, стоящий в грубых серых камнях. В расщелинах постамента живут упругие зеленые камнеломки, их кто-то поливает. И что-то возвышенно-романтичное и необыкновенно трогательное было в том, что сюда пришли сегодня наши военные моряки, прибывшие в Швецию с дружеским визитом. Офицеры и матросы возложили на могилу соотечественницы венок живых цветов...

Попытался я тут выяснить, не осталось ли в университете или в государственном шведском архиве каких-либо документов или писем Софьи Ковалевской, неизвестных у нас. Один специалист по советско-шведским культурным связям обещался помочь, да только не состоялось; я узнал, однако, что переписка Софьи Ковалевской с математиками разных стран — примерно шестьсот документов,—хранящаяся в Институте имени профессора Г. Миттаг-Леффлера, давно скопирована, расшифрована, переведена. Основную работу проделала дочь С. В. Ковалевской, умершая в 1952 году. А в следующем году журнал «Огонек» опубликовал неизвестный отрывок из повести Софьи Ковалевской, найденный в архивах Академии наук СССР. Я был тогда студентом-филологом, заинтересовался публикацией и прочел беллетристические произведения ученой. Она мечтала завершить свою повесть — о Николае Гавриловиче Чернышевском, да не успела. И еще вспоминаю, что тогда мне понравились стихи Софьи Ковалевской, и я разыскал их снова:

Если ты в жизни хотя на мгновенье
Истину в сердце своем ощутил,
Если луч правды сквозь мрак и сомненье
Ярким сияньем твой путь озарил:

Что бы, в решенье своем неизменном,
Рок ни назначил тебе впереди,
Память об этом мгновенье священном
Вечно храни, как святыню, в груди...
Лживые призраки, злые виденья
Сбить тебя будут пытаться с пути;
Против всех вражеских козней спасенье
В собственном сердце ты сможешь найти;
Если хранится в нем искра святая,
Ты всемогущ и всесилен, но знай,
Горе тебе, коль, врагам уступая,
Дашь ты похитить ее невзначай!

Однако продолжим коренную нашу тему.

Среда, производство, экономика соединены друг с другом тончайшими взаимопроникающими связями. К сожалению, мы не всегда умеем улавливать их. Какое отношение на первый взгляд к проблеме охраны природы имеет, скажем, снижение веса автомашины, удлинение срока ее службы, «ходимости» узлов? Самое непосредственное. Мы затратим меньше энергии и труда на добычу руды, выплавку и обработку чугуна и стали, сбережем уголь и кокс, использовав силы и материалы в другом месте, сохраним в атмосфере много кислорода, уменьшим выброс в воздушный бассейн вредных газов, а в водоемы — жидких отравляющих отходов и тепла.

В Стокгольме эту тему — среда и экономика — мы долго обсуждали с господином Хённингером. Ему как заместителю генерального директора управления по охране среды часто приходится сталкиваться с технологическими и финансовыми аспектами проблемы.

— Мы не собираемся забить насмерть нашу промышленность чрезмерно жесткими санитарными нормами,— говорит он.— Иначе она не сможет конкурировать с соседями. И единых запретительных норм в Швеции нет. В каждом отдельном случае мы устанавливаем свою норму — она зависит от вредности отходов, характеристики водоема, его географического положения. Недавно одна компания затеяла построить под Стокгольмом дрожжевую фабрику. Мы запретили это строительство, потому что маломощный водоем, куда они собирались сливать отходы, мог не выдержать нагрузки, погибнуть. А в другом месте строить им экономически невыгодно. Надо искать выход. Одно дело — как с подобными проблемами справляется плановое хозяйство, и совсем другое — рыночная экономика, где все усложнено противоречиями, связанными с частным предпринимательством...

Политика? Выходит, так.

— Берем самый простой пример — тигры. Их становится мало, растет цена шкур. Охотники рискуют, стараясь заработать побольше, убивают запретных тигров, которых становится еще меньше, и цены на шкуры все растут, и так далее. Итог — исчезновение великолепного зверя. Я убежден, что человечество проживет и без тигров, но земля беднеет, лишаясь любого биологического вида, и свободная инициатива здесь не знает выхода...

Верно, подумал я. А у нас все-таки тигры хорошо охраняются — после войны оставалось всего тридцать штук, а сейчас, несмотря на их отлов для зоопарков и отдельные случаи браконьерства, бегают на свободе — худо-бедно — почти полтораста зверей и никого не трогают: за пятьдесят лет на Дальнем Востоке не зарегистрировано ни одного случая нападения тигра на человека...

Разговор — через тигров, китов и дельфинов — поворачивался к сложным проблемам охраны среды, имеющим международное значение.

— Мы свои самые вредные отходы пока прячем в лесах,— говорит господин Хённингер.— Подождем, что в будущем подскажет наука. И считаем, что сбрасывание таких отходов в океаны, как это делают, например, американцы, эгоистично и неправомочно. Видимо, пора заключать серьезные общепланетные и региональные соглашения по охране среды, в частности, атмосферы и морей...

Лет десять назад шведы заметили, что в атмосфере и осадках резко возросло содержание летучих соединений серы. Без приборов эти вредные газы не ощущаются, однако, попадая даже мизерными дозами в легкие, они незаметно, постепенно подрывают здоровье людей, отравляют животных и рыб, разлагают краски и ткани. Перед этими активными веществами пасуют даже металлы. Установлено, например, что металлы в Стокгольме в пятнадцать раз сильнее подвергаются коррозии, чем на севере, в Кируне.

Откуда такая напасть? Газы приносятся ветрами из промышленных районов стран Западной Европы — Англии, Бельгии, ФРГ, Франции, Люксембурга. На железоделательных и иных предприятиях там поставили высоченные вытяжные трубы, и газы, основу которых составляют двуокись серы и серный ангидрид, образующиеся от сгорания угля, нефти, мазута, брикетов, газы, отходящие при металлургическом и коксохимическом процессах, подхватываются воздушными течениями и легко переносятся на большие расстояния. Шведы считают, что половина всех соединений серы наносится из Англии, на территорию которой выпадает лишь одна шестая выбросов британской промышленности. Вредные газы Западной Европы захватывают в зону своего влияния все скандинавские страны, Финляндию, часть Советского Союза, акватории Северного, Балтийского и даже Белого морей...

Особую озабоченность у шведов вызывают химические анализы почв и вод. Дело в том, что соединения серы легко вступают в реакцию с водой, образуя сильные кислоты и повышая кислотность почв. Отравляется живность в озерах и реках, снижается урожайность полей. В некоторых районах Скандинавии показатель кислотности достиг предельной величины. Ежегодные убытки от кислородных соединений серы в Швеции уже сейчас составляют сотни миллионов крон. Если так пойдет далее, то будущее не обещает ничего утешительного. По расчетам, к 2000 году половина озер страны станет безрыбной, прирост лесов значительно уменьшится. Не обойдет своими напастями это «добро» и другие страны. Серьезная международная проблема, и все равно придется искать ключи к ее решению.

Океаны и моря тоже принадлежат всем, и, наверно, поэтому все начинают тревожиться за их состояние. Известно, что Тур Хейердал во время своего путешествия на тростниковом корабле сорок суток плыл по атлантическим водам, сплошь загрязненным нефтяными конкрециями и другими отходами. Неисчислимы беды от аварий крупных танкеров, а их грузоподъемность все растет — японцы считают возможным построить судно, способное вместить миллион тонн нефти! А ну как авария с таким гигантом? Во многих районах континентального шельфа уже пробурены скважины и произошли первые крупные аварийные выбросы — загрязняются пляжи, гибнет морская рыба, птица, ракообразные, планктон. Завладевшая морем нефть грозит еще одной бедой, обычно не учитываемой: даже одна ее капелька, расплываясь, покрывает акватории в тысячи квадратных километров и прерывает обмен газами и влагой между Мировым океаном и околоземной атмосферой...

Шведов чрезвычайно волнует судьба вод Балтийского моря, мелкого, немноговодного, полуизолированного от Мирового океана. В придонных слоях Балтики отмечено понижение содержания кислорода, оно все заметнее загрязняется нефтью и вредными примесями, которые приносятся сюда тысячами рек.

Балтику пора спасать, и это понимают во всех странах ее бассейна. Я уже готовился к отъезду из Швеции, когда в Стокгольме собрались ученые и специалисты стран Балтийского моря. Они обсуждали проблемы охраны Балтики от загрязнения, говорили о воспроизводстве лососевых, об отказе ловить в этом море рыбу для технических целей. Назревает неотложная необходимость заключения конвенции, хотя имеется немало сложностей и противоречий. Господин Хённингер с восхищением отзывается об очистке сточных вод в ГДР, с которой делегация шведского управления по охране среды познакомилась во время своего визита туда.

— Представляете, службу охраны и контроля за чистотой сбросной воды у них несут двести специализированных катеров! Двадцать из них постоянно обслуживают район Берлина. Мы же на днях спустили на воду лишь первое такое судно... Ценный опыт Германской Демократической Республики по охране среды, конечно же, должен стать общим достоянием. Мы надеемся, что к совместной работе Советского Союза и Швеции, которая в этом году столь успешно начата, постепенно подключатся все страны Балтики...

Весной 1972 года в Стокгольме произошло одно негромкое, но очень важное международное событие. Последние годы экономическое и научно-техническое сотрудничество Советского Союза и Швеции успешно развивалось, и вот на одной из своих сессий межправительственная комиссия создала советско-шведскую рабочую группу по проблемам окружающей среды, и состоялось ее первое заседание, разработан план. Представители двух стран договорились об обмене делегациями и лекторскими группами, о взаимных консультациях, симпозиумах, совместной разработке научных методов охраны среды и контроля за ее состоянием. Сейчас наши и шведские данные о том, например, как загрязняется Балтийское море, как изменяется химическое состояние его вод и какое это влияние оказывает на всю жизнь моря, взаимно сопоставляются и анализируются. Намечены меры по охране воздушного бассейна — обоюдное знакомство с измерительной аппаратурой, совместная разработка методов прогноза, обмен опытом заповедания и много другого, чего не опишешь в беглых зарисовках. Хочется лишь вместе со всеми, кто болеет за природу, порадоваться началу большого, очень нужного дела.

...История подошла к такому моменту, когда нам необходимо регулировать свою деятельность во всем мире, проявляя более тщательную заботу в отношении последствий этой деятельности для окружающей человека среды. Из-за невежества или безразличного отношения мы можем нанести огромный и непоправимый ущерб земной среде, от которой зависят наша жизнь и благополучие. И, наоборот, в более полной степени используя наши знания и действуя более мудро, мы можем обеспечить для себя и для нашего потомства лучшую жизнь в условиях среды, которая в большей степени будет соответствовать потребностям и надеждам людей. Имеются широкие перспективы улучшения качества окружающей среды и создания хороших условий для жизни. Необходимо проявить энергичный и трезвый подход и заняться интенсивной, но упорядоченной деятельностью. В целях достижения свободы в мире природы человек должен использовать свои знания для создания в соответствии с законами природы лучшей окружающей среды. Защита и улучшение окружающей среды для нынешнего и будущих поколений превратились в настоятельную задачу для человечества. Эту задачу необходимо решать совместно и в соответствии с установленными и основными целями мира, а также международного экономического и социального развития...

Так характеризует проблему в одном из своих документов конференция ООН, проходившая в Стокгольме 5—16 июня 1972 года. Это назревшее международное мероприятие оказалось, однако, неполноценным из-за того, что Советский Союз, самое большое на земле государство, и почти все страны социалистического содружества не могли принять в нем участия. А ведь у нас есть прочные научно-экономические первоосновы проблемы «общество и природа», в нашем активе ленинские декреты, которые задолго до нынешних времен, когда эта проблема так обострилась в мире, ввели в законодательство и практику первого на земле социалистического общества основные природоохранительные принципы, у нас — при всех наших трудностях и своих непростых проблемах — в наличии новейшие проекты, постановления и замыслы, опережающие прочих по целям и идеям, намечающие реалистичные, широкие перспективы научного природопользования.

И какие бы дипломатические тонкости ни брались в расчет при подготовке конференции, это, бесспорно, абсурд, что к обсуждению общечеловеческой, планетарной проблемы не была допущена Германская Демократическая Республика — молодое самостоятельное государство, расположенное в центре Европы, имеющее большую береговую линию на Балтийском море, входящее по объему производства в первый десяток наиболее развитых стран, а по практической реализации принципов охраны среды опережающее большинство их. Я бывал в ГДР и поражался изумительной организацией лесопользования, необыкновенной бережливостью в отношении главного

богатства любого народа — почвы. А как там очищают воду и воздух, насколько перспективно улучшают среду рабочего места! Нет, конференция только проиграла, лишившись ценного опыта и авторитетных голосов Советского Союза, ГДР и других социалистических стран. Недаром многие делегаты, выступавшие с трибуны конференции, высказывали возмущение и сожаление, что принцип универсальности не соблюден и не было найдено путей для решения вопроса об участии в столь важном форуме Германской Демократической Республики. И я вполне понимаю одного из финских делегатов, депутата парламента Иллку Кристиана Бьёрклунда, который заявил, что из-за дискриминации ГДР он отказывается участвовать в конференции.

Конференция тихо-мирно обошла социальные, политические, иные мировые проблемы. Только не было теми днями тихо и мирно в Стокгольме. Большой, бурный мир с его самыми неотложными, самыми жгучими вопросами врывался в стокгольмские конференц-залы, будоражил выставками, листовками, демонстрациями. «Свенска дагбладет» сообщала, что «для предотвращения возможных беспорядков» в город дополнительно вызвано две тысячи полицейских, вооруженных слезоточивым газом. Это усмирительное средство предназначалось для людей, выступавших против подмены и завуалирования усыпительным академическим бесстрастием важнейших проблем современности, считавших, что охрану среды надо прежде всего понимать как охрану человека...

В рамках «Фолькетфорума» («Народного форума») — конференции радикальной шведской общественности — прошла двухдневная дискуссия на тему «Капитализм и загрязнение окружающей среды». Здесь же говорилось о проблемах условий труда на рабочем месте, о стимулирующих средствах. Группа активистов этого форума объединилась с целью обсуждения наиболее острых вопросов: кто зарабатывает на разрушении среды? кто и как страдает от ее разрушения? какую роль играет мотив прибыли? можно ли решить проблемы среды в рамках существующего социального строя или же необходимы кардинальные изменения общественной структуры?..

На заседаниях «Народного форума» выступили представители освободительного движения Мозамбика, Анголы, Гвинеи (Бисау). В Стокгольм прибыло несколько жителей Гвинеи (Бисау), обожженных напалмом, они посетили одно из заседаний «Народного форума» Анголезцы рассказывали на форуме, что португальские колонизаторы применяют против народа Анголы отравляющие вещества, и финский журналист Б. Маттсон, прибывший из освобожденных районов Анголы, подтвердил эти сообщения, добавив, что Португалия получает отравляющие вещества у партнеров по НАТО.

Одновременно в Стокгольме работали еще две конференции — полуофициальная международная «Мильёфорум», в которой участвовали делегаты развивающихся государств, а также ряд неправительственных организаций, и конференция, представляющая научную общественность примерно двадцати стран. И какие бы мысли ни высказывались на этих различных собраниях, какие бы разные проблемы ни обсуждались, было в те дни одно слово и одно понятие, волнующее всех честных и непредубежденных,— экоцид.

О том, что такое экоцид, мог бы рассказать Конг Во Транг, член Центрального Комитета молодежной организации Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, который прибыл на заседание постоянной Стокгольмской конференции по Индокитаю. Из долины Меконга он за сорок пять дней прошел пешком девятьсот километров и увидел все: пустые деревни, разрушенные дамбы, которые столетиями насыпали вьетнамские крестьяне, увидел обожженных напалмом, отравленных и искалеченных женщин и детей, безногих и безруких, оглохших, слепых и безумных...

Вспомним, что было совсем недавно. «Рассыпная смерть» — шариковые бомбы, поражающие людей в укрытиях, адские взрывные аппараты, разбрасывающие зазубренный металл, рвущий на куски человеческое тело, новый, «усовершенствованный» напалм, мгновенно развивающий температуру до нескольких тысяч градусов, сжигающий и плавящий все и вся, и белый фосфорный напалм, проникающий в человеческий организм и горящий в нем несколько дней... «Перфораторные», или антитанковые, бомбы, пробивающие накаты убежищ, неизвлекаемые «гарпунные» пули...

...«Электронные уши», устройства в виде папоротника или кустика, сбрасываемые с самолетов, фиксировали любой металлический лязг и передавали сигнал на базу; тут же прилетали бомбардировщики и сбрасывали свой смертоносный груз независимо от того, что там внизу — танки или тракторы, молотилки или бронетранспортеры... Документально установлено, что на земле Индокитая за последнее десятилетие бомбардировками было вырыто больше двадцати миллионов глубоких и широких воронок, а обширные посадочные площадки для вертолетов расчищались в последнее время с помощью так называемых «дейзи каттер» — фугасных бомб гигантской направленной взрывной силы... Сотни тысяч индокитайцев отравлены ядами и тяжелыми газами, проникающими даже в земляные убежища; от этих химикатов количество раковых заболеваний в Южном Вьетнаме возросло в пять раз... И сообщалось еще о датчиках, которые должны были улавливать температуру человеческого тела и сигнализировать о наличии цели на авиабазы, о радарном луче, мгновенно выжигающем глазную сетчатку!

Полицейский террор, депортации, электрический ток при пытках, мыльная вода, вливаемая в человека, «полуполеты», то есть сбрасывание пленных с вертолетов, трущобы, голод, эпидемии — геноцид, убийство народа, в веках не простимое преступление военно-промышленного комплекса США, переходило в экоцид — убийство жизни самой, в уничтожение среды обитания всего живого. Так называемый «гигроскопический засев», то есть распыление химикатов, вызывающих дожди с большим содержанием активных кислот, превращение рек с помощью нефти и огня в пылающие преграды, уничтожение ядами миллионов гектаров лесов — все это могло необратимо изменить природную среду Индокитайского полуострова, грозило тяжелыми последствиями для всего человечества, его будущих поколений.

Вооруженные новейшими достижениями науки и техники, современные варвары сознательно уничтожали завязь, продолжение жизни — детей. Вспоминаются полные трагизма строки вьетнамского поэта Суан Зиеу, посвященные погибшим школьникам общины Хыонгкхе:

Сколько новых могильных камней?
Тридцать три.
Пятый класс и шестой...
Сколько горя и мук!
На убитых детей
не смотри, не смотри...
Их тела и ручонки —
как юный бамбук.

...Сегодня на многострадальной вьетнамской земле — МИР! Но народы должны быть начеку — продолжают падать бомбы на другие районы Индокитая, чреваты непоправимыми событиями многие «горячие» точки планеты, а современный капитализм, демонстрируя свою слабость, способен, как мы увидели, применить самое бесчеловечное изобретение века — экоцид.

Идут дни, месяцы и годы. Люди снова и снова возвращаются к проблеме «человек и природа». и огромный, кипучий мир с ними и в них — большой мир с его великой борьбой во имя человечества и подлыми преступлениями против человечества, с его бескорыстными подвижниками и его алчными приобретателями, с покоряющей улыбкой Юрия Гагарина, божественной игрой Жерара Филипа, жизнью и смертью Че Гевары и многочисленными еще носителями современных фашистских идей, разбойничающими на разных широтах и меридианах. И как не помечтать о той поре, когда отпадет нужда защищать человека и природу от кого бы то ни было, как не приветствовать грядущее, в котором уже не будут вспоминаться насквозь пропитанные горечью слова Бертольта Брехта: «Что же это за времена, когда разговор о деревьях кажется преступленьем, ибо в нем заключено молчанье о зверствах!» Как все же еще много Человеку на Земле предстоит!.

СПЕКТАКЛЬ ИДЕТ В ЭФИРЕ...

М. А. Турчинович.

Мы сейчас уже не отдаем себе отчета в том, как прочно вошло в нашу жизнь радио!.. Часто забываем об огромной его роли не только как средства информации, но как могучего пропагандиста искусств, открывшего людям многие новые имена, многие богатства национального творчества...

Мне пришлось работать на радио с тридцатых годов, когда именно и шли поиски средств, если так можно сказать, радиовыразительности. Мы, актеры театра и кино, вместе с радиорежиссурой искали язык, присущий именно радиоспектаклям, радиопостановкам... Помню, кто-то из режиссеров очень правильно сказал: надо исполнять не для уха, а для глаза, то есть так, чтобы перед радиослушателем возникала как бы зримая картина того, что он слышит.

С тех пор прошло много времени; на радио нынче работает много мастеров своего дела, и среди них Марина Александровна Турчинович. До прихода на радио она была режиссером театральным; я знаю ее интересные работы в Театре имени Моссовета. Театральный опыт ей весьма пригодился: ее постановки интересны, отличаются высоким вкусом.

Многие передачи М. Турчинович посвящены творчеству братских республик и стран народной демократии.

Ее радиоспектакли отличаются прекрасным актерским ансамблем, чьи усилия режиссер направляет на раскрытие и авторской идеи и его художественной манеры.

Алексей **КОНСОВСКИЙ**,
заслуженный артист РСФСР,
лауреат Государственной
премии РСФСР

Юрий ЧЕРНЯВСКИЙ

ИЗ КАБИНЕТА СЛЕДОВАТЕЛЯ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ИЛИ АВАРИЯ?

Рисунок И. БЛИОХА.

Профессор был большим оригиналом. На первой же лекции в отличие от своих коллег, которые покорно взбирались на кафедру, он попросил принести ему стол и стул.

Курс читал он блестяще. Сегодня его лекция посвящалась проблемам психологии свидетельских показаний. Разбирая условия, в которых они формируются, и обстановку, когда происходит их воспроизведение, профессор настойчиво подчеркивал те опасности, которые подстерегали нас, будущих следователей, на этом пути.

«Под влиянием времени,— говорил он,— происходит неизбежная реконструкция того, что свидетель запомнил, причем эта перестройка бывает настолько значительной, что конечный результат иногда коренным образом отличается от того, что было на самом деле. Не меньшие неприятности ждут и тогда, если, на восприятие воздействует определенная установка, когда замечается только то, что соответствует этой установке, а остальное отбрасывается.

Ненадежность и несовершенство свидетельских показаний очевидны. Более того,— продолжал профессор,— многие эксперименты убеждают, что при определенных обстоятельствах у людей может складываться система временных, случайных связей. Под влиянием тех или иных условий сложившаяся система делается прочной, что зачастую приводит к предвзятости. Тогда свидетель может смотреть и не видеть, слушать и не слышать...»

Утром Алексей Тимофеевич пригласил меня к себе и, вручая материалы дорожного происшествия, кратко сказал, что на окраине города около полуночи произошла автоавария. Водитель, он же и владелец «Москвича», погиб. Судя по некоторым данным, прокурор с минуту помолчал: дело не совсем обычное. Впрочем, на месте виднее. Свидетели уже вызваны и ждут в милиции. На пятиминутку я не остался и отправился в отдел милиции. Свидетельницы — три работницы фабрики, возвращавшиеся с вечерней смены,— видимо, все еще находились под впечатлением происшедшего.

Голубая «Волга» на большой скорости неожиданно выскочила из переулка, круто повернула и левым боком ударила в дверцу «Москвича», который медленно двигался прямо по главной улице. Они услышали треск, скрип тормозов. На какое-то время, пока свидетельницы переходили на другую сторону улицы, обе машины пропали из поля зрения. Затем они увидели, как молодая женщина со светлыми волосами схватила что-то с переднего сиденья «Москвича» и вернулась в «Волгу». Развернувшись, на большой скорости машина проскочила в соседний переулок. Номера они не рассмотрели, так как все произошло очень быстро.

Примерно так же выглядели события и по схеме дорожного происшествия. В протоколе записано, что на дверце «Москвича» должны остаться следы голубой краски, были подобраны осколки стекла разбитой фары «Волги». Неподалеку замечен след каблука, но, судя по его очень большим размерам, он к делу не относился, так как той женщине принадлежать не мог. Если взять за основу версию ГАИ и представить себе все, что случилось, история получается действительно не совсем обычная. Кто-то (может быть, эта женщина) за рулем «Волги» поздно вечером поджидал в переулке «Москвич». Затем «Волга» таранит «Москвич» в наиболее уязвимое место, а когда водитель гибнет, убийца берет какой-то предмет и скрывается. Пожалуй, была и еще одна особенность, которая давала несколько неожиданное освещение всей истории. Погибшим оказался тридцатисемилетний Александр Кретов, или, как его величали последние годы, отец Александр, священник местной православной церкви, он же владелец и водитель «Москвича».

Оставался еще один свидетель. Теперь уже могу откровенно сказать, что Николай Анисимович Губин мне сразу не понравился. Благообразный старичок с прилизанными волосами и хитрыми, глубоко посаженными глазами. После рассказа женщин его осторожные уклончивые ответы с длинными паузами звучали неискренне. Меня так и подмывало спросить, не из прихожан ли он местной церкви, и я всякий раз с большим трудом сдерживался.

Судя по обстоятельствам, видел он больше других, однако говорил значительно меньше. Беседа у нас не клеилась. «Не могу судить,— выдавливал Губин,— кто на кого наехал, кто прав, кто виноват. Пусть уж специалисты разберутся, а насчет того, ждала ли в переулке «Волга» или просто ехала, не знаю. Не слыхал, чтобы мотор заводился. Не видел, чтобы из «Волги» женщина выходила да и когда садилась, машина уже трогалась. И на дороге никого не заметил, может, эта женщина и с неба упала. А после удара у «Москвича» противоположная дверка открылась — и все».

В таком духе мы беседовали долго, но ничего путного не получалось. Трудно, порой очень трудно с такими вот свидетелями. Вроде и версия неплохая сложилась, дополняй

подробностями, уточняя неясное и двигай дело вперед. А свидетель осторожничает или не говорит правды, а то еще хуже: такое скажет, что и слушать не хочется. Ведь если проанализировать показания Губина, получалось, что за рулем «Волги» сидела не женщина. Во всяком случае, та женщина, которую видел Губин, садилась после происшествия в «Волгу», когда машина уже двинулась с места. Как я ни прикидывал, показания Губина нисколько не проясняли дела, а больше его запутывали и, полагая, что свидетель меня обманывает, я решил на некоторые вопросы найти ответ позже.

На другой день мы с работниками милиции подробно обсудили детали розыска голубой «Волги» и ее хозяйки. Поскольку многое свидетельствовало о предумышленном наезде, точнее, об умышленном убийстве Кретова, было очевидно, что одна из основных линий расследования — поближе познакомиться с личностью покойного, узнать, чем он занимался незадолго до смерти, не было ли у него врагов. Было решено, что всем этим займусь я. В документе, извлеченном из бумажника покойного отца Александра, архиепископ Иоанн, управляющий В...кой епархией, писал: «Нахожу справедливым аттестовать отца Александра, преодолевшего мирскую суету и духовно укрепившегося, как одного из просвещенных деятелей на ниве Христовой. Человек серьезного склада ума, безусловно, трезв и примерный супруг. Проявляет полное послушание и уважение, усерден в исполнении пастырских обязанностей. Всегда считает своим долгом словом увещевания вразумлять бесчинных, скорбя об их заблуждении».

Как видите, документ весьма своеобразный. Сразу замечу, кое-что уже вызывало сомнение. Вскрытие, например, показало, что незадолго до смерти отец Александр употреблял спиртные напитки и не в малом количестве, так что к «безусловно трезвым» его никак не отнесешь. Кроме того, когда труп осматривали, на левой стороне подбородка, на шее и даже на спине эксперты обнаружили следы губной помады, что могло свидетельствовать о пьяной вечеринке в обществе далеко не целомудренном и не очень-то вязалось с обликом «примерного супруга».

В наше время следователи, как, впрочем, и подавляющее большинство других граждан, мало что знают и еще меньше интересуются устройством церковных дел. И, наверное, знали бы и того меньше, если бы сами верующие не заставляли иногда вникать в эти дела. Хотя и не так много их осталось и люди это в основном старые, однако наша жизнь и у верующих воспитала активное отношение ко всякого рода непорядкам. И если они в церковных делах видят отступление от правил, шельмовство или какое-нибудь другое безобразие, то незамедлительно призывают Советскую власть вмешаться. И сколько ни разъясняй им, что церковь у нас отделена от государства и за внутрицерковным устройством Советская власть наблюдать не может, они все равно требуют своего. И пишут во все инстанции — от милиции и до высших органов Советского государства. Такие письма поступали и в нашу прокуратуру.

Покопавшись в архивах, я нашел несколько любопытных бумаг. Одна из них прямо касалась отца Александра. Адресована она была управляющему епархией и существенно отличалась от аттестации, извлеченной из бумажника покойного. Видимо, для верности копию этого письма направили «для контроля» прокурору города. Прихожане писали: «Ваше высокопреосвященство дорогой Владыко! В жизни отца Александра день ото дня происходят глубокие перемены. Он начал в своих интересах вникать в хозяйственные дела церкви, требуя все большего содержания, входя при этом в ярость и стуча кулаком на столу... Выругал прескверно певчую из левого хора мать Корнелию и даже самого отца настоятеля. А на Успенье в храме устроил скандал: начал проповедь о Божьей Матери, а закончил проклятием в адрес церковного совета и отца настоятеля. Так что какой был народ — и тот смутился и стал убегать из храма...»

Картина понемногу прояснялась. Знание, так сказать, расстановки внутрицерковных сил быстро помогло мне. Поговорили с членами церковного совета, с отцом настоятелем, «матерью» Корнелией и другими недовольными. Стало ясно, что подробности последнего вечера отца Александра вернее всего можно получить от некоей медицинской сестры по имени Светлана, с которой преподобный был знаком довольно давно.

Еще одну интересную деталь высветил церковный сторож. Готовясь записать его показания, я стал вынимать из портфеля бумаги и случайно достал кусочек янтаря, который нашли в кармане покойного. Собеседник очень заинтересовался этой вещицей. Сделав вид, что мне понятен его интерес, со словами «да, да, тот самый», я передал ему янтарь. Старик смотрел на него, потом тяжело вздохнул: «Дело теперь прошлое, чего греха таить. Не знаю, что другие вам говорили, а женщину эту покойный очень любил. Бывало, выпьем мы с ним, он янтарь достанет и все любуется. Это, говорит, на память о цвете ее волос подарено».

Я было вцепился в старика, стал задавать ему разные вопросы о белокурой подружке отца Александра, однако свидетель или действительно больше ничего о ней не знал или замкнулся, поняв, что сказал лишнее. Как бы там ни было, а опять промелькнула женщина со светлыми волосами. Ну что же, дойдет очередь и до нее, но сперва займемся медицинской сестрой. Если это не одно и то же лицо, то во всяком случае она уже кое-что должна знать о последних днях и даже часах Александра Кретова.

Итак, Светлана Соломахина. На вид лет тридцать. Пожалуй, начала уже полнеть. Модная, под мальчишку стрижка, красивые, хотя излишне чувственные губы, очень женственный подбородок. Немного нагловатые глаза, в меру подведенные ресницы. Одета с некоторой небрежностью, но со вкусом. Работает медицинской сестрой в гинекологическом отделении местной больницы. Замужем. Есть ребенок — девочка. Тряхнув темными короткими волосами, Светлана, спросив разрешения, затянулась сигаретой и приготовилась отвечать на вопросы.

Вот уже несколько минут внимательно вглядываюсь в собеседницу и ловлю себя на мысли: что-то отвлекает внимание. Может быть, ее небрежная поза — все-таки неудобно так выставлять ноги. Нет, пожалуй, виноваты глаза, слегка прищуренные от дыма сигареты, в которых что-то такое очень далекое от темы нашей беседы. Или губы, которые она время от времени аккуратно облизывает самым кончиком языка. Да, пожалуй, губы, вернее даже не сами губы, а цвет помады — какой-то излишне желтый тон. Нехорошо... Что нехорошо? Ага, понял! К темным волосам не идет этот цвет, больше подошел бы темно-красный и даже лиловый. А что если?.. И неожиданно спрашиваю:

— Не успели сменить помаду?

В ответ удивленный взгляд, который можно истолковать примерно так: «Хотите поболтать с интересной женщиной?»

— Помада-то ваша больше бы подошла к светлым волосам.

Удивление сменяется настороженностью. Она затягивается сигаретой.

— Волосы,— спрашиваю я, обретая уверенность,— перекрасили сразу после происшествия?

Еще затяжка. Короткое:

— К чему вы это?

— К тому, что у меня сохранился тот самый янтарь... Хотите посмотреть?

Молчание.

— Давайте-ка ваш тюбик. Наши эксперты сравнят со следами помады, снятой с лица покойного. Показать снимок?

Прошло еще несколько минут. Поспешно (куда девались прежние ленивые движения) закуривает новую сигарету.

— Чего уж там (кажется, сопротивление сломлено), я не могла поступить иначе: у меня же муж, ребенок.

Однако торжествовать рано. Что-то она не договаривает, что-то утаивает, но роль ее оказалась далеко не той, как это представлялось вначале. С Кретовым познакомилась два года назад, сначала несколько смущал его род занятий, потом привыкла. Отец Александр оказался человеком внимательным, щедрым, с расходами не считался.

В тот вечер были в ресторане в соседнем городе, много пили. Когда возвращались, неожиданно из переулка выскочила «Волга». Водитель, видимо, пьяный, на повороте не справился с управлением. От толчка она вылетела в противоположную дверь (замок у двери оказался неисправным) и упала на кусты. Это ее и спасло. Поднялась, увидела, что Кретов мертв, а где-то вдалеке кричат женщины, схватила сумочку и хотела убежать. Водитель «Волги» крикнул, чтобы садилась к нему. Она на ходу села в машину, назвала свой адрес, потом почувствовала себя плохо. Очнулась уже около дома. Ее высадили, машина ушла дальше. К концу допроса Светлана заметно успокоилась, видимо, обрадовавшись своей удаче: где-то я допустил ошибку. Она поняла, что в нашем распоряжении почти ничего нет, а просвещать следователя не входило в ее планы. Так и не удалось узнать, кто был человек, доставивший ее домой, куда он уехал, какой номер машины.

Раздумывая над ее показаниями, я вспомнил, что нечто подобное, если не по содержанию, то по общему смыслу, по выводам, я уже однажды слышал. В самом деле: водитель «Волги» не поджидал встречи в переулке, а выезжал оттуда, женщина не уехала с места происшествия за рулем, а ее увезли. Да, конечно, ведь, по существу, обо всем этом говорил Губин. Надо еще с ним встретиться.

На этот раз он не показался мне таким неприятным. И откуда это могло прийти в голову, что у него благообразный вид? Пожилой, аккуратно одетый человек с натруженными рабочими руками. И глаза у него обычные, никакой хитрости в них нет. Просто брови густые и лицо худощавое. Вполне симпатичный человек. Вот уж действительно, можно смотреть и не видеть.

Николай Анисимович неторопливо, как бы прикидывая на вес каждое слово, продолжал:

— Вот я и говорю: задержался допоздна у одного молодого рабочего, ходил к нему по поручению парткома (час от часу не легче: слушал человека и не слышал — он партийное поручение выполнял, а я его чуть к прихожанам местной церкви не причислил). А когда вышел на улицу и стал сворачивать за угол, услышал сильный удар и треск. Ближе подошел — какой-то человек в «Волгу» садится, а за ним женщина чуть ли не на ходу впрыгивает. Побежал, но уже поздно: «Волга» развернулась — и в переулок. Тут вскоре и женщины с фабрики подошли, одна из них побежала звонить в милицию.

Теперь я внимательно слушал, боялся пропустить хотя бы слово...

Показания Губина заставляли по-иному взглянуть на материалы следствия. Взять хотя бы след, крупный след, обнаруженный на месте аварии. Ему не придали никакого значения. А между тем Губин говорит, что водитель «Волги» выходил из машины, и если это его след... Сейчас прикинем, что могут сказать специалисты. К сожалению, след каблука снят был неаккуратно, так что мелкие подробности не сохранились, однако сам размер тоже кое о чем говорил. Ну, например, если замерить ширину пятки, сделать соответствующую поправку на модель обуви, которая нынче в ходу, и результат помножить на 3,9, то получится длина стопы человека, а если еще раз умножить на 6,55, можно узнать и его рост. По этим подсчетам выходило, что водитель «Волги» был крупным мужчиной, его рост — приблизительно 1,95 метра. Теперь работникам милиции следовало искать среди водителей голубых машин «Волга» высоких мужчин. Не очень богатую информацию дал след пятки, но и она может оказаться полезной.

Ох, уж эти характеристики! То, что написано было о медицинской сестре Соломахиной, пожалуй, больше характеризовало самого автора документа. И характеризовало как человека излишне деликатного, мягкого, не умеющего сопротивляться просьбам. И надо же написать такие высокие слова про любовницу распутного «деятеля на ниве христовой»!

Заведующий гинекологическим отделением доктор Дубов, видимо, и сам понимал, что переборщил. Он смущался и краснел, когда я не торопясь и с выражением перечитывал вслух подписанный им панегирик добродетелям сестры Соломахиной. Его даже жалко ста-

ло. Чтобы как-то помочь человеку, я спросил о делах в больнице. Доктор обрадовался и перешел на эту тему. Так мы разговорились.

Однако характеристика все же не давала ему покоя, доктор понимал фальшь сочиненного им документа и, видимо, испытывал потребность высказаться до конца.

— Знаете, если говорить откровенно, я некоторое время был увлечен Светланой. Она мне казалась не только красивой, жизнерадостной, но и доброй, отзывчивой женщиной. Я даже подумывал о том, как связать наши жизни. Правда, что-то меня останавливало. Потом появился этот верзила, однако и это сначала не насторожило меня. Ну, увлеклась, чего не бывает в жизни. Только уже после его скандального отъезда у меня открылись глаза: сколько же фальши оказалось в той женщине...

Стоп. Доктор еще говорил, но мои мысли потекли по другому руслу: «Скандальный отъезд, верзила...» Это к отцу Александру с его средним ростом явно не относилось. А что, если?.. Да, так, видимо, так оно и было: один близкий знакомый сестры Соломахиной сбил другого. Вот почему она быстро нашла общий язык с водителем «Волги»... И не хочет ничего о нем сказать. Теперь пора вмешаться.

— А этот высокий, верзила, как вы говорите, где он сейчас?

— В соседнем областном центре работает.

— Кстати, вы не сказали, как его фамилия?

Доктор запнулся на мгновение, понимающе взглянул на меня, улыбнулся как-то беспомощно, слегка развел руками: «Вот я и не заметил, как вы меня допросили, а фамилия его Гловацкий, зубной техник Константин Гловацкий».

На другой день чуть свет с группой работников милиции мы отправились к нашим соседям. Гловацкого застали за завтраком. Перед нами мужчина почти двухметрового роста. Как и следовало ожидать, в гараже стояла голубая «Волга». Хозяин успел привести ее в полный порядок. Заменить, что надо, еще раз покрасить в тот же цвет. Работники ГАИ сняли стекло фары и, внимательно осмотрев ее внутри, извлекли совсем небольшой осколок стекла, случайно там застрявший.

Этого Гловацкий не предвидел. Заменить разбитое стекло он успел, но вот маленького осколка внутри фары не заметил. И хотя на все наши вопросы отвечать он отказался, немые свидетели — вещественные доказательства — рассказали все за него. Вопрос о его аресте был, по существу, предрешен. Дальше все шло уже обычным путем.

Специалисты-физики определили плотность осколков, найденных на месте происшествия и изъятого из фары «Волги» Гловацкого. Затем сравнили показатели преломления, поверхностную микроструктуру, провели люминесцентный анализ, исследование в видимых ультрафиолетовых и рентгеновских лучах, изучили оптическую неоднородность осколков. Так ко мне на стол попало заключение, где в категорической форме утверждалось, что осколки на месте происшествия и осколок из фары ранее составляли единое целое — стекло в фаре автомашины, водитель которой совершил наезд на «Москвич». Все остальное уже не представляло большого труда.

Обвинение сформулировать было несложно. Гловацкий при соучастии Соломахиной совершил убийство. Дело в том, что отвергнутый Соломахиной поп собирался рассказать мужу о ее новой связи, а в органы следствия сообщить о кое-каких неблаговидных делах зубного техника.

...Лекция подходила к концу. Профессор убедил нас в ненадежности свидетельских показаний, решительном преимуществе немых свидетелей. Закончил он довольно неожиданным выводом: «Все, что здесь говорилось, преследует одну цель — доказать, что следователь, как и свидетель, может допускать те же ошибки. Жизнь иногда ставит очень сложные задачи, в которых не сразу и разберешься. Надо знать, где может быть допущена ошибка, правильно оценивать то, что вы слышите и наблюдаете, и делать из этого обоснованные выводы. А свидетелям надо верить, обязательно надо верить, без этого просто нельзя работать».

Все-таки он был большим оригиналом.

ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЯМИ

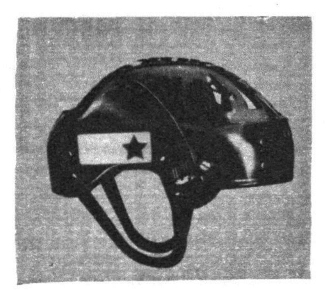
15 марта 1973 года в Доме журналиста состоялась ежегодная, традиционная встреча коллектива «Огонька» с читателями.

Главный редактор журнала А. Софронов рассказал о планах «Огонька» на 1973 год, третий, решающий год 9-й пятилетки.

На вечере выступили главный художник И. Долгополов, ответственный секретарь журнала Ю. Сбитнев, редактор фотоотдела Д. Бальтерманц, заведующий военно-патриотическим отделом В. Павлов.

В вечере принял участие один из старейших авторов «Огонька», писатель В. Ардаматский. С новыми стихами познакомили собравшихся поэты Евгений Евтушенко и Людмила Шикина. Молодой композитор из города Смоленска Николай Писаренко исполнил свои новые песни. Программу встречи с читателями журнала «Огонек» завершил молодой пианист Владимир Фельцман, обладатель золотой медали конкурса имени Маргариты Лонг и Жака Тибо, исполнивший произведения Скрябина и Шопена.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: ХОККЕЙ!

Хоккей с шайбой — игра молодая в нашей стране, но за сравнительно короткий срок она завоевала симпатии зрителей, а наши замечательные хоккеисты теперь занимают лидирующее место в мире. Вот этому блистательному взлету на ледяной Олимп и посвящен альбом, выпущенный издательством «Физкультура и спорт» [1].

Рассказ о хоккее в книге начинается в тот знаменательный день 22 февраля 1946 года, когда на московском стадионе «Динамо» студенты института физкультуры после матча по хоккею с мячом показали зрителям новинку — канадский хоккей, как он тогда назывался. И вот мы видим снимки первых матчей чемпионата страны, который начался уже в декабре того же 1946 года, фотографии первых чемпионов — московских динамовцев, огромный стадион, заполненный толпой. А вот и другая история, начавшаяся значительно ранее, на канадском льду. Рождение хоккея с шайбой. Далекие даты — 1837... 1879... 1893... Первая Белая Олимпиада в Шамони и большая международная победа канадских хоккеистов... Как известно, победы канадцев продолжались вплоть до 1954 года, когда на международную арену вышла сборная команда СССР.

И вот новая страница мирового хоккея — победа новичка на мировом первенстве в Стокгольме, новый успех на Белой Олимпиаде в Кортина д'Ампеццо, новые встречи с сильнейшими командами мира, огорчения и радости, поиски и победы. И вот перед нами начало новой эры в мировом хоккее — 1963 год. Снова победа, на сей раз на чемпионате мира в Стокгольме, а затем Инсбрук, Тампере, Любляна, Вена, Гренобль, Стокгольм, Женева, Саппоро — все крепнущая гегемония советского хоккея и все более ожесточенное сопротивление чехословацких и шведских хоккеистов, также непрерывно повышающих свой класс, отодвинувших на задний план прославленных канадцев.

Мы узнаем на снимках друзей — замечательных чехословацких хоккеистов, видим их на льду, в разгаре атак, знакомимся с выступлениями шведской сборной, и снова перед нами лица хорошо знакомых советских спортсменов — хоккеистов ЦСКА, «Спартака», «Динамо», «Химика».

Сколько их, замечательных спортсменов, проходит перед нами на страницах альбома! Да, богат наш хоккей талантами, поистине мы можем ими гордиться — вот какие чувства испытываешь, листая страницы хоккейной фотолетописи. И, отдавая дань тем, кто сделал наш хоккей лучшим в мире, авторы сборника целую главу посвящают тренерам. Они воспитали многие поколения прекрасных хоккеистов и уверены, что никогда не иссякнет приток молодежи, что скоро к ним придут те, кто сейчас еще выступает на турнирах «Золотая шайба», играет в дворовых и школьных командах.

Альбом — это прежде всего фотографии, и надо сказать, что снимки альбома «Наш хоккей» отличаются высокими художественными качествами, а ведь хоккей снимать не легче, чем играть в него. Огромные скорости требуют исключительной реакции не только от спортсменов, но и от фотокорреспондентов. В работе над альбомом принимали участие 18 мастеров фотографии, и среди них такие известные фотожурналисты, как М. Баташов, А. Бочинин, Н. Волков, В. Гребнев, Ю. Моргулис, В. Сафронов, Б. Светланов, В. Ун Да-син, В. Шандрин и другие.

Текст Д. Рыжкова прекрасно дополняет иллюстративную часть альбома, умело расширяя границы фотографий.

Я. КАТИН

[1] «Наш хоккей». Издательство «Физкультура и спорт». 1972. Автор-составитель — Д. Рыжков. Макет и оформление Д. Аникеева.

НЕТ ПОВЕСТИ ПЕЧАЛЬНЕЕ НА СВЕТЕ...

Джульетта Саркисова твердо усвоила, что молодость у человека одна, и потому, поступив еще в пору туманной юности в институт, больше десяти лет не находила времени, чтобы его окончить. Не губила она своей молодости и на работе: до 27 лет пребывала на папином попечении. Потом, чтобы не быть исключенной из числа вечных заочников, ей пришлось все же устроиться на службу.

В Киеве она появилась, чтобы отправить в больницу безнадежно больную мать. Прожив всю жизнь с отцом в другом городе, Джульетта Антоновна никогда не навещала эту женщину, даже за мать ее не считала. Но тут сложились особые обстоятельства: мама занимала хорошую квартиру в центре города и была одинока. И первое, о чем стала хлопотать Джульетта,— о квартире.

Далее все было, как в душещипательном, святочном рассказе. Джульетта считала, что больше других нуждается в индивидуальном подходе, как существо изнеженное и к суровостям жизни не подготовленное. Но, увы, никто не пожелал считаться с этим — закон есть закон. Ей отказали.

И вот тут-то появился добрый волшебник, отважный и целеустремленный, как классический Ромео: Федор Прокофьевич Лещенко, заместитель начальника главка «Укрглавлесбум».

Федор Прокофьевич принял Джульетту в главк, на ответственную инженерную должность, хотя она не имела ни диплома, ни жилья в Киеве. Теперь надо было помочь ей купить кооперативную квартиру. Любой взнос она готова была уплатить наличными. Но, несмотря на все ходатайства доброго покровителя, протянувшего Джульетте бескорыстную руку помощи, во вступлении в жилищный кооператив ей было отказано. Больше года отчаянных хлопот могли пойти насмарку. Бедная студентка в должности инженера готова была продолжать жить у некой старушки, снимая отдельную комнату.

Но в последний момент обнаружилось, что у Джульетты в Киеве немало родственников и родственниц. Одна из них поддалась уговорам Лещенко и прописала у себя в квартире Джульетту. Правда, под честное слово, что жить она в этой квартире не будет.

Это был шаг отчаяния. В квартире на трех жильцов — 72 квадратных метра площади. При такой квадратуре и в кооператив не примут и на учет в райисполкоме не возьмут: к числу нуждающихся в жилплощади Джульетту никак не отнесешь. И тогда Федор Прокофьевич вызывает к себе сотрудницу главка, располагающую очень маленькой квартирой, и уговаривает ее взять к себе его подопечную. Как отказать просьбе начальника?

Сотрудники главка не удивлялись, только ахали. Все же доброта — великое свойство натуры. Всегда суровое, непроницаемое, как бойница средневекового замка, лицо Федора Прокофьевича при виде Джульетты начинало светиться радостью, и на нем легко было прочесть почти отцовские чувства. А ведь в других случаях он непроходимо груб. Сотрудники общего отдела на него всем коллективом жалобу писали. Из его кабинета часто выходили в слезах многие и даже один из членов партбюро, пытавшийся получить с него членские взносы.

Так или иначе, но сотрудницу уговорили. И вот уже Джульетта при активной помощи Федора Прокофьевича, человека большой пробивной силы, «поселилась» в маленькой квартире, где на «душу населения» меньше пяти квадратных метров. Джульетта становится на учет в райисполкоме — формально теперь она «нуждается» в жилплощади. Произошло это двадцать второго декабря, а через два дня Лещенко выступает на заседании месткома главка и предлагает... дать ей государственную квартиру!

Тут следует сказать, что если Джульетта оказалась героиней этой истории, то режиссером ее был, и этого у него не отнимешь, Федор Прокофьевич Лещенко. Не будь его, Джульетта возвратилась бы в родной Тбилиси, получила бы там диплом не на десятом, так на двенадцатом году учебы и потеснилась бы годок-другой в домике родного папы. А такая возможность у нее, как мы вскоре увидим, была.

Но Лещенко — человек непреклонный. Он вызвал молодого специалиста, который стоял первым в квартирной очереди сотрудников главка, и сказал ему:

— Откажись от квартиры в пользу Джульетты, и я тебя не обижу. Ты же знаешь мои возможности. А в следующем доме получишь первым и не простую квартиру, а обставленную мебелью. И пусть тебя не интересует, кто за эту мебель уплатил. А не откажешься...

Но молодой специалист не отказался. И... теперь он работает в другом главке.

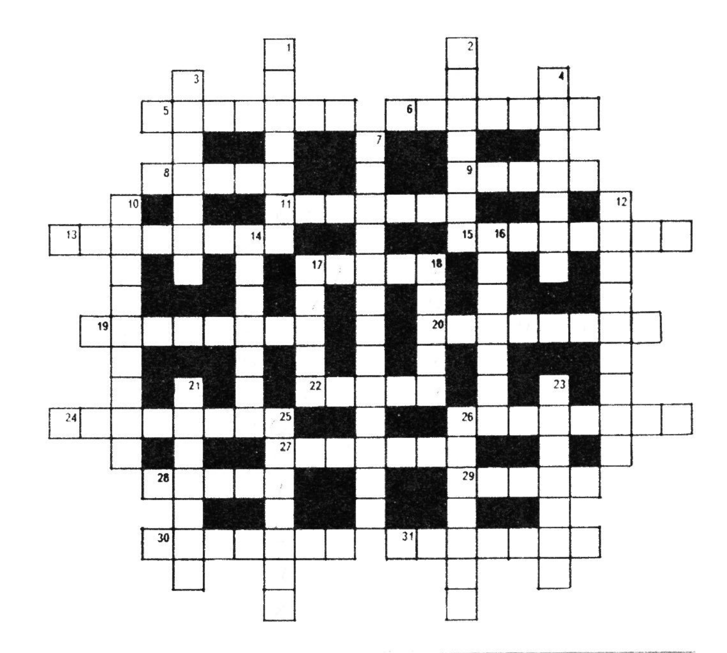
Кончается наша история, как и все святочные истории, весьма «счастливо». Несмотря на то, что в главке в очереди на получение квартиры стояли люди, проработавшие там по десять, а то и по двадцать лет, участники Отечественной войны, Джульетта лихо обошла их на «финишной кривой» и квартиру получила.

Единственно, что несколько омрачает «счастливый» конец описываемой истории, так это недовольство нескольких сотрудников главка. Но это ненадолго. Недовольных «взял на себя» Лещенко. А на коммунистку тов. Боний, которая во всеуслышание заявила, что Д. А. Саркисова получила квартиру незаконно, Джульетта подала в суд за клевету.

Так вот, к сведению судей. По официальным документам, заверенным подписями и печатями, Д. А. Саркисова вместе со своим отцом имеет в Тбилиси собственный дом полезной площадью 148 квадратных метров. В этом доме, кроме хозяев (семья из 4 человек), проживают несколько семей-квартирантов общей численностью 21 (двадцать один) человек...

Думается, что «печальная повесть» о Ромео и Джульетте наших дней ждет еще своего завершения.

С. КАЛИНИЧЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Роман Л. Леонова. 6. Легкая быстроходная шлюпка. 8. Спортивная игра. 9. Типографский шрифт. 11. Птица отряда куриных. 13. Озеро в Канаде. 15. Хищный зверек семейства куньих. 17. Областной центр в Белоруссии. 19. Зернохранилище. 20. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 22. Приток Иртыша. 24. Литовский духовой инструмент. 26. Плотная ткань. 27. Прерывистая линия. 28. Прямая, соединяющая две точки кривой. 29. Плодовое субтропическое дерево. 30. Наборная машина. 31. Войсковое соединение.

По вертикали: 1. Часть колеса. 2. Созвездие северного полушария неба. 3. Совокупность всех снастей судна. 4. Участок суши или моря, оборудованный для учебных стрельб. 7. Русский путешественник и исследователь Камчатки. 10. Вечнозеленый кустарник. 12. Стихотворение Н. А. Некрасова. 14. Произведение живописи. 16. Город в Чехословакии. 17. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 18. Знак препинания. 21. Русский шахматист. 23. Химический элемент. 25. Балет А. И. Хачатуряна. 26. Советский писатель.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали: 1. Эстрада. 5. Стетоскоп. 8. Багдад. 9. Аншлаг. 11. Радикал. 17. Куросленов. 18. Гидравлика. 19. Новгород. 20. Бухтарма. 23. Виноградов. 25. Монограмма. 28. Хоровод. 29. Геракл. 30. Окорок. 31. Донателло. 32. Палитра.

По вертикали: 2. Спендиаров. 3. Реология. 4. Декламация. 6. Баркас. 7. Майков. 10. Мордвинов. 12. Эпиграмма. 13. Окинава. 14. Пелотас. 15. Аргунов. 16. Каравай. 21. Коноплянка. 22. Мотороллер. 24. Гейзер. 26. «Разлом». 27. Конфетти.

На первой странице обложки: Один из первооткрывателей оренбургского газа, буровой мастер Степан Дмитриевич Иванов (см. в номере «Оренбургский газ»). Фото Э. Эттингера.

На последней странице обложки: Выступление корякского самодеятельного танцевального коллектива «Мэнго» с далекой Камчатки. Выступления ансамбля пользуются неизменным успехом у советских и зарубежных зрителей.

Фото А. Маслова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

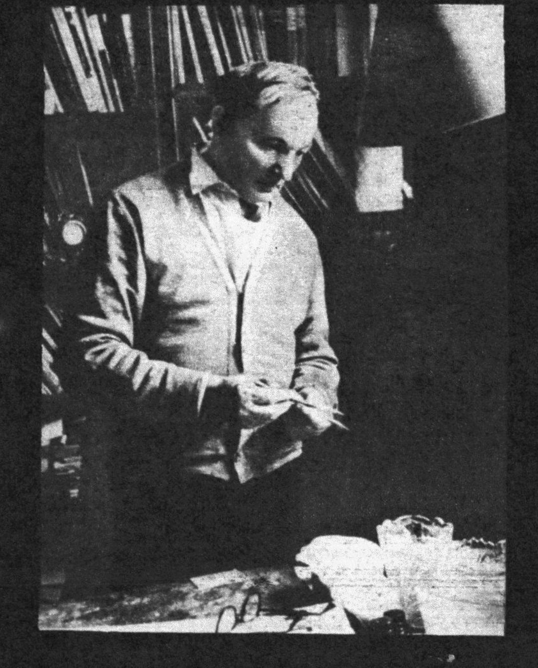
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 5/III-73 г. А 00043. Подп. к печ. 20/III-73 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 675. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 296.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Заставка к повести Н. В. Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка».

АМИНАДАВ КАНЕВСКИЙ

«Молодость не беда, с годами проходит».
Эмиль Кроткий.

Молодость... Она действительно проходит с годами. Но если ты взял с собой в далекий жизненный путь тот образный мир, который окружал тебя в юности, который впервые и навсегда поразил тебя, то старость тебя минует.

Аминадав Каневский, художник, поразительно свежо и на всю жизнь сохранил яркость незабываемых впечатлений детства. Образность, остроту, неуемную фантазию. У него нет подражателей. Каневский — художник неповторимый. Невозможно подражать штриху его рисунка, гротесковой ясности его манеры, особенной точности его силуэта. Художник по-своему, по-особенному видит мир, населенный людьми, птицами, зверями...

Искренность. Это свойство привело Каневского в детскую книгу, в детский журнал. Его перо и кисть воспели героев произведений Пушкина и Алексея Толстого, Маршака и Корнея Чуковского, Сергея Михалкова и Агнии Барто. Юные читатели «Мурзилки» и «Веселых картинок» полюбили светлые, мажорные, остроумные рисунки Аминадава Алексеевича. Пластический образ Буратино, созданный Каневским, поистине бессмертен...

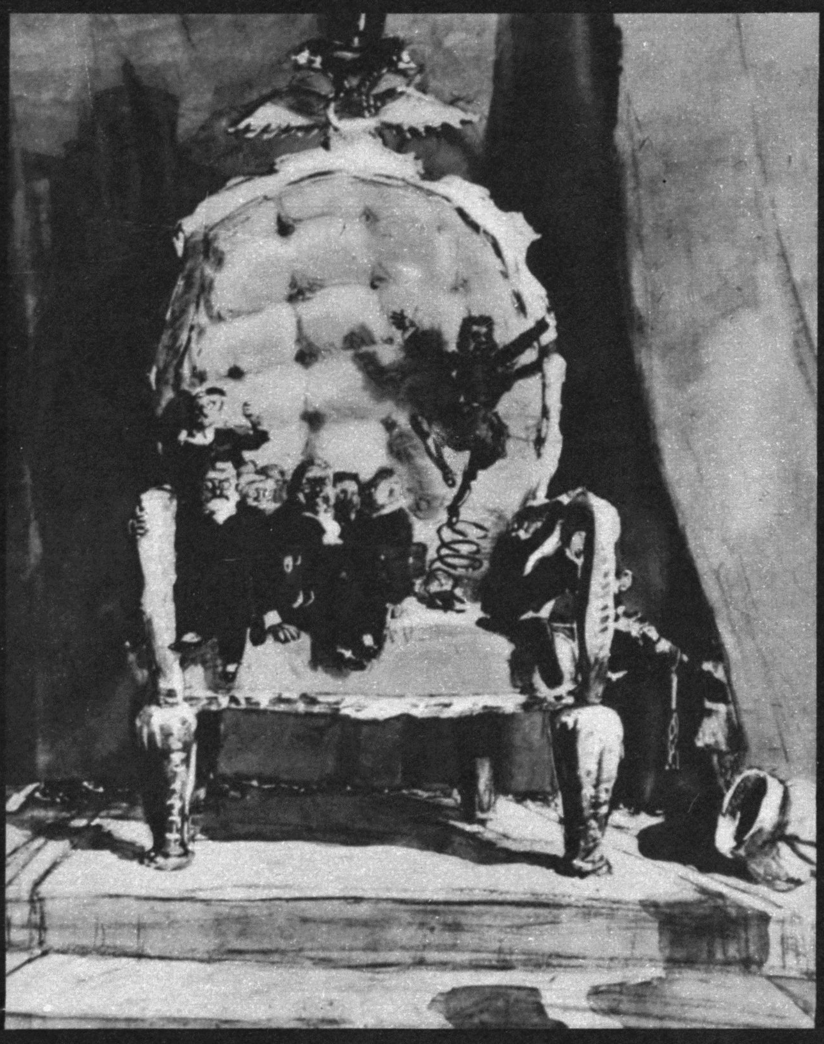
Великолепны иллюстрации, созданные Аминадавом Каневским к творениям Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Эти листы, то сатирически беспощадные, то наполненные лирикой и мягким юмором, вошли в золотой фонд советской графики.

Есть немало художников-сатириков, у которых эстетические качества карикатуры и качества, определяющие их общественную ценность, сочетаются естественно и просто, и одним из первых среди них является Аминадав Каневский.

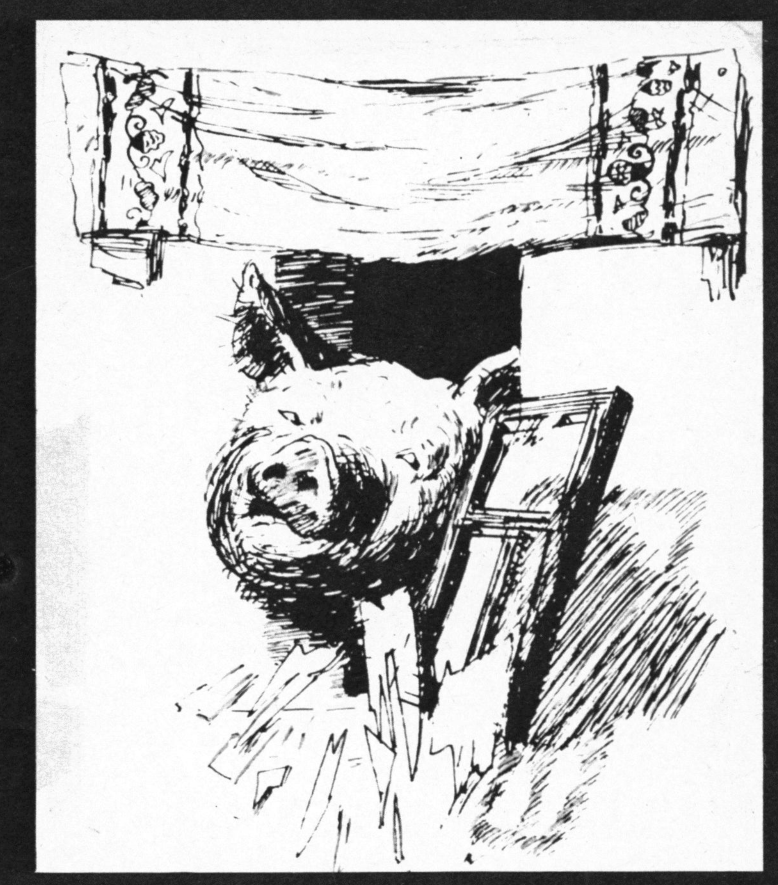
Говоря о смехе, Рабле сравнивал смех с ларцом, на котором нарисованы веселые и забавные картинки. «Но откройте этот ларец,— писал Рабле,— и вы увидите в нем драгоценные снадобья». Так и у Каневского — за смешной и веселой формой его карикатур ясно видна мысль художника-сатирика, вскрывающая всю фальшь происходящих событий.

Свое семидесятипятилетие народный художник РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР Аминадав Каневский встречает за рабочим столом, полный бодрости и уверенности, что немало еще сделает доброго и полезного, и мы, его друзья, не сомневаемся в этом.

И. СЕМЕНОВ,
народный художник РСФСР

Временное правительство.

Концовка к повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка».

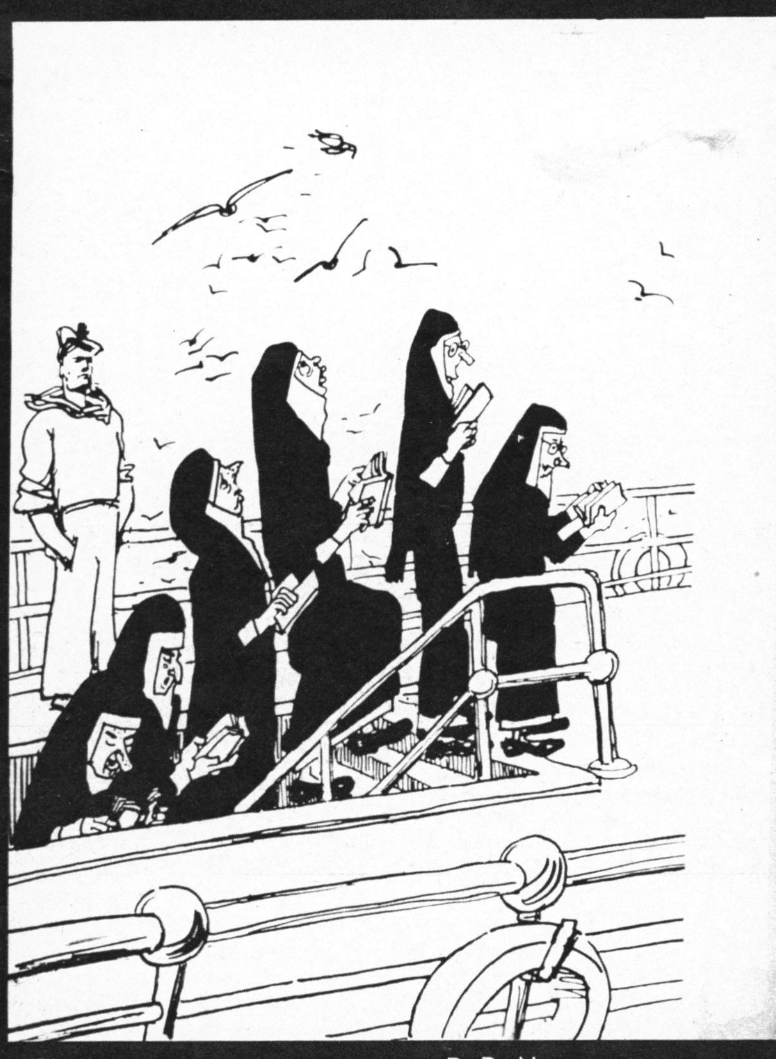

Иллюстрация к стихотворению В. В. Маяковского «6 монахинь».

Иллюстрация к повести Н. В. Гоголя «Майская ночь».

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663